

NYELVÉSZETI ÉS IRODALMI FOLYÓIRAT
JOURNAL OF LINGUISTICS AND LITERARY SCIENCES
ČASOPIS ZA JEZIKOSLOVJE IN LITERARNE VEDE
REVĪJA JEŽIČNIH I KNJIŽEVNIH STUDIJA
ЖУРНАЛ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

2001

STUDIA 1-2
SLAVICA
SAVARIENSIA

Elizabeta Bernjak

TEORIJA BESEDNIH VRST V SLOVENSKEM IN MADŽARSKEM JEZIKOSLOVJU

Protistava besednih vrst v modernih slovenskih in madžarskih slovnica

1 Viri in predloge besednovrstne klasifikacije v tradicionalnih slovenskih in madžarskih slovnica

Vprašanja klasifikacije besedišča v besedne vrste spada med najtežja jezikoslovna vprašanja. V jezikoslovju – tradicionalnem in modernem – ni niti ene splošno sprejete klasifikacije niti splošno veljavne definicije besednih vrst. V skladu z razvojem jezikoslovja se je postopno razvijal tudi nauk o besednih vrstah. Pri primerjavi besednih vrst v slovenskem in madžarskem slovničarstvu je treba upoštevati dejstvo, da so imele opisne slovnice, kakor tudi teorije o besednih vrstah, svojo tradicijo, ki je segala vse do grške antike.

1.1 V antiki so se s slovničnimi vprašanji ukvarjali predvsem v okviru filozofije, jezikoslovne raziskave so bile usmerjene v etimologijo, fonetiko in gramatiko. **Platonu**¹ se pripisuje temeljna delitev grškega stavka na glagolski (rhema) in imenski del (onoma), kar je v določenem smislu vse do danes osnova za sintaktično analizo in klasifikacijo besednih vrst. **Aristotel** je Platonovo delitev dopolnil še s tretjim skladenjskim razredom (syndesmoi), ki prekriva kasnejši razred veznikov (verjetno tudi predlogov), člena in zaimkov (*Rhetorica* 3.5§2)². Besede kot jezikovne enote (stavčne sestavnike »meros logou«) je določil po obliki in pomenu. Stoiki so klasifikacijo besed in slovnične kategorije aristotelskega sistema razvijali naprej v dve smeri: povečali so število besednih vrst in uvedli natančnejše definicije zanje ter dodali nove slovnične kategorije za označitev morfologije in skladnje besednih vrst. Do spremembe je prišlo pri besednem razredu »syndesmoi«, lekseme tega razreda so razdelili v dva razreda: v pregibni razred »arthra« (kasnejše zaimke, člen) in nepregibni »syndesmoi« (kasnejši predlogi in vezniki). Aristotelov besedni razred »onoma« členijo v dva razreda: na lastna imena (onoma) in občna imena (prosegoria), od kategorije »prosegoria« so kasneje ločili v poseben razred prislove (mesotes). Od stoičnih besednih razredov so kasnejši slovničarji upoštevali vse razrede razen razreda »prosegoria«, ki so ga ponovno vključili med »onoma«.

¹ J.C. Rijlaarsdam, *Platon über die Sprache: ein Kommentar zum Kratylos*, Utrecht, 1978.

² H.E. Brekle, *Einführung in die Geschichte der Sprachwissenschaft*, Darmsteter, 1985:44-67.

1.2 Slovnico izročilo stoikov se je preko **Dioniza Thraxa** (1.st. pr. n.š.), avtorja prvega ohranjenega opisa grškega jezika (*Tekhne grammatika*)³, ohranjalo v latinskih slovnica in preko teh v evropskih tradicionalnih slovnica. Thraxov klasifikacijski model besednih vrst je poglaviti vir za klasifikacijo vse do konca srednjega veka, tako za grške kot za latinske slovnice opise – z določenimi modifikacijami v latinščini, ki nima člena –, preko teh pa tudi za slovnice opise večine evropskih jezikov vse do danes. Thrax razlikuje 8 besednih vrst: (lastna in občna imena stoikov ponovno združi v razred) 1.onoma/samostalnik (sklonljiv stavčni del, ki zaznamuje konkretno ali abstraktno stvar), 2. rhema /glagol (beseda brez sklonov, dovoljuje kategorijo časa, osebe in števila; zaznamuje dejanje in stanje), 3.metokhe/ particip (beseda, ki deli lastnosti glagola in razreda onoma), 4.arthron/člen (stavčni del s sklonom, stoji pred ali za samostalnikom), 5.antonymia/ zaimek (beseda, ki se rabi namesto samostalnika; nekatere zaimke spremljajo artikli, druge ne), 6.prothesis/predlog (beseda, ki lahko stoji pred katero koli besedo), 7.epirrhema/prislov (nepregibni beseda, ki določa glagol ali se dodaja glagolu), 8.syndesmos/veznik (beseda, ki povezuje govor). Latinski slovnice rimske antike se v marsičem zgledujejo po grških vzornikih, na evropske slovnice pa je imel največji vpliv **Priscian**⁴ (*Institutiones grammaticae*, cca. 500 n.š.; morda tudi Donat⁵, 4. st.). Namesto člena iz grških slovnice uvedejo latinski slovnice kot poseben razred medmet (ta je pri Thraxu podrazred prislovov; pri Donatu se člen ohrani) in prevedejo grško slovnico terminologijo v latinščino. Priscian razlikuje na osnovi pomena in relevantnih morfoloških kategorij 8 razredov besednih vrst (kot Tekhne, toda opusti člen in uvede medmet): nomen, verbum, participium, pronomen, adverbium, praepositio, interiectio, coniunctio. Podobno klasifikacijo najdemo tudi v srednjeveških latinskih slovnica, ki pri klasifikaciji upoštevajo semantični kriterij, pri kriteriju pregibnosti pa se ravna po kategorijah sholastične filozofije.⁶

1.3 Iz obdobja renesanse do začetkov jezikoslovja moderne dobe je v slovenskem in madžarskem slovnice opazen vpliv predvsem **Melanchtonove**⁷,

³ Prim. R.H. Robins, *The Techne grammaticae of Dionysius Thrax in its historical perspective*, Leuven, 1989:9-37.

⁴ M.Passalacqua, *I codici di Prisciano*, Roma, 1978.

⁵ Po mnenju madžarskih jezikoslovcev je opazen zlasti vpliv latinskega slovnice Donata na tradicionalne madžarske slovnice. Prim. A. Cser, *A magyar nyelvudomány történetének vázlata*. V: R.H. Robins, *A nyelvészet rövid története* (prev. P. Siptár), Budapest, 1999:266-286.

⁶ Prim. Th. Of Erfurt (*Grammatica speculativa*. Ur.: G.L. Bursill-Hall, London, 1972) razlikuje nomen, verbum, participium, pronomen, adverbium, coniunctio, praepositio, interiectio.

⁷ Syntaxis olim a Philippo Melanchtone collecta, nunc locupletata, ut sit ad usum scholarum accommodatior, 1538.

Reuchlinove⁸ in **Raméejeve**⁹ slovnice, manj opazen pa je vpliv univerzalne slovnice Port Roya¹⁰, katere klasifikacijski kriteriji bi morda lahko bili dobro izhodišče za oblikovanje splošnih, univerzalnih kriterijev, na podlagi katerih bi se lahko ustrezno primerjali tudi besednovrstni sistemi tipološko nesorodnih jezikov.¹¹ Jezikoslovje 18. (J. Harris¹², Gottsched¹³, **Adelung**¹⁴) in 19. stoletja (Schlegel, Grimm¹⁵, Humboldt¹⁶, novogramatiki¹⁷, slovansko jezikoslovje, npr.

⁸ J. Reuchlin (*De rudimentis Hebraicis*, Pforzheim, 1506) je opozoril zahodnoevropske znanstvenike na klasifikacijo besednih vrst v hebrejskih slovniceh, ki se bistveno razlikuje od tedaj veljavnih klasifikacij: samostalnik, glagol, partikula; prvi dve besedni vrsti sta prepigibni, zadnja je nepregibna. Reuchlin je hebrejsko slovnično tradicijo prevzel v latinsko slovnično tradicijo, pri tem je »samostalnik« klasificiral na podrazrede: samostalnik, zaimек in deležnik, partikule pa na prislove, veznike, predloge in medmete. Klasifikacija temelji na pomenskem in oblikoslovnem merilu. Prim. še A.J. Klijnsmit, *Balmesian linguistic*, Amsterdam, 1992.

⁹ P. Ramée, *Scholae grammaticae*, Frankfurt, 1559; *Gramere*, Paris, 1562. Osnovno merilo za slovnične opise in besednovrstno klasifikacijo je pri formalno merilo v tem smislu, da se ne opira na semantične in logične kategorije, ampak le na odnose med dejanskimi besednimi oblikami. Razlikuje 8 besednih vrst (kot Priscian) Madžarski slovničar A. Molnár Szeczi omenja med viri svoje slovnice *Novae Grammaticae Ungaricae succincta methodo comprehensae et perspicuis exemplis illustratae libri duo* iz leta 1610 tudi Raméeja.

¹⁰ Slovničarji Port Roya¹⁰, C. Lancelot in A. Arnauld, *Grammaire générale et raisonnée*, Paris, 1660 (Nova izdaja: Scholar Press, Menton, 1967) razlikujejo 9 besednih vrst (po Priscianu in Donatu): samostalnik, člen, zaimек, deležnik, predlog, prislov, glagol, veznik, medmet; nova je členitev po pomenskem kriteriju: prvih šest besednih vrst izraža predmet mišljenja, zadnje tri pa forme mišljenja. O pretežnem delu tradicionalne latinske slovnice so predpostavljali, da obstaja v sistemu vseh jezikov, tako npr. 6 latinskih sklonov

¹¹ Ko je jezikoslovje akceptiralo raznolikost jezikov in spoznalo, da so vernakulari prav tako vredni preučevanja in negovanja kot klasični jeziki, se je moralo soočiti tudi z vprašanji jezikovnih univerzalij. Antični jezikoslovci se s tem problemom no ukvarjali, ker so se usmerjali samo na grščino in latinščino; sholastiki so predpostavljali, da latinščina – opisana po Priscianu – predstavlja univerzalno infrastrukturo vseh jezikov; empiristi so poudarjali razlike med posameznimi jeziki, tj. preučevanje slovničnih kategorij in klasifikacija besednih vrst mora temeljiti na ugotovljenih dejstvih; racionalisti pa so se usmerjali na ugotavljanje tistih skupnih, splošnih značilnosti v jeziki, ki s skrite pod površinsko raznolikostjo. Vsa ta vprašanja so vse do danes predmet jezikoslovnega razmišljanja. Prim. Hjelmslevo delo *Principes de grammaire générale* (1928), v katerem postulira tako univerzalno état abstrait, ki zajema odprte možnosti za vse jezike in ki ga état concret vsakega posameznega jezika drugače realizira. Deskriptivisti bloomfieldskega tipa so postulirane univerzalije zmanjšali na minimum in v ospredje postavljali opis opazovanih oblik, in sicer s pomočjo ad hoc kategorij in razredov, ki jih je potrebno za vsak jezik posebej postaviti. Firthijanci so sicer omenjali neko univerzalno jezikoslovno teorijo, toda zelo previdno so obravnavali splošne kategorije oz. na univerzalno slovnico nanašajoče se ugotovitve (prim. J.R. Firth, *A synopsis of linguistic theory*. V:

Dobrovski, Miklošič) ter 20. stoletja (praški funkcijski strukturalizem¹⁸, avtorji evropskega ter ameriškega strukturalizma in generativnega jezikoslovja¹⁹) je s svojimi klasifikacijskimi kriteriji pustilo sledove tudi v tradicionalnih in modernih slovnicaх slovenskega in madžarskega jezika, četudi se v klasifikaciji besednih vrst od zgodnje evropske slovnične tradicije (izhajajoče iz grško-rimske tradicije) pa vse do danes ohranja brez posebno pomembnih sprememb 9-členski besednovrstni sistem: samostalnik, pridevnik (pogosto združena v skupni razred imenskih besed, sem se uvršča tudi števnik), zaimek, glagol, prislov, predlog, veznik, člen in medmet.

1.4 Za vse slovenske in madžarske slovnice lahko dokažemo bolj ali manj neposredne vplive (vire) splošnojezikoslovne orientacije, poudariti pa je treba nekaj vplivnih težišč. V 16. in 17. stoletju je opazen močan vpliv klasičnih grških (Thrax) ter klasičnih, humanističnih in racionalističnih latinskiх slovnicaх (Priscian, Donat, Melanchton, Reuchlin, Ramée) na prve slovnice slovenskega (prim. **A. Bohorič**, *Articae horulae*, 1584; prim. še **Hipolitove** izdaje 1715, 1758) in

Studies in linguistic analysis, Oxford, 1957:21-21). Kasneje so Chomsky in generativisti znova izpostavili pomembnost jezikovnih univerzalij, in sicer podobno avtorjem racionalističnih filozofskih slovnicaх ter Hjelmslevim stališčem iz leta 1928.

¹² J. Harris (*Hermes or a philosophical enquiry concerning language and universal grammar*, 1751) je glede pomenske klasifikacije besed sledil Aristotelu, v njegovem besednovrstnem sistemu sta »dve glavni besedni vrsti«: principals (substantiv, tj. samostalnik z zaimki – zaznamuje predmete, atributiv, tj. glagol, deležnik, pridevnik – zaznamujejo lastnosti, adverbi so posebni tip atributiva) in accessories (dopolnilne besedne vrste, ki nimajo posebnega pomena: definitivi, tj. člen in nekateri zaimki, konjunktivi, tj. vezniki in predlogi); pri uvedbi medmeta se je ravnal po latinskiх slovnicaх.

¹³ J. Ch. Gottsched, *Deutsche Sprachkunst*, Leipzig, 1757.

¹⁴ J. Ch. Adelung, *Die deutsche Sprachlehre*, 1781; *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache*, 1782.

¹⁵ J. Grimm, *Deutsche Grammatik*, Göttingen, 1819-37.

¹⁶ W. Von Humboldt, *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues*, Berlin, 1836.

¹⁷ A. Leskien, *Declination im Slawisch-Litauischen und Germanischen*, Leipzig, 1876.

H. Osthoff in K. Brugmann, *Morphologische Untersuchungen* 1, 1878.

¹⁸ Prim. R. Jakobson in M. Halle, *Fundamentals of language*, The Hague, 1956. V. Skalička, *Zur ungarische Grammatik*, Praga, 1935. Prim. še J. Vachek, *Linguistic school of Prague*, Bloomington, 1966.

¹⁹ Prim. F. de Saussure, *Cours de linguistique générale*, 1916. E. Sapir, *Language*, 1921. L. Bloomfield, *Language*, 1933. B. Havranek in A. Jedlička, *Česká mluvicne*, Praha, 1963. O. Jespersen, *Essentials of English Grammar*, London, 1952. *Morfológia slovenskéha jazyka*, Slovenská Akadémia vied, Bratislava, 1966. P. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartik, *A Grammar of Contemporary English*, Longman, 1974. L. Tesniere, *Éléments de syntaxe structurale*, Paris, 1965. N. Chomsky, *Syntactic Structures*, 1957; *Aspect of theory of syntax*, 1965; *Lectures on government and binding*, 1981.

madžarskega jezika (prim. **J. Sylvester**, *Rudimenta Grammatices Donati*, 1527; *Grammatica Hungarolatina*, 1539; **A.M. Szenczei**, *Novae Grammaticae Ungaricae*, 1660), v katerih je slovnični opis podan z latinskim metajezikom. Besedne vrste v njih se prekrivajo s tistimi v latinščini, tako po klasifikacijskih kriterijih (poudarek je na morfološkem, manj na pomenskem kriteriju) kot po številu besednih vrst (nomen, pronomen, particip, adverb, konjunkcija, prepozicija, interjekcija; v okviru imenske besede še člen).

V slovničarstvu 18. stoletja se poleg latinske tradicije uveljavlja vpliv racionalistične gramatike 17. in 18. stoletja, posebno vpliv Gottscheda in Adelunga (prim. **M. Pohlin**, *Kraynska Grammatika*, 1786, 1783; **O. Gutsman**, *Windische Sprachlehre*, 1777; **V. Vodnik**, *Pismenost ali Gramatika*, 1811. **M. Bél**, *Der ungarische Sprachmeister*, 1729; **J. Földi**, *Debreceni grammatika*, 1759; **M. Révai**, *Elaboratior Grammatica Hungarica*, 1803; **F. Verseggy**, *Neuerfasste Ungarische Sprachlehre*, 1805). V 19. stoletju so poleg grških, latinskih in nemških virov v slovenskih slovnica opazni tudi vplivi slovanskega jezikoslovja (prim. **J. Kopitar**, *Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark*, 1808; Akademski slovar, *A magyar nyelv rendszere*, 1843). Slovnice v sredi in ob koncu 19. stoletja so pod vplivom mladogramatikov (prim. **A. Janežič**, *Slovenska slovnica*, 1854; **Zs. Simonyi**, *Tüzetes magyar nyelvtan*, 1895; **I. Szalay**, *A magyar nyelvtudomány rövid foglalata*, 1828²⁰). Slovnična tradicija iz teh slovnice se nadaljuje (prim. **A. Breznik**, *Slovenska slovnica*, 1916, 1934; čitankarska *Slovenska slovnica*, 1940, 1956, 1964²¹; **J. Lotz**, *Das ungarische Grammatik*, 1939²²) vse do pojava modernih strukturalističnih in generativnih slovenskih in madžarskih slovnice. Pri primerjavi modernih slovenskih in madžarskih slovnice je mogoče ugotoviti več divergenc glede klasifikacije besednih vrst kot v tradicionalnih slovnica. J. Toporišič v *Slovenskem knjižnem jeziku 1-4* (1965-1970) razlikuje – kot tradicionalna slovnica – 9 besednih vrst, prav toliko besednih vrst razlikuje tudi v *Slovenski slovnici* (1976, 1984, 1991, 2000)

²⁰ Szalayevo slovnice (1828), ki je nastala po zgledu Felbigerjeve slovnice *Verbesserte Anleitung zur deutschen Sprachlehre*, 1779, je že leta 1833 prevedel v prekmurski knjižni jezik Jožef Košič, *Kratki Navuk Vogrszkoga Jezika za Zacsetnike*. Tako kot *Anleitung* tudi Szalayeja in Košičev prevod razlikujejo 9 besednih vrst (névmutató – imenik, név – ime, ige – rejs, részesülő – deliven, elől-utoljáró – zaposztavek, határozó – prirejsce, egybefoglaló – veznik, közbevető – medsztavek, névmás – zaimé.).

²¹ Navedene slovnice razlikujejo tradicionalne besedne vrste: samostalnik, pridevnik, zaimek, števnik, glagol, prislov, predlog, veznik, medmet.

²² Besedne vrste klasificira po pomenskem kriteriju, gramatične kategorije pojmuje kot obvezne informacije o besednih vrstah. Izpostavi dve glavni besednovrstni skupini, tj. imenske besede in glagol, prislove uvrsti med imena, trdilnice, nikalnice in vprašalnice uvrsti v poseben razred »Urteilswort«. Nomen verbale so pri njem podrazredi imenskih besed (samostalnika, pridevnika, prislova; med pridevnike šteje tudi števnike in člen; vsak imenski razred ima še podrazred zaimkov.

ter v svojih člankih o besednih vrstah²³, vendar v njih modificira tradicionalno pojmovanje zaimka, števnik (zaimek uvrsti v nadskupino samostalniških in pridevniških besed, sem uvrsti tudi števnik) in prislova (iz te besedne vrste izloči členke) ter uvede novo besedno vrsto predikativ. Madžarska akademjska slovnica (**J. Tompa** (ur.), *A mai magyar nyelv rendszere*, 1961²⁴) razlikuje 5 velikih razredov in 15 podrazredov besednih vrst; slovnica **E. Rácza** (ur.) *A mai magyar nyelv* (1968)²⁵ prav tako deli besede v 5 velikih razredov in 16 podrazredov; **A. Jászó**²⁶ klasificira madžarsko besedišče v 6 velikih skupin in 16 podskupin; v študijah²⁷ o besednovrstni teoriji se besedne vrste še bolj diferencirano

²³ J. Toporišič, *Besednovrstna vprašanja slovenskega knjižnega jezika*, JiS 20 (1974/75), 33-39; *Esej o slovenskih besednih vrstah*, JiS 20 (1974/75), 295-305; *Še k teoriji besednih vrst, posebno predikativa*, JiS 25 (1979/80), 201-205; *Členki in njihovi stavčni ustrezniki*, SSJLK 27 (1991), 3-16. Novejše slovensko jezikoslovje torej loči 5 predmetno-pomenskih: samostalniška beseda (substantival), pridevniška beseda (adjektival), glagol (verbum), prislov (adverb), povedkovnik (predikativ), 3 slovnične besedne vrste: predlog (prepozicija), veznik (konjunkcija), členek (partikula) ter medmet (interjekcija). B. Pogorelec, *Snov za študij sintakse*, Skripta za študente (tipkopis), 1984/85 uvršča predikativ med glagole, ki jih členi med prave glagole in neglagolske izraze. Količina teh izrazov je premaloštevilna za uvrstitev v besedno vrsto, zaradi homonimije so po njej lahko delna množica prislovov.

²⁴ *MMNyR* (1961): I. Glagol, II. Imena: A) prava imena (1.1 samostalnik, 1.2 nedoločnik; 2.1 pridevnik, 2.2 deležniki, 3 števnik), B) Besede, ki nadomeščajo imena: Zaimki, III. Prislovi (1. pravi prislovi, 2.deležje, 3.členki, 4. preverbi), IV. Razmerne besede (1. člen, 2. postpozicija, 3. veznik), V. Medmeti.

²⁵ E. Rácza (ur.), *MMNy* (1968): I. Glagol, II. Imenske besede A) prava imena (1.1 samostalnik, 1.2 nedoločnik, 2.1 pridevnik, 2.2 deležniki, 3. števnik), B) Zaimki, III. Prislovi (1. pravi prislovi, 2. deležje, 3. členki, 4. preverbi), IV. Oblikovne besede (1. člen, 2. postpozicija, 3. veznik, 4. pomožni glagol), V. Medmet.

²⁶ *A magyar nyelv könyve* (1994): I. Glagol, II. Imenske besede (1. samostalnik, 2. pridevnik, 3. števnik, 4. zaimek), III. Glagolska imena (1. nedoločnik, 2. deležniki, 3. deležje), IV. Prislov, V. Razmerne besede (1. člen, 2. postpozicija, 3. veznik, 4. preverb, 5. pomožni glagol, 6. členki), VI. Besede stavki (1. medmeti, ogovorne besede).

²⁷ J. Berrár (*Próbák és problémák a mai magyar nyelv tankönyv új kiadásához – A szófajok*, V: *NyudDolg.*, 33, 1982:7-32) razlikuje: A) Osnovne besedne vrste (glagol, samostalnik, pridevnik, števnik, prislov), B) Zaimke, C) Prehodne besedne vrste (nedoločnik, deležniki, deležje), Č) Razmerne besede (1. semantične: preverb, člen, členek, 2. sintaktične: pomožni glagol, postpozicija, veznik), D) Medmete. B. Keszler (*A mai magyar nyelv szófaji rendszerezésének problémái*, V: *Nyr.* 119, 1995:293-306; *Probleme der Wortklassifizierung in der ungarischen Gegenwartsprache*, V: *Acta Linguistica Hungarica*, Vol 45, 1998:291-310) razlikuje manj kategorij kot tradicionalna slovniška literatura: I. A) Osnovne besedne vrste (glagol, samostalnik, pridevnik, prislov, *števnik, nedoločnik, deležniki, deležje), B) Zaimki (samostalniški, pridevniški, števniki, prislovni), II. Pomožne (razmerne) besede (1.veznik, 2.podleksemi: potpozicija, člen, pomožni

klasificirajo, tako se poveča tudi njihovo število. Povsem drugačno klasifikacijo je mogoče zaslediti v generativni slovnici *Új magyar nyelvtan*.²⁸

2 Kriteriji klasifikacije besednih vrst v tradicionalnih in modernih slovnica

2.1 Kriteriji, po katerih se besedne vrste v različnih jezikih klasificirajo, se razlikujejo po posameznih tipih slovnice. Če izhajamo iz definicij besednovrstnih kategorij v klasičnih grških in latinskih slovnica (Thrax, Priscian), lahko ugotovimo 3 uvrščevalna merila, toda v ospredju je morfološki princip. Izhodišče uvrščanja v posamezne besedne razrede predstavljajo primarne morfološke oznake določene množice slovarskih enot, tj. kategorija spola, sklona, števila, časa, naklona. Ti kriteriji se upoštevajo zlasti pri opisu glavnih besednih vrst (samostalnika, glagola, participa) in člena. Poleg morfološkega principa se upošteva še semantični kriterij, ki se nanaša na skupne pomenske oznake leksikalnih enot. Te se upoštevajo zlasti pri opisu prislova, veznika in različnih razredov zaimkov. Tretji princip je princip distribucije, ki se pojavlja pri določanju predlogov.

Glede definicije in opisa posameznih besednih vrst v različnih slovnica, tako tradicionalnih kot modernih, je mogoče ugotoviti, da se pri klasificiranju besednih vrst ne naslanjajo zgolj na en sam kriterij, ampak upoštevajo več kriterijev, in sicer v določenem hierarhičnem zaporedju. To v prvi vrsti velja za večino tradicionalnih slovnice, ki se glede delitve besednih vrst načeloma ravna po navedenih kriterijih, tj. morfološkem, semantičnem in distribucijskem, pri tem je zlasti pri glavnih besednih vrstah v ospredju morfološki kriterij.²⁹

2.2 Pri besednovrstnem klasificiranju v modernih oz. sodobnejših slovnica so glede na tradicionalne klasifikacije ugotovljivi naslednji aspekti: vrsta kriterijev

glagol, funkcijski glagol, nikalnica, preverb, 3. členki, 4. besede stavki), III. Besede stavki (1. medmet, 2. ogovorne besede).

²⁸ K. É, Kiss-F., Kiefer, P. Siptár (*Új magyar nyelvtan*, Budapest, 1998: 19-20): temeljni kriterij je distribucijski, ugotavlja razrede stavčnih skladnikov – oblikovnih kategorij. Te deli na osnovne oblikovne kategorije: a) vsebinske (predmetnopomenske): glagol, samostalnik, pridevnik, postpozicija, prislov – te kategorije so jedro besednih zvez; b) gramatične kategorije: veznik, števnik, determinant. Med števnike uvršča še nedoločni člen, med determinante pa določni člen in nekatere tipe zaimkov (izpostavni vprašalni, kazalni, splošni in nedoločni). Ostali zaimki so uvrščeni kot podrazred med samostalnike, pridevnike, števnike in prislove. Preverbe uvršča po madžarski slovnici tradiciji med prislove, glagolska imena pa delno obravnava v sklopu glagolske paradigme.

²⁹ Prim. Kopitarjevo klasifikacijo besednih vrst: samostalnik, pridevnik in glagol obravnava po morfološkem in delno semantičnem kriteriju; prislov, veznik in medmet pa pretežno po semantičnem kriteriju; po distribucijskih lastnostih obravnava predloge, pri preostalih besednih vrstah, tj. členu, števniku in zaimku ne navaja klasifikacijskih oznak.

je ostala ista, izjemo predstavlja le distribucijski kriterij, ki je na določen način predhodnik sintaktičnega kriterija. Prav ta kriterij je v novejših konceptih pojmovan kot samostojen tip oznak ter ima izpostavljeno klasifikacijsko vlogo. Največ sprememb na področju klasifikacije je povezanih s sistematiko rabe meril ter z vrednotenjem oz. notranjo členitvijo posameznih meril.

Večina pregledanih novejših slovnice izhaja primarno iz sintaktičnih kriterijev, tj. najpomembnejši kriterij uvrščanja je stavčnočlenska vrednost besedne vrste. Za tem kriterijem sledijo pogosto še drugi kriteriji (tako v pregledanih slovenskih in madžarskih slovniceh, prim. J. Toporišič *Slovenska slovnica*, A. Jászó, *A magyar nyelv könyve*). Poleg členitve po pretežno sintaktičnih kriterijih se tudi v modernih slovniceh upošteva tudi klasificiranje besednih vrst po morfoloških kriterijih (prim. Toporišič, *Slovenska slovnica*, Tompa, *A mai magyar nyelv rendszere*, Jászó, *A magyar nyelv könyve*). Po teh kriterijih se ločijo pregibne in nepregibne besedne vrste. Klasificiranje samo po enem kriteriju, npr. morfološkem³⁰, lahko povzroča težave pri uvrščanju besed v besedne vrste znotraj istega jezikovnega sistema, še bolj pa pri primerjavi besednovrstnega sistema različnih jezikovnih sistemov. Tako v slovenskih kot v madžarskih in drugih modernih slovniceh obstajajo tudi poskusi klasifikacije po primarnih semantičnih oznakah. Pri tem se posamezni besedni razredi klasificirajo po tem, kateri tip pomena reprezentirajo, tj. ali imajo kategorialni oz. leksikalni (polnopomenske besede, prim. Toporišič, Tompa) ali sinsemantični pomen (nepolnopomenske oz. slovnične besede, razmerne besede), kot tretji podtip bi veljalo uvesti še deiktični pomen. Tako determinirani razredi se po eni strani delijo v avtosemantične (s podrazredom simbolizacijskih leksemov - ti se še naprej členijo v substancialne lekseme /samostalnik/, akcidentalne /glagol, pridevnik/ in relacijsko substancialne /prislov/ - ter s podrazredom ekspresivnih leksemov /medmet/), po drugi strani pa v sinsemantične razrede (npr. predlog oz. postpozicija, veznik, členek) ter v razred leksemov z deiktičnim/ kazalnim pomenom (npr. zaimek). Avtosemantične besede se v svojem pomenu nanašajo na danosti zunajjezikovne stvarnosti in te poimenujejo, sinsemantične besede pa nimajo poimenovalne funkcije, ampak signalizirajo operacije z jezikovnimi entitetami. Deiktične besede imajo, kot kaže ime samo, kazalno funkcijo.

2.3 Iz klasifikacijskih modelov na podlagi predstavljenih treh konceptov (bodisi da upoštevamo posamezne oznake ali matrico oznak kot specifično hierarhijo

³⁰ Po strogo morfološkem klasificiranju se npr. besede všeč, narobe (Knjiga mi je všeč. To je narobe.) v slovenščini uvrščajo v nepregibne besedne vrste, verjetno zato, ker so brez morfoloških oznak (oz. se redko pregibajo), po drugi strani pa se skladenjsko obnašajo kot predikativi (posledično tudi kot stavčni členi). Še več težav predstavlja po tem modelu uvrščanje morfološko nehomogenih razredov kot so zaimki in števniki, prav tako se veda tudi prislovi in členki, ki so še danes v različnih slovniceh neenotno predstavljeni.

tipov oznak) sledijo določene konsekvence, ki imajo svoje prednosti in pomanjkljivosti: (a) v opisu slovnice sistema določenega jezika se pojavlja zaradi upoštevanja različnih klasifikacijskih modelov različno število besednih vrst - tako je omejena primerljivost med slovnici enega in istega jezika -; (b) klasifikacije, ki temeljijo na idioetničnih oznakah posameznega jezika, veljajo v bistvu le v tem okviru, kar seveda ima določene posledice za kontrastivni opis jezikov, posebno tedaj, ko primerjamo tipološko nesorodne jezike, kot sta slovenščina in madžarščina. Pri kontrastivnem obravnavanju besednih vrst se torej znova pojavlja vprašanje o idioetnični oz. univerzalni veljavnosti klasifikacijskih meril³¹, tj. katera merila naj bi bila splošno veljavna in v kolikšni meri je smiselno širiti klasifikacijski inventar oznak. O tem obstajajo v strokovni literaturi različna mnenja; tako se npr. kot novi uvrščevalni kriteriji omenja »zaprtost oz. odprtost« besednih razredov za sprejemanje novih prvin, diskurzivna funkcija besednih vrst (prim. Keszler), motiviranost, razvijanje prvin besednega razreda (npr. z vezavnim dopolnilom ali z določilom), konverznost ipd.. Na splošno lahko rečemo, da problematika na področju nauka o besednih vrstah še zdaleč ni dokončno dorečena.

2.4 Moderne slovenske in madžarske slovnice navajajo niz besednih razredov, ki so v obeh jezikovnih sistemih opredeljeni na podlagi obravnavanih klasifikacijskih konceptov. To posebno velja za glavne besedne vrste (samostalnik, glagol, pridevnik), bolj problematične pa so klasifikacije npr. števnik³² ter prehodnih

³¹ Pri primerjavi besednih vrst v tipološko in genealoško nesorodnih jezikih, kot sta slovenščina in madžarščina, je potrebno opredeliti obseg in univerzalnost gramatičnih kategorij. Nekateri jezikoslovci prištevajo med primarne gramatične kategorije besedne vrste in stavčne člene, med sekundarne pa morfološke kategorije (Lyons, 1968:270). Glede univerzalanosti gramatičnih kategorij postulira Coseriu (1975: 127-161) tri tipe jezikovnih univerzalij : esencialne, hipotetične in empirične. Tradicionalno jezikoslovje je izhajalo iz esencialnih univerzalij, ki jih je prvotno empirično ugotovilo v klasični grščini in latinščini, pri preučevanju vernakularnih jezikov pa se je izkazalo, da se te esencialne, postilirane univerzalije ne prekrivajo z dejanskimi, empirično ugotovljenimi. (prim. Žirmunski, po katerem so vse tradicionalne besedne vrste univerzalne; po Sapirju sta univerzalna le samostalnik in glagol), navedeno po S.D.Kacnelson, *Sprachtypologie und Sprachdenken*, 1974.

³² Števniki so problematične, kar ga ni mogoče enoumno uvrstiti v sintaktične in morfološke klasifikacijske koncepte (kot je znano dobi svojo besedno vrsto le po semantičnem kriteriju); po skladenjskih lastnostih se podtipi števnikov lahko uvrstijo v več podrazredov (pridevnik, prislov, samostalnik), po morfološkem kriteriju se določeni podtipi preigibni, drugi ne. To je verjetno tudi eden od razlogov za različno obravnavanje števnika v slovenskih slovnicih: tradicionalne ga pojmujejo kot samostojno besedno vrsto, moderne (Toporišič, SS 1976 in nadaljnje izdaje) pa kot integriran sestavni del pridevnikov; klasifikacijski problemi okrog števnika se v madžarski slovniški literaturi manj omenjajo, v jezikoslovnih razpravah jih izpostavlja le Keszlerjeva.

besednih vrst (glagolska imena) in slovničnih besednih vrst (posebno členek, pomožni glagol). Ti problemi pa se še posebej pokažejo pri klasifikaciji besednih vrst, ki presega idioetnične opise, zato je potrebno pri kontrastivni primerjavi upoštevati tudi dodatne specifičnosti, tj. pojave divergence/konvergence glede prisotnosti/neprisotnosti kake besednovrstne kategorije v primerjanih jezikih oz. pojave, ko besedna vrsta v enem jeziku nima besednovrstne ekvivalence v drugem jeziku, ampak kako drugo ustreznico (npr. je del paradigme kake druge besedne vrste).

2.5 Glede besednovrstne določitve besednih oblik in struktur je v slovenskem in madžarskem jezikovnem sistemu pomembno razčistiti tudi zgradbo besednovrstnega sistema, pomembnejša semantična vozlišča, morfološke kriterije in sintaktično pozicijsko gibljivost za posamezne vrstine sistema. Delitev besednih vrst v obeh jezikih sledi tradicionalnim klasičnim (latinskim) vzorcem, v šolskih slovnica in člankih o besednih vrstah se delitev prepleta tudi z novejšo klasifikacijo. S tipološkega vidika je pri protistavi pomembno izpostaviti tudi posebno značilnost aglutinativnih jezikov, ki določene besedne vrste ne ločujejo strogo od drugih besednih vrst (Skalička 1967:297). Za madžarščino velja, da izrecno formalne oznake besede le redko kažejo na njeno besednovrstno pripadnost (npr. *nyom* je lahko glagol ali samostalnik), največkrat samo tipični infleksijski morfemi v besedni obliki omogočajo besednovrstno identifikacijo besede. V slovenskem jezikovnem sistemu se t.r. že na prvi pogled »legitimira« večina osnovnih besednovrstnih kategorij. Madžarski besednovrstni sistem pa kaže zaradi notranje mobilnosti visoko stopnjo prehodnosti, kar potrjujejo tudi nekateri skupni infleksijski morfemi, po drugi strani pa paradigmatski ustroj prehodnih kategorij (križna in dvojna besednovrstnost) ter priložnostno sintagmatsko sprevrčanje omogoča precej obsežno konverzno mobilnost, ki je v določenem obsegu značilna tudi za besedne vrste slovenskega jezikovnega sistema, toda pri tem je konverzija v slovenščini, za razliko od madžarščine, le redko nezaznamovana.

3. Protistavna analiza besednih vrst v slovenskem in madžarskem jezikovnem sistemu

3.1 Podlago za ugotavljanje in primerjavo sistemskih razlik v klasifikaciji besednih vrst predstavlja jezikoslovna študija o madžarskih besednih vrstah B. Keszler (*A mai magyar nyelv szófaji rendszerezésének problémái*, 1995) ter *Slovenska slovnica* J. Toporišiča (Maribor, 2000, četrta prenovljena in razširjena izdaja). Slovenščina in madžarščina sta genealoško in tipološko nesorodna jezika, zato se tudi posamezne besednovrstne kategorije v jezikovnih sistemih ne prekrivajo popolnoma. Radikalne razlike glede števila besednih vrst (najnovejša madžarska strokovna literatura o besednih vrstah /Keszler/ navaja 23 besednih vrst, v nas-

protju s slovensko teorijo o besednih vrstah /Toporišič/, ki razlikuje 9 besednih vrst) pa niso pogojene s tolikšno stopnjo tipoloških razlik med obema jezikovnima sistemoma, ampak izhajajo iz različne stopnje preciznosti pri notranji členitvi posameznih klasifikacijskih kriterijev. Že iz samega številčnega razmerja besednih vrst v obeh jezikih je mogoče sklepati, da so klasifikacijski okviri besednih vrst v *Slovenski slovnici* širše zastavljeni kot v sodobnem madžarskem nauku o besednih vrstah (neosebne glagolske oblike v slovenščini so uvrščene v glagol, tako tudi pomožni glagoli), torej notranja diferenciacija posameznih kriterijev se ne uporablja tako dosledno kot v madžarskem jezikoslovju.

3.2 Protistava glavnih besednih vrst

Glavne besedne vrste (glede na tri temeljne klasifikacijske kriterije, tj. samostalnik, pridevnik, glagol, prislov, zaimek*, števnik*) imajo svoje korespondentne besednovrstne ustreznike v slovenščini in v madžarščini, saj so te besednovrstne kategorije del jezikovnih univerzalij, ki so relevantne tudi za indoevropske (npr. slovenščina) ter ugrofinske (npr. madžarščina) jezike. Do določene mere se v obeh jezikih prekrivajo tudi morfološke in sintaktične lastnosti teh besednih vrst, tj. na splošno so pregibne (imajo svoje oblikospreminevalne in oblikotvorne vzorce), toda razlikujejo se v površinskem izrazu morfoloških infleksijskih kategorij (fuzijski morf v slovenščini – aglutinativni morfi v madžarščini), zanje veljajo bolj ali manj identična vezljivostna (vezavna) in družljivostna pravila, tj. lahko se razvijejo z določenimi tipi dopolnil in določil (razlikujejo se seveda v morfološkem izrazu teh skladenjskih razmerij), prekrivajo se tudi v sintaktičnih funkcijah, njihov pomen je avtosemantičen (polnopomenski: substancialen, akcidentalen, relacijsko substancialen), tj. izražajo samostojne pojmovne pomene (razen zaimkov, ki te pomene nadomeščajo). Slovenska in madžarska klafikacija temelji na treh osnovnih razločevalnih kriterijih, toda pri Toporišiču se uveljavlja načelo, kolikor kaka podmnožica danih besed nima vseh razločevalnih lastnosti, ampak samo nekatere, se prvotne množice delijo na podskupine. Tako se število osnovnih besednih vrst v slovenščini skrči na samostalniško besedo (substantival), ki vsebuje podskupino samostalniških zaimkov, pridevniško besedo (adjektival), ki vsebuje podskupino pridevniških zaimkov in števnikov. Kot novo besedno vrsto uvede povedkovnik (predikativ), ki v madžarščini nima korespondentnega besednovrstnega ustreznika. Prislovi kažejo v obeh jezikih tako glede oblikoslovnih kot skladenjskih lastnosti visoko stopnjo prekrivnosti, tako bi lahko načelno imeli v obeh klasifikacijah isti besednovrstni status. Madžarska strokovna literatura ne navaja alternative, po kateri bi se – zaradi omejene aglutinacije z infleksijskimi morfemi – prislovi uvrščali med nepregibne besedne vrste. Slovenska slovnica jih obravnava kot polnopomenske besede, ki se zaradi omejene pregibnosti (stopnjevanje) uvrščajo med nepregibne besedne vrste, kamor sodijo tudi vse

slovnčne besedne vrste, ki izražajo razmerja in so skladenjsko nesamostojni stavčni členi, se ne pregibajo, vezavnost in družljivost je pri njih omejena ali je sploh nerelevantna. Uvrščanje prislovov med te besednovrstne kategorije zgolj zaradi omejene pregibnosti ni povsem utemeljena. Pri klasifikaciji osnovnih besednih vrst Keszlerjeva upošteva le splošne razločevalne lastnosti, manjkanje kake lastnosti pa pri njej ni merilo za delitev v podskupine (toda števniki je tudi pri njej vprašljiv glede uvrstitve v samostojno besedno vrsto). Tako kot tradicionalne madžarske slovnice razlikuje glede na prehodne razločevalne lastnosti glagolska imena (nomen verbale), ki v slovenščini (pa tudi v sodobnih evropskih slovnice nasploh) nimajo samostojnega besednovrstnega ustreznika, ampak so del oblikovnega sistema glagola (besedna vrsta glagol obsega v slovenščini osebne glagolske oblike, opisna deležnika na -l in -n/-t, nepregibne oblike: deležje, nedoločnik in namenilnik; neopisni deležniki so uvrščeni med pridevnike, glagolnik med samostalnike).

3.3 Slovnčne (razmerne) besedne vrste in pastavki (besede stavki)

Slovenske ustreznike besednih vrst, ki jih najnovejša madžarska besednovrstna klasifikacija uvršča v obravnavani nadskupini, klasificira Slovenska slovnica (kolikor so v slovenščini pojmovani kot samostojne besedne vrste) skupaj s predlogi (ti v madžarščini nimajo povsem korespondentnega ustreznika) kot nepregibne besedne vrste (brez podrobnejše členitve v podskupine). Pri protistavi slovenskih nepregibnih besednih vrst z madžarskimi razmernimi besedami in pastavki je mogoče ugotoviti, da obstajajo v obravnavanih jezikih štiri take besedne vrste, pogojene z objektivnimi sistemskimi razlikami, ki v drugem jeziku nimajo funkcijskega ustreznika na leksikalni ravnini, ena od teh besednih vrst je relevantna za slovenski, tri pa za madžarski jezikovni sistem. Besedna vrsta, ki obstaja v slovenščini (in drugih indoevropskih jezikih), ne obstaja pa v madžarščini, je predlog – funkcijo predloga izražajo v madžarščini sklonске končnice in postpozicije –; tri besedne vrste, ki so značilne za madžarščino, ne obstajajo pa v slovenščini, so: člen, postpozicija in postpozicija–pridevnik.

Ustrezniki madžarskega člena se v slovenščini izražajo s sobesedilnimi sredstvi (samostalnik je inherentno določen, pozicija teme predpostavlja znano/ določno, pozicija реме novo/ nedoločno) oz. v primeru samostalniške besedne zveze z določno obliko pridevnika. Funkcija nedoločnega člena se lahko tudi v slovenščini izraža s števnikom »en«, toda njegova raba je omejena na pogovorni jezik. Pomeni, ki jih madžarščina izraža s postpozicijami, se v slovenščini izražajo s predložnosklonskimi oblikami samostalnika. Za izražanje postpozicij-pridevnikov slovenščina nima neposrednega formalnega sredstva, verjetno ga zaradi svojih sistemskih posebnosti tudi ne potrebuje. V madžarščini se s pomočjo postpozicij-pridevnikov poimenuje v postpoziciji vsebovana okoliščinska kategorija kot lastnost, torej prvotna postpozicijska struktura z adverbialno vlogo se z oblikovnimi sredstvi usposobi za funkcijo prilastka. V slovenščini

predložna samostalniška zveza v funkciji prilastka ne zahteva take transformacije, ampak lahko brez oblikovnih sprememb izraža tako funkcijo prislovnega določila kot prilastka (npr. Pred hišo raste drevo – drevo pred hišo : A ház előtt egy fa nő – a ház előtt fa). Ostale slovnične besedne vrste v sloveščini (vezniki, členki in medmeti) obstajajo kot samostojne besedne vrste tudi v novejši madžarski besednovrstni klasifikaciji. V tradicionalnih slovenskih in madžarskih slovnicač členki niso predstavljali samostojne besedne vrste, ampak so bili uvrščeni med prislove, novejša besednovrstna teorija jih v obeh jezikovnih sistemih obravnava kot samostojno besedno vrsto v okviru nepregibnih slovničnih besed.

3.4 Besedne vrste z različnim statusom v obravnavanih jezikih

3.4.1 Predikativ

V slovenščini so predikativi (povedkovniki) predmetnopomenske besede, ki se skladijsko rabijo bodisi samo kot kot povedkova določila ali pa se rabijo kot taka. Po Toporišičevi teoriji so že izvorno povedkovniki oba opisna deležnika in nedoločnik, poleg tega pa so izpeljani ali sprevrženi iz drugih besednih vrst (samostalnika, prislova). Opisna deležnika se pregibata v spolu in številu in sta troosebna, veliko povedkovnikov je tretjeosebni, tj. brez pravega osebk, vršilec pa je deagentiran na stopnjo logičnega osebk. Pomožnik se ob takem povedkovniku ravna po poničenem formalnem osebk srednjega spola (npr. Škoda ga je. Bilo je mráz). Povedkovnik v madžarščini nima besednovrstnega ustreznika, funkcije slovenskega povedkovnika deloma izraža pregibni ali nepregibni nedoločnik ter sklonskokončniški samostalnik ob pomožniško in/ali neosebno rabljenih glagolih (in drugih besednih vrstah) (Kár volt elmemni. El kell memnem. Kár a szóért).

3.4.2 Glagolska imena

Glagolska imena (nomen verbale) nobena evropska slovnica ne obravnava kot samostojne besedne vrste, v madžarskih slovnicač predstavljajo ali posebne besednovrstne kategorije v nadskupini prehodnih besednih vrst ali pa se uvrščajo v podskupine imenskih besednih vrst, tj. samostalnika, pridevnika in prislova. Ustrezniki 5 madžarskih oblik glagolskih imen (samostalniško glagolsko ime /nedoločnik/, 3 pridevniška glagolska imena /deležniki/ in prislovno glagolsko ime /deležje/) so v slovenščini 3 skupine neosebni glagolskih oblik z 12 podskupinami oblik (samosvoje neosebne glagolske oblike: nedoločnik, name-nilnik, opisna deležnika na –l in –n/-t ter deležje na –č, -e, -ši; pridevniške: de-ležnik na –č, -l, -n/-t; samostalniške: glagolnik), ki so del paradigmatske glagol-skih oblik in nimajo statusa besedne vrste. Posebna notranja strukturiranost gla-golskih imen v obravnavanih jezikih se odraža tudi v nepopolni prekrivnosti

njihovih pomenov in funkcij. Glede oblikoslovnih in sintaktičnih lastnosti pa kažejo primerjane skupine še nadaljnje razločke znotraj posameznih tipov glagolskih imen, kar še otežuje protistavo. Največ prekrivnosti tako v pomenu kot delno tudi v funkcijah oz. sintaktično-sintagmatskih merilih je mogoče ugotoviti pri protistavi nedoločnika v obeh jezikih (distinktivna poteza slovenskega nedoločnika je možnost nastopati kot prilastek, v madžarščini se nedoločnik pojavlja za glagoli premikanja, v slovenščini se izraža z namenilnikom /supinom/), po oblikoslovnem merilu pa se pokaže distinktivna poteza madžarskega nedoločnika, ki se lahko pregiba v osebi in številu.

Manj prekrivnosti izkazuje protistava deležnikov in deležja v obeh jezikih. Ustrezniki madžarskega pridevniškega glagolskega imena (3 participici) so slovenski deležniki (6 deležnikov), toda prvine te slovenske skupine se ne morejo povsem istovetiti s prvinami madžarskega sistema participov (razlike so tudi v številu prvin). V slovenščini obstajata dve skupini deležnikov: a) opisni deležnik (perifrastični deležnik), tj. tvorbo pretekli deležnik na -l za tvorjenje (pred)preteklika, prihodnjika in pogojnika ter trpni deležnik na -n/-t za tvorjenje trpnega glagolskega načina (pregibata se v spolu in številu; sta pregibalna povedkovnika) ter b) pridevniške oblike neosebne glagola (pregibne v spolu, številu in sklonu): deležnik na -č (goreč-a-e), deležnik stanja na -l (tvori se od neprehodnih glagolov /uvel-a-o/, deležnik stanja na -n/-t (tvori se od prehodnih glagolov, pretežno dovršnih /ocvrt-a-o/, redkeje nedovršnih /kuhan-a-o/, kot deležnik stanja se rabijo tudi trpni opisni deležniki (nedovršni /spoštovan-a-o/). Kot kažejo navedeni primeri, obstajajo v madžarščini besednovrstni ustrezniki le za slovenske pridevniške oblike glagola (nedovršni particip na -ó/-ő /égő ház/, dovršni particip na -t/-tt (hervadt virág, fött szalonna, tisztelt közönség). Madžarski nastopni deležnik na -andő/-endő v slovenščini nima leksikalnega ustreznika, ampak se izraža opisno (megírandó levél – pismo, ki ga je treba napisati).

Za izražanje funkcije istodobnosti (glagolskega dejanja, ki se hkrati vrši s kakim drugim dejanjem) se v slovenščini uporabljajo deležja na -č, -aje in -e (Sedeč na klopi, je bral pismo.), za izražanje preddobnosti (glagolskega dejanja, ki se je dovršilo pred kakim drugim dejanjem) pa deležje na -ši (Vstopivši v sobo, je pozdravil goste.). Obravnavane funkcije se v madžarščini izražajo z besedno vrsto prislovni deležnik na -va/-ve, ki izraža tako istodobnost kakor preddobnost (Az iratokat rendezve rátalált gey fényképre. Rendezve az ügyeket elköszönt.)

3.4.3 Pomožni glagoli

Najbolj opazna razlika v pojmovanju slovničnih besed se kaže pri klasifikaciji pomožnih glagolov: najnovejša madžarska strokovna literatura jih uvršča v posebno besedno vrsto (na osnovi razločevalnih sintaktično-morfoloških lastnosti), v slovenščini so obravnavani v sklopu glagola (kot nepolnopomenske enote

polnopomenskega glagola; tj. podtipi, kot glagol obstajanja, faze, naklona). Kar slovenska slovnična literatura uvršča med pomožne glagole obstajanja, se v novejši madžarski klasifikaciji pojmuje kot pomožni glagol s funkcijo slovničnega znaka oz. kot kategorija pomožnih besed - v obeh primerih imajo te pomožne besede slovnično vlogo pri tvorbi zloženih glagolskih oblik (kot prosti morfem ali kot vez) – ustrezniki slovenskih faznih in naklonskih pomožnikov pa so pomožniško rabljeni madžarski glagoli *tud, kell, akar, lehet*, ki jih Keszlerjeva (1998) uvršča v besedno vrsto „ostali pomožni glagoli”.

3.4.4 Preverb

V nobenem slovanskem jeziku se preverbi ne pojmujejo kot besedne vrste, niti ne kot samostojni leksemi, ampak kot prefiksni morfemi, v slovenščini kot predpone. Poleg pomensko modificirajoče vloge imajo slovenske predpone v primerjavi z madžarskimi preverbi pomembnejšo gramatično funkcijo, tj. funkcijo pri tvorbi glagolskih vidskih parov oz. funkcijo podovršenja nedovršnih glagolov. Madžarska slovnična literatura izpostavlja pomenskomodificirajočo, besedotvorno in deloma aspektno funkcijo preverbov. Tako preverbi kot predpone vplivajo tudi na prehodnost glagola ter na njegov vezljivostni okvir. Razlike so seveda v distribuciji preverbov in predpon: madžarski preverbi so ločljivi del glagolskega leksema (imajo ravni, pretrgani in invreznih besedni red), slovenske predpone so neločljive od glagola.

3.4.5 Besede stavki kot besedne vrste

Množico besed v funkciji pastavkov nobena slovenska slovnična literatura ne razvršča v posebno besednovrstno kategorijo. Lekseme, ki ne spadajo med predmetnopomenske besedne vrste, a tudi ne med besedne vrste, ki izražajo slovnična razmerja, uvršča slovensko jezikoslovje enotno v kategorijo medmetov, znotraj te kategorije pa jih členi po slovnični tradiciji – podobno kot madžarske slovnice - v tri skupine. Novejša madžarska besednovrstna klasifikacija razlikuje besedno vrsto beseda stavek, ki zaznamuje skupno poimenovanje za za nekontekstne, samostojne medmete in nekatere členke. Termin beseda stavek (pastavek) se ne uporablja za pimenovanje besedne vrste, ampak samo za označitev skladijske vloge medmeta in členka, tj. nekontekstna pastavčna vloga medmeta, ogovornih signalov in medmetov. ti se po skladijski funkciji obnašajo kot pastavki

Protistava besednovrstnega sistema slovenskega in madžarskega jezika je potrdila v izhodišču razmišljanja postavljeno podmeno, da se besednovrstno uvrščanje besed in delitev besednih vrst v novejših slovenskih in madžarskih slovnica ter besednovrstnih literaturah veliko bolj razlikuje, kot je to bilo pričakovati na pod-

lagi tipoloških razlik med jezikoma. Razlog za to je po eni strani delno različno uveljavljanje primarnih razločevalnih in dodatnih razločevalnih klasifikacijskih meril delno pa tudi različno, s slovnično tradicijo pogojeno, pojmovanje množice besed s prehodnimi latnostmi, ki se v aglutinativni madžarščini uvrščajo v posebne besedne vrste, v flektivni slovenščini pa imajo drugačen jezikovnosistemski status.

Literatura

1. ARENS, H. (1969): *Sprachwissenschaft: der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart*. Freiburg/ München.
2. BAJEC, A., KOLARIČ, R., RUPEL, M. (1964): *Slovenska slovnica*. Ljubljana.
3. BUSSMANN, H. (1990): *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart.
4. COSERIU, E. (1988): *Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft*. Tübingen: Francke Verlag.
5. CSER, A. (1999): *A magyar nyelvtudomány történetének vázlata*. V: R.H. Robins: *A nyelvészet rövid története*. Budapest: Osiris Kiadó: 268-286.
6. DULAR, J., KIRN, R. (1980): *Slovenski jezik in stilistika. 4. snopič*. Ljubljana: Univerzum.
7. DULAR, J., KIRN, R., KOLAR, M., POGORELEC, B. (1986): *Slovenski jezik II*. Maribor: Založba Obzorja.
8. É. KISS, K., KIEFER, F., SIPTÁR, P. (1998): *Új magyar nyelvtan*. Budapest: Osiris Kiadó.
9. JÁSZÓ, A. (1991): *A magyar nyelv könyve*. Budapest: Trezor Kiadó
10. KESZLER, B. (1995): *A mai magyar nyelv szófaji rendszerezésének problémái*. V: *Magyar Nyelvőr* 119:293-306.
(1998): *Probleme der Wortklassifizierung in der ungarischen Gegenwartssprache*. V: *Acta Linguistica Hungarica*. Vol 45.:291-310.
11. KUNZMANN-MÜLLER, B. (1996): *Die Wortarten der Slovenischen in der Darstellung von J. Kopitar und aus heutiger Sicht*. V: *Kopitarjev zbornik*. Ljubljana: Filozofska fakulteta: 105-115.
12. LOTZ, J. (1939): *Das ungarische Sprachsystem*. Stockholm: Ungarisches Institut.
13. PETE, I. (1986): *Orosz-magyar egybevető alaktan*. Budapest: Tankönyvkiadó.
14. POGORELEC, B. (1984/1985): *Snov za študij sintakse. Skripta za študente (tipkopis)*. Ljubljana: Filozofska fakulteta.
15. RÁCZ, E. (ur.) (1968): *A mai magyar nyelv*. Budapest: Tankönyvkiadó.
16. ROBINS, R.H. (1997): *A Short History of Linguistics*. London. (V madžarščino prevedel P. Siptár: *A nyelvészet rövid története*. Budapest: Osiris Kiadó, 1999).

17. ROT, S. (1994): *Ungarisch, eine europäische Sprache*. Budapest: Korona Verlag.
18. SZATHMÁRI, I. (1960): *A szófajok*. V: F. Terestyéni (ur.): *Nyelvtan-Stílus-Szónoklás*. Budapest: Kossuth Kiadó.
19. TOMPA, J. (ur.) (1961/1962): *A mai magyar nyelv rendszere*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
20. TOPORIŠIČ, J.: (1974/1975): *Besednovrstna vprašanja slovenskega knjižnega jezika*. V: *JiS* 20, 33-39.
 (1974/1975): *Esej o slovenskih besednih vrstah*. V: *JiS*, 259-305.
 (1974/1975a): *Slovenske zaimenske besede*. V: *JiS*, 20, 117-119.
 (1965-1970): *Slovenski knjižni jezik 1-4*. Maribor: Založba Obzorja.
 (1976): *Slovenska slovnica*. Maribor: Založba Obzorja.
 (1979/1980): *Še k teoriji besednih vrst, posebno predikativa*. V: *JiS*, 201-204.
 (1982): *Nova slovenska skladnja*. Ljubljana: DZS.
 (1984): *Slovenska slovnica*. Pregledana in razširjena izdaja. Maribor: Založba Obzorja.
 (1992): *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana: Cankarjeva založba.
 (2000): *Slovenska slovnica*. Četrta, prenovljena in razširjena izdaja. Maribor: Založba Obzorja.
21. ŽAGAR, F. (1988): *Slovenska slovnica in jezikovna vadnica*. Maribor: Založba Obzorja.

PRIKAZ BESEDNE DRUŽINE V BESEDOTVORNEM SLOVARJU

Izvleček (Sinopsis)

Prispevek govori o sestavi besedotvornega slovarja slovenskega jezika, s čimer se posega na aktualni področji leksikologije in leksikografije. Prav široko dostopna računalniška obdelava Slovarja slovenskega knjižnega jezika slovenske jezikoslovce spodbuja k snovanju različnih vrst enojezičnih slovarjev, torej tudi besedotvornega. Izdelava le-tega pa zahteva tehten konceptualni premislek.

0 Razmislek o temeljnih lastnostih besedotvornega slovarja sega v leto 1998, ko sem v prispevku na Murkovem simpoziju (I. Stramljič Breznik 1998: 249–258) predstavila nekatere elemente, značilne za tovrstni slovar, ki so brez Murkove ambicije, da bi sestavil tako slovarsko delo, vendarle zajeti v strukturi gesel slovensko-nemškega dela njegovega slovarja. Na slavističnem kongresu v Celju v oktobru 1999¹ sem sestavo slovarja prikazala kot zelo realno aplikacijsko nalogo slovenskega besedotvorja. V tokratnem prispevku pa nameravam podrobneje opisati strukturni prikaz besedne družine.

1 V izhodišče razmišljanja postavljam že omenjeno misel, da raziskav, ki bi bile osredinjene na morfemsko strukturo slovenščine, Slovenci še nimamo.² Izhajati pa je mogoče iz bogatih izkušenj slovaškega, češkega, poljskega in ruskega jezikoslovja. Slovaki so načrtno odkrivali morfemsko strukturo besede že ob koncu petdesetih let (J. Horecký 1959; 1964) in s tem uspešno nadaljevali tudi kasneje (J. Mistrík 1979; J. Bosák, K. Buzássyová 1985; M. Sokolová 1995), podobno Čehi (M. Komárek 1978) in Poljaki (R. Grzegorzcykowa, J. Puzynina 1979). Pri Rusih velja omeniti nekaj teoretičnih razprav (E. S. Kubriakova 1974; V. V. Lopatin 1977) in vsaj še kak slovar, zlasti slovar morfemov ruskega jezika,

¹ I. Stramljič Breznik, Raziskovalne perspektive slovenskega besedotvorja, *Zbornik slavističnega društva Slovenije 10: Slovensko jezikoslovje danes in jutri – Slovenski slavistični kongres*, Celje 1999, 112–117.

² Opozoriti velja na opazne premike na tem področju. Vse aktualnejša računalniška obdelava besedil namreč zahteva natančen popis različnih oblikotvornih in oblikospreminevalnih morfemov, na podlagi katerih lahko računalnik prepozna različne oblike iste besede. Za primer navajam le tri novejšje tovrstne prispevke.

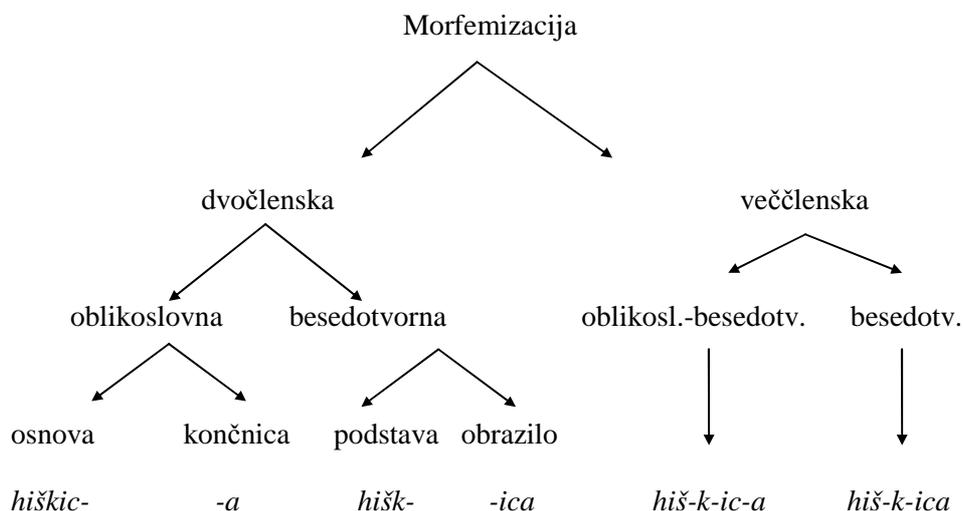
J. Zupan, Problemi in nekaj rešitev računalniških obdelav slovenskih besedil, *SR* 47/3 (1999), 277–296.

P. Jakopin, A. Bizjak, O strojno podprtem oblikoslovnem označevanju slovenskega besedila, *SR* 45/3–4 (1997), 451–580.

A. R. Hammel, W. Lehfeltdt, Sestav tvorbe sedanjskih oblik v slovenščini, *SR* 43/3 (1995), 303–318.

ki izhaja iz veččlenske oblikoslovno-besedotvorne morfemizacije vseh besed, tvorjenih iz skupnega korena (A. I. Kuznjecova, T. F. Jefremova 1986), in oba besedotvorna slovarja Tihonova (A. N. Tihonov 1978; 1985).

Splošna predpostavka vseh omenjenih analiz je beseda kot dvo- ali veččlenski morfemski sestav. Pri dvočlenski besedni morfemizaciji lahko odbiramo oblikoslovne ali besedotvorne morfeme, pri veččlenski pa se lahko odločimo besedo razstaviti na vse oblikoslovne in besedotvorne elemente hkrati ali pa v besedi ločeno iščemo samo njene besedotvorne sestavine. Za ponazoritev predlagam znan in preprost primer besede *hiškica*:

2 Bistvena naloga besedotvornega slovarja (J. Toporišič 1992: 9) je prikaz besede kot sestava različnih besedotvornih morfemov. Pri tem nas lahko zanima tvorjenka glede na zadnjo stopnjo tvorjenosti (*hišk-ica*) ali tvorjenka z vidika vseh stopenj tvorjenosti, skratka njena tvorbena pot (*hiš-k-ica*). Omenjena vidika pa omogočata tudi dve različni zasnovi.

2.1 Slovarsko oblikovan popis tvorjenk, izdelan po načelu označevanja vseh besedotvornih morfemov, lahko ubere klasično abecedno razvrščanje tvorjenk. Pri tem se lahko izhaja iz zaporedja, kot ga ima ustrezni nacionalni enojezični slovar, v našem primeru je to Slovar slovenskega knjižnega jezika (SSKJ).

Za ponazoritev takšnega možnega ustroja slovarja je vzeti deset iztočnic prve knjige SSKJ na strani 192. Po zaporedju najdemo zapisana naslednja gesla oz. podgesla: *brézast*, *brezbárven*, *brezbárvje*, *brezbárvno*, *brezbárvnost*, *brezbeséden*, *brezbóštvo*, *brezbóžec*, *brezbóžen*. V besedotvornomorfemskem slovarju bi bilo lahko upoštevano enako abecedno zaporedje iztočnic, ker so te v tem primeru seveda tudi tvorjenke. Z morfemskimi mejami bi bilo treba označiti le vse

sestavine levo ali desno od podstave. To pomeni, da bi bile tvorjenke razvrščene in morfemizirane tako:

1. bréz-ast
2. bréz-ast-o
3. brez-barv-en
4. brez-bárv-n-o
5. brez-bárv-je
6. brez-bárv-n-ost
7. brez-beséd-en
8. brez-bóš-tvo³
9. brez-bóž-ec
10. brez-bóž-en itd.

2.1.1 Pri taki izdelavi slovarja bi bilo skoraj smiselno pritegniti še označevanje oblikoslovnih morfemov. S tem bi lahko dobili splošni morfemski slovar slovenskega jezika. Za večjo preglednost bi celo lahko grafično ločili oblikoslovne (navaden zapis) od besedotvornih morfemov (podčrtano), npr.:

1. bréz-ast-0
2. bréz-ast-o (prisl.)
3. brez-bárv-en-0
4. brez-bárv-n-o (prisl.)
5. brez-bárv-j-e
6. brez-bárv-n-ost-0
7. brez-beséd-en-0
8. brez-bóš-tv-o
9. brez-bóž-ec-0
10. brez-bóž-en-0 itd.

2.2 Slovarska zasnova, izhajajoča iz težnje prikazati zadnjo stopnjo tvorjenosti, posledično zahteva sleherno tvorjenko obravnavati kot dvočlenski morfemski sestav iz podstave in zadnjega obrazilnega morfema (oz. skupine morfemov v tej vlogi). Tovrstno členjenje pa ima svojo pravo vrednost le v primeru, da se odločimo tvorjenko umestiti s tvorbenega vidika v njeno besedno družino (Weiss 1993/94: 346–350). Tako dejansko nastane slovar besednih družin (Tihonov

³ V tem primeru je pri členjenju upoštevano načelo, da morfemsko mejo, če je le mogoče, premaknemo v korist podstave. O tem podrobneje v referatu Miklošičeva obravnava tvorjenk s priponskim obrazilom *-stvo*, prebranim na Miklošičevem dnevu junija 2000 v Mariboru.

1985). Glede na prvi tip slovarja v tem kot iztočnice nastopajo abecedno razvrščene netvorjene besede, ob katerih je prikazana celotna besedna družina. Če znova ponazorimo z izbranimi zgledi iz SSKJ, to pomeni, da so vse besede – deset jih je – tvorjenke, ki pripadajo besednim družinam štirih besed, ki bi jih morali prikazati po abecednem zaporedju (*barva, beseda, bog, breza*).

3 Ugotovljeno je bilo,⁴ da ima najrealnejše možnosti za izdelavo in verjetno največjo vrednost za uporabnike besednodružinski besedotvorni slovar, ker bi bila na enem mestu v tvorbeni povezanosti prikazana celotna besedna družina iztočnice. Slovarski članek v tem primeru sestoji iz dveh delov: 1) iz iztočnice netvorjenke; 2) iz njenih tvorjenk različnih stopenj. Zato v nadaljevanju sledi predlog o oblikovanju obeh sestavin.

3.1 Iztočnice besednodružinskega slovarja so vselej netvorjene besede vseh možnih devetih besednih vrst, tj. samostalnik, pridevnik, prislov, glagol, povedkovnik, predlog, veznik, medmet in členek s pogojem, da iz njih nastane vsaj ena tvorjenka.

Vse iztočnice so zaporedno oštevilčene. Izpis mora izhajati iz temeljnega slovarskega vira, ki je v našem primeru lahko le SSKJ, in je podrejen njegovi abecedni razvrstitvi. Kot iztočnica se ne more pojaviti beseda iz dodatnega slovarskega vira, tj. Besedišča slovenskega jezika (BSJ), nujno pa je, da tam zbrane žive in uporabne tvorjenke dopolnjujejo besedno družino iz temeljnega vira.

Iztočnica naj bo krepko tiskana in označena s podatki, kot jih ima zabeležene ista iztočnica v glavi SSKJ. Upoštevane morajo biti tudi naglasne dvojnice (**báhati se in baháti se** nedov.), le v primeru starinskih ali kako drugače zanamovanih besed, ki jih brez pomenskih pojasnil ne bi bilo mogoče razumeti, je dobro, da sta ob njih morebitni kvalifikator in pomen označena (**bávh** -a m *nar. koroško* 'belkast vol'). Nujno je v iztočnice vključiti tudi lastna imena, ki imajo razvito svojo besedno družino (npr. **Bábilon** -a m: *babelónka, babelónski, babelónščina*). Homonimi morajo biti označeni (kot je to že ustaljeno) z nadpisano številko za geslom, dodati pa je treba še ustrezní kvalifikator ter za lažje razpoznavanje pomen (**bár¹** 'lokal', **bár²** *fiz.* 'enota'). Zaradi popolnosti⁵ je treba upoštevati še podatke iz slovarja homonimov.⁶ Tam so z zvezdico označeni tisti primeri homonimov, ki v SSKJ niso označeni, čeprav ustrezajo merilom homonimnosti (***báger¹** *star.* 'škrlat', ***báger²** *teh.* 'stroj'). V besedotvornem slovarju

⁴ Gl. op. 1.

⁵ Upoštevati velja tudi mnenje P. Weissa, da je seznam novooznačenih homonimov dober, ni pa vselej zanesljiv.

(P. Weiss, Določila za razvrščanje podobno in enako pisanih iztočnic v slovarskem delu novega Slovenskega pravopisa. *Jezikoslovni zapiski* 5 (1999), 157).

⁶ J. Bálint, *Slovar slovenskih homonimov: Na podlagi gesel Slovarja slovenskega knjižnega jezika*, Ljubljana 1997.

ni potrebno dajati obširnih pomenskih oznak (za podrobnejšo pomensko razlago je na voljo SSKJ), dovolj je kratka, navadno enobesedna ali besednozvezna razlaga, saj je pomenski podatek v takem slovarju le drugotnega pomena. Zgled besednih družin dveh homonimov:

báger¹ -gra m *star.* 'škrlat'
bagr-én
bágr-ast*
bágr-ov*
bagrov-ína*

báger² -gra *tudi* -ja m *teh.* 'stroj'
bagr-íst in bager-íst
bágr-ski *tudi* báger-ski
bágr-ati
bágr-anje

3.2 Vsaka tvorjenka, pripadajoča besedni družini dane iztočnice, mora biti prikazana kot dvodelna enota, sestavljena iz podstave in obrazila. Deli tvorjenk morajo biti ločeni z vezaji, ki nakazujejo morfemske meje, obrazilo ali sestavine obrazila pa zaradi večje preglednosti izpisani krepko. Tvorjenka, ki je zajeta iz BSJ, mora biti posebej označena, predlagam nadpisano zvezdico na koncu tvorjenke. Posebej je potrebno označiti tudi premene podstave oz. obrazila, za kar predlagam ležeči tisk. Predvideti je treba, da včasih niti v SSKJ niti v BSJ ni zabeležena tvorjenka, ki je podstava tvorjenki višje stopnje, ki pa jo eden ali drugi vir imata. Zaradi logičnosti tvorbe je take »hipotetične tvorjenke« potrebno zapisati v oklepaju in šele nato nadaljevati z iz njih izhajajočimi potrjenimi tvorjenkami. Vse povedano, zlasti pa slednje, ponazarja preprost primer besedne družine besede *baron*, pri kateri ravno nastopa glagolska sestavljenka *pobaroniti*, ki predpostavlja glagol *baroniti*, ki ni zabeležen niti v SSKJ niti v BSJ, čeprav ga ima že Pleteršnik (1894–95 I: 13). Glagol *baroniti* je zato zapisan v oklepaju:

barón -a m
barón-ica
| barónič-in*
baron-íja
barón-inja*
barón-ka*
baron-ésa
barón-ič*
barón-ček

barón-**stvo**
 baron-**át**
 baron-**ét**
 barón-**ski**
 barón-**ast***
 barón-**ov***
 barónov-**ka**
 barónov-**ski***⁷
 baron-**izírati***
 baron-**ováti***
 (barón-**iti**)

1. 1. stopnja | **po**-baróniti
 2. stopnja

4 Kakšna naj bo razvrstitev tvorjenk v besedni družini? Tvorjenke (kot se iz gornjih primerov vidi) so razvrščene navpično. Stopenjskost tvorbe je nakazana s pomiki v desno, kar pomeni: tvorjenka 1. stopnje je pomaknjena za pomik v desno glede na iztočnico, tvorjenka druge stopnje je pomaknjena za dva pomika v desno, tvorjenka 3. stopnje za tri itd. Od tod pa je mogoče vselej razbrati tudi obraten podatek, da je npr. tvorjenka 3. stopnje neposredno nastala iz tvorjenke 2. stopnje ipd.

4.1 Razvrstitev tvorjenk znotraj iste stopnje

Pri sestavi slovarja je uveljavljeno formalno, ne pa pomensko merilo razvrstitve tvorjenk. Razlog za tako odločitev izhaja iz njegove uporabnosti. Znano je, da je za uporabnika mnogo lažje najti podatek v slovarju na podlagi formalnih lastnosti besede (abeceda, besedna vrsta...), kot pa na podlagi pomenskih meril. Če bi se namreč odločili, da abecedni kriterij obrazilne razvrstitve zamenjamo s pomenskim, npr. razvrščanje samostalniških tvorjenk po zaporedju šestih besedotvornih pomenov ali razvrščanje pridevniških modifikacijskih izpeljank na podlagi ustreznih pomenskih skupin, potem bi bil tak slovar namenjen izključno dobrim poznavalcem slovenskega besedotvornega sistema, kar dejansko pomeni, da bi ga lahko koristno uporabljali le jezikoslovci ozkega področja. Namen tega slovarja pa je, da se zagotovi njegova čim večja uporabnost in informativnost tudi za nejezikoslovce, tj. študente, učitelje ... Razvrstitev tvorjenk ureja torej več

⁷ I. Stramljič Breznik, *Prispevki iz slovenskega besedoslovja*, Maribor 1999 (Zora 7), 195: Morfemizacija tvorjenke *barónov-ski* izhaja iz predloga skupinsko svojino izražati z besedotvorno podstavo: *splošno baronov > baronov-ski*. To utemeljujem z razvrstitvijo tovrstnih tvorjenk med modifikacijske v Toporišičevi Slovenski slovnici (1984: 154). To pomeni, da se mora modificirati pridevnik *baronov*. Če bi dajali sestavini *-ov-* vrednost sponse, potem ta uvrstitev med pridevniško tvorbo ne bi bila utemeljena, ker je v podstavi samostalnik: *pripadajoč baronom > baron-ovski*.

formalnih načel, ki so v naslednjem hierarhičnem odnosu:

- a) besednovrstno merilo,
- b) besedotvornovrstno merilo,
- c) abecedna razvrstitev obrazil, in sicer:
 - odzadnja razvrstitev desnih obrazil, ←
 - običajna abecedna razvrstitev levih obrazil, →
 - običajna abecedna razvrstitev korenskih morfemov pri zloženkah in sklopih.

Merila od a) do c) pa veljajo znotraj vsake, tj. prve, druge, tretje ..., stopnje tvorjenosti.

4.1.1 Besednovrstno merilo. Vsaka iztočnica katere koli besedne vrste (samostalniške, glagolske, pridevniške ...) ima naslednje ustaljeno besednovrstno zaporedje tvorjenk:

- samostalniške,
- pridevniške,
- prislovne,
- povedkovniške,
- glagolske,
- predložne,
- vezniške,
- členkovne,
- medmetne tvorjenke.

Takšna je splošna shema, ki velja v okviru vsake istostopenjske razporeditve tvorjenk. Vendar pri doslej tristotih obdelanih besednih družinah še ni bilo iztočnice, ki bi imela potrjeno celotno besednovrstno kategorijo tvorjenk. Najpogosteje se pojavlja zaporedje z izpolnjenimi prvimi petimi besednimi vrstami. Pri tem velja omeniti, da povedkovnik ni posebej označen v primerih, kadar gre za konverzne (izpridevniške, izprislovne, izsamostalniške primere). Tu je označevanje te kategorije nepotrebno glede na to, da ni eksplicitno označena nobena besedna vrsta tvorjenk. Dovolj je morda omemba v splošnem teoretičnem besedotvornem delu slovarja, da je večina povedkovnikov sprevržnih in da je potencialno vsaka samostalniška, pridevniška ali prislovna tvorjenka lahko povedkovnik. Ta podatek je zlasti relevanten za skladenjski vidik, ne pa morda za besedotvorni, saj tako nastajanje povedkovnikov predstavlja manj pomemben tvorbeni postopek, t. i. konverzijsko izpeljavo, pri kateri ne gre za v besedotvorju temeljno morfemsko spremembo, marveč le spremembo oblikoslovne kategorije.

Drugo vprašanje je, kako z nepredmetnopomenskimi besedami. Le-te najverjetneje nastopajo v primerih, kadar je taka tudi iztočnica. Iz besedotvorja sloven-

skega jezka je znano,⁸ da tovrstna tvorba ni obsežna, ni pa tudi zanemarljiva. Pričakovana je celo v okviru tistih predmetnopomenskih iztočnic, ki omogočajo tovrstno sprevržno tvorbo, npr. pri prislovih tipa *blizu* je nujno opozoriti tudi na konveržno izpeljavo predloga *blizu* itd.

Zgled besednovrstne razporeditve tvorjenk pri besedni družini *bajta*:

bájta -e ž			
	bájt-ica	Sam	
	bájt-iga	Sam	
	bájt-ar	Sam	
	bájtár-ica	Sam	
	bajtar-íja	Sam	
	bájtár-ka	Sam	
	bájtár-stvo	Sam	
	bájtár-ski	Prid	
	bájt-en	Prid	
	bájt-ati	Glag	
	1. stopnja 2. stopnja		

4.1.2 Besedotvornovrstno merilo. Vse tvorjenke znotraj vsake besedne vrste je treba uravnati tako, da so te dosledno razvrščene v enakem zaporedju glede na besedotvorno vrsto. Odločila sem se za načelo, po katerem se najprej razvrščajo tvorjenke z desnimi morfemi (izpeljanke vseh vrst in tvorjenke iz predložne zveze), nato z levimi (sestavljenke), šele za njimi sledijo zloženke in sklopi. Obe besedotvorni vrsti je smiselno prikazovati prav nazadnje zato, ker obe vsebujeta poleg iztočnične podstave vselej še novo sestavino. To pa pomeni, da morajo biti zloženke in sklopi obravnavani pri tolikih iztočnicah, kot je njihovih sestavin. Zaporedje besedotvornih vrst je torej naslednje:

- izpeljanke (navadne, sprevržne, modifikacijske),
- tvorjenke iz predložne zveze,
- prave in neprave sestavljenke,
- medponsko-priponske zloženke,
- medponske zloženke,
- sklopi.

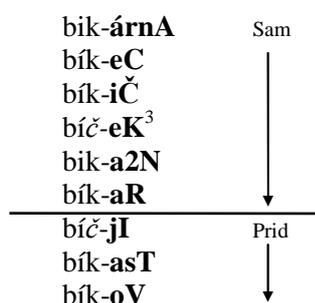
4.1.3 Abecedno merilo. Abecedna razvrstitev obrazil in predmetnopomenskih besed pri več kot enokorenskih tvorjenkah, tj. pri zloženkah, je tretje razvrstitve-

⁸ J. Toporišič, *Slovenska slovnica*, Maribor 1984, 363–365; 387–389.
J. Toporišič, *Slovenski jezik in sporočanje 2*, Maribor 1996, 134–138.

no merilo, ki ga je potrebno podrobno predstaviti v okviru vsake besedotvorne vrste.

4.1.3.1 Izpeljanke (In, Ik, Im) so razvrščene po odzadnjem abecednem načelu priponskih obrazil, ki je uveljavljen že v Slovenski slovnici Jožeta Toporišiča.⁹ Isto načelo je omogočalo tudi sestavo odzadnjega slovarja.¹⁰ Pokazalo pa se je kot izjemno praktično tudi pri razporeditvi tvorjenk v besednodružinskem slovarju, ker omogoča sorazmerno hitro iskanje zelenih tvorjenk. Izpeljanke so zapisane v zaporedju, kot ga narekuje abecedno urejeno izglasje njihovih obrazil glede na odzadnjo razvrstitev. Tako so najprej zapisane tvorjenke, katerih obrazilo je ničo (neglasovno) **-0**, nato tiste, ki se zaključijo na **-a** (-a, -ba, -ica, -inja, -ka ...), **-c** (-ec, -alec, -ilec, -inec, -unec, -vec, -avec, -ivec, -ovec ...),¹¹ **-č** (-ač, -ič ...), **-d** (-ad, -and ...). To lepo ponazarjajo prvostopenjske samostalniške in pridevniške izpeljanke besede *bik*:

bi2k bíka -m

4.1.3.2 Tvorjenke iz predložne zveze (Tpz) si sledijo po zaporedju, kot ga narekuje abeceda predložnih sestavin (npr.: **brez-**, **čez-**, **do-**, **na-** ...), znotraj iste predložne oblike pa se tvorjenke uravnavajo po besednovrstnem merilu in v okviru tega po odzadnjem abecednem zaporedju priponskih sestavin obrazila, če je več tvorjenk iste besedne vrste. Vzemimo del besedne družine *barva* s predložno sestavino *brez*:

⁹ J. Toporišič, *Slovenska slovnica*, Maribor 1984, 124–134: predstavitev vseh samostalniških izpeljavnih obrazil iz glagolske, pridevniške in samostalniške podstave za vseh šest pomenskih skupin je v celoti izpeljana po odzadnjem abecednem načelu; razvrstitev je zato zelo pregledna in omogoča hitro najdbo zelenega obrazila.

¹⁰ M. Hajnšek-Holz, P. Jakopin, *Odzadnji slovar slovenskega jezika po Slovarju slovenskega knjižnega jezika*, Ljubljana 1996.

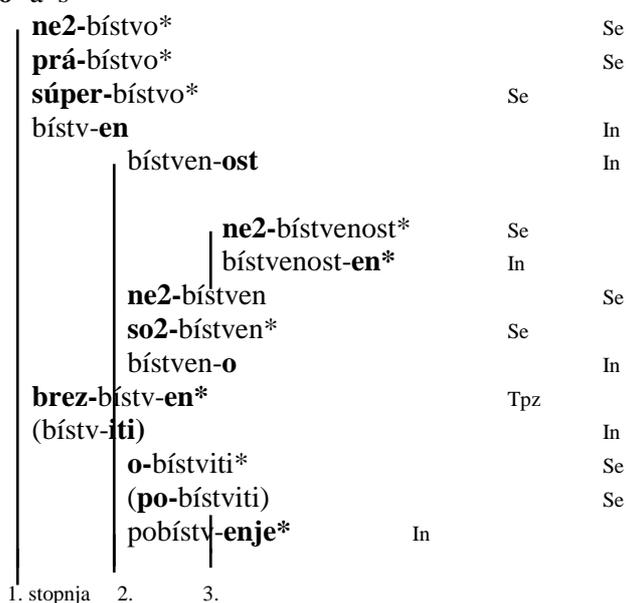
¹¹ V slovenščini ni obrazila z izglasnim *-b*, zato obrazilom na *-a* sledijo kar obrazila na *-c*.

bárva -e ž

4.1.3.3 Vse sestavljenke (Se), tako prave kot neprave, so razvrščene po abecednem zaporedju predpinskih obrazil. Razliko med njimi ugotovimo na podlagi števila naglasov. Prave sestavljenke so vselej dvonaglasne (naglašeno je obrazilo in podstava), neprave sestavljenke pa vselej enonaglasne.¹² Primer delne besedne družine *bístvo* z označenimi izpeljankami, s sestavljenkami in eno tvorjenko iz predložne zveze na različnih stopnjah:

bístvo -a s

4.1.3.4 Pri zloženkah (Z) je vselej dana prednost tistim, ki imajo v prvem delu iztočnico, šele nato sledijo take, ki jo imajo v drugem delu. Glede na število podstavnih (predmetnopomenskih) sestavin so na prvem mestu obdelane dvopred večkorenski, glede na obrazilno strukturo pa medponsko-priponske pred

¹² J. Toporišič, Glagolske »sestavljene« iz zveze glagol + predložna zveza. *Razprave SAZU XV* (1996), 109–123.

samo medpionskimi. Zaporedje istostopenjskih zloženok ureja abeceda druge korenske sestavine, v okviru istokorenskih pa znova besednovrstno merilo in znotraj tega odzadnja razporeditev priponskih sestavin obrazila. Zloženske, kot je bilo že omenjeno, zaradi najmanj dvopredmetnopomenskih sestavin zahtevajo večkratno obravnavo pri dveh (ali več) besednih družinah. Ob vsakem prikazu pa je nujno opozoriti še na iztočnico, kjer se zloženska prav tako še pojavlja. Tako je ustrezen prikaz zloženok eno najzapletenejših vprašanj pri prikazu besedne družine, ki je potreben tehtnega premisleka. Ponazorilo za zloženski del naj bodo tvorjenke iztočnice *baker* po SSKJ:

báker -kra m

	bakr-árna	
	bakr-ár	
	bakrár-stvo	
	bakr-o-pís-0 <i>gl. pisati</i>	Z (m.-p.)
	bakr-o-pís-ec	Z (m.-p.)
	bakr-o-réz-0 <i>gl. rezati</i>	Z (m.-p.)
	bakr-o-réz-ec	Z (m.-p.)
	bakr-o-réš-tvo	Z (m.-p.)
	bakr-o-réz-en	Z (m.-p.)
	bakrorézn-ica	
	bakr-o-rís-0 <i>gl. risati</i>	Z (m.-p.)
	bakr-o-tísk-0 <i>gl. tiskati</i>	Z (m.-p.)
	bákr-o-tiskár	Z (m.)
	bakr-én	
	bakren-íca	
	bakren-ína	
	bakrén-ec	
	bakrén-ast	
	bakrén-o prisl.	
	bakren-éti	
	bakren-o-bárv-en	Z (m.-p.)
	bakren-o-pólt-0	Z (m.-p.)
	bákr-ašt	
	bákr-ov	
	bakrov-ína	
	bakr-íti	
	bakr-e3nje	
	po-bakríti	
	pobakr-e2n	
1. stopnja	2.	3.

4.1.3.5 Sklopi (Sk) so strukturno najmanj predvidljivi,¹³ zato jih je ustrezno obravnavati na koncu besedne družine. Najprej je znova treba predstaviti tiste sklope, ki imajo iztočnico v začetnem delu, pred tistimi, ki jo imajo v končnem delu. Sicer pa sklopi znova zahtevajo prikaz pri več iztočnicah. Če bi se v kakšni besedni družini pokazala možnost obstoja obeh tipov sklopov, tj. takih s predvidljivo govorno podstavo in obrazilom, ki je hkrati končnica, ter takih, kjer gre za enostavno sklapljanje vseh sestavin, je bolje najprej predstaviti prvi tip. Doslej delno obdelano gradivo črke B posebnih tovrstnih primerov še ni potrdilo.

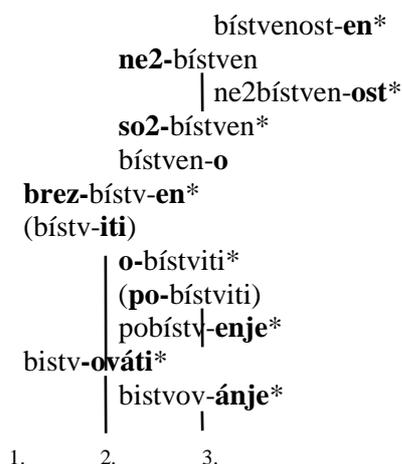
5 Po predstavljenih načelih je doslej obdelanih blizu 300 iztočnic črke B iz SSKJ. Če upoštevamo, da ima vsaka besedna družina najmanj deset tvorjenk (obstajajo pa tudi primeri z več kot 100 členi, npr. pridevnik *bel*), potem je po splošni oceni sistemiziranih okrog 3000 tvorjenk ali dobra tretjina vseh pričakovanih na 143 straneh slovarskega gradiva za B, obogatena še s primeri tvorjenk iz BSJ. Tolikšen obseg že obdelanega besedja pa potrjuje, da je predstavljena zasnova besedotvornega slovarja slovenskega jezika dovolj oprejemljiva in uporabna.

Tudi razumljivost predstavljenega modela je že bila preizkušena, in to pri generaciji študentov tretjega letnika slavistike študijskega leta 1999/2000. Trenutno uspešne rešitve slovarske obdelave pa ne pomenijo, da so odpravljene že vse težave in dani vsi odgovori. Kopicico obojih je mogoče pričakovati še pri obdelavi preostale polovice besedja črke B in šele takrat se bodo jasneje pokazale dobre in slabe strani zasnove. Za jasnejšo predstavo pa tokrat zaključujem s celovitim prikazom besedne družine *bístvo*, ki vključuje poleg tvorjenk iz osnovnega vira še tvorjenke iz BSJ:

bístvo -a s

	ne2-bístvo*
	prá-bístvo*
	súper-bístvo*
	bístv- o -gléd- ec*
	bístv- o -gléd- je*
	bístv- o -gléd- en
	bístv- o -slo3v- ec*
	bístv- o -slo3v- je*
	bístv- o -slo3v- en*
	bístv-en
	bístven- ost
	ne2-bístvenost*

¹³ A. Vidovič Muha, *Slovensko skladenjsko besedotvorje ob primerih zloženek*. Ljubljana 1988, 12, 32.

Povzetek (Abstract)

Izdelava besedotvornega slovarja je na eni strani realna možnost slovenskega slovaropisja glede na njegove dosežke in po drugi strani tudi realna aplikacijska naloga slovenskega besedotvorja. Zato je v prispevku na podlagi obdelave večjega števila gesel črke B iz Slovarja slovenskega knjižnega jezika podrobneje predstavljena in ponazorjena možna struktura besedne družine v besednodružinskem besedotvornem slovarju.

Iztočnice ali gesla so vse netvorjenke vseh devetih besednih vrst, razvrščene po abecednem zaporedju, kot izhaja iz SSKJ. Od tam vzeti so tudi oblikoslovni in naglasni podatki, kot jih prinaša glava geselskega članka. Razvrstitev tvorjenk je podrejena trem merilom, ki so formalne narave. To so besednovrstno in besedotvornovrstno merilo ter klasična abecedna razvrstitev levih in korenskih sestavin tvorjenk ter odzadnja abecedna razvrstitev desnih obrazil. Imenovana merila so razvrščena po hierarhiji in dosledno veljajo na vsaki stopnji tvorjenk.

Prikazana načela so se doslej izkazala kot zelo uporabna za sestavljalca in hkrati preverjeno dovolj preprosta za uporabnika. Na odgovor ob vprašanju, ali je zasnova v celoti zadovoljiva, pa bo potrebno še počakati do dokončne poskusne obdelave celotnega gradiva črke B iz SSKJ.

Navedenke

1. J.Bosák, K. Buzássyová, 1985: *Vychodiská morfémovej analyzy*. Bratislava.
2. R.Grzegorzczkova, J.Puzynina, 1979: *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne rodzime*. Varšava.
3. J.Horecký, 1959: *Slovotvorná sústava slovenčiny*. Bratislava.
-- 1964: *Morfematická štruktúra slovenčiny*. Bratislava.
4. M.Komárek, 1978: *Příspěvky k české morfologii*. Praga.
5. E.S.Kubriakova, 1974: *Osnovy morfologičeskogo analiza*. Moskva.
6. A.I.Kuznjecova, T.F.Jefremova, 1986: *Slovar' morfem ruskogo jazyka*. Moskva.
7. V.Lopatin, 1977: *Russkaja slovoobratovatel'naja morfemika: Problemy i principy opisanija*. Moskva.
8. J.Mistrík, 1997: *Morfemna struktura slova*. Kyjiv.
9. M.Pleteršnik, 1894–95: *Slovensko-nemški slovar*. Prvi del. Ljubljana.
10. M.Sokolová, 1995: *Kapitolky zo slovenskej morfológie*. Prešov.
11. I.Stramljič Breznik, 1998: Elementi besedotvornega slovarja v strukturi samostalniških gesel Murkovega slovensko-nemškega slovarja. *Murkov zbornik*. Maribor (Zora 9). 249–258.
12. P.Weiss, 1993/94: Katere slovarje smemo pričakovati po izidu Slovarja slovenskega knjižnega jezika. *JiS* 39/7–8. 346–350.
13. A.N.Tihonov, 1978: *Škol'nyj slovoobrazovatel'nyj slovar' ruskogo jazyka*. Moskva.
-- 1985: *Slovoobrazovatel'nyj slovar ruskogo jazyka*. Moskva.
14. J.Toporišič, 1992: *Enciklopedija slovenskega jezika*. Ljubljana.
15. J.Toporišič, 2000: *Slovenska slovnica*. Maribor.

Vir

Slovar slovenskega knjižnega jezika z Odzadnjim slovarjem slovenskega jezika in Besediščem slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki: Elektronska izdaja na plošči CD-ROM. Ljubljana 1998.

ZWISCHEN AUTHENTIZITÄT UND FIKTION

Die textsortentheoretische Bestimmung des modernen (literarischen) Tagebuchs

1. Einleitend soll die wissenschaftliche Disziplin der Textsortenlinguistik definiert bzw. ihr Untersuchungsbereich umrissen und bezüglich seiner Zuständigkeit - soweit es möglich ist - von der benachbarten Disziplin der literarischen Gattungslehre abgegrenzt werden. Die Textsortenlinguistik ist eine Teildisziplin der Textlinguistik, in deren Untersuchungsbereich schon von vornherein die Textsortenanalyse gehörte, weil ein konkreter Text ja bekanntlich nie nur ein Exemplar der Größe 'Text', sondern immer auch Vertreter eines bestimmten Texttyps ist. Der Ausbau dieser Einsicht zu einer Textsortentheorie erfolgt jedoch langsam. Die Forschung bewegt sich in drei Strängen: die genauere Bestimmung des Begriffs 'Textsorte', Entwicklung von Klassifikationssystemen und -methoden zur Differenzierung und Relationierung der verschiedenen Textsorten und die Beschreibung einzelner Textsorten. Teilweise problematisch ist die Tatsache, dass die Untersuchung von 'Text' und 'Textsorte' mehr oder weniger parallel zueinander verläuft, wobei die meisten texttypologischen Untersuchungen ohne einen im Detail festgelegten Textbegriff vorgehen. Was ist also ein Text? Ähnlich wie von 'Satz' gibt es auch keine weithin anerkannte Definition von 'Text'. Das heißt nicht, dass die bisherigen Bemühungen um eine Definition von 'Text' umsonst gewesen wären. Es sind immer neue Dimensionen der Größe 'Text' ins Bewußtsein gehoben worden. Die Untersuchungen zur sequentiellen Kohärenz bezogen sich auf die syntaktische Dimension, die makrostrukturelle Konzeption auf die semantische Dimension und der kommunikationsorientierte Ansatz auf die pragmatische Dimension. Man könnte demnach behaupten, es gäbe drei verschiedene Textbegriffe: einen syntaktischen, einen semantischen und einen pragmatischen. Aber nur eine Integration dieser drei Ebenen bei der Strukturierung würde einen kompetentiell voll akzeptablen Text ausmachen. Trotzdem läßt sich ein annähernder Textbegriff formulieren: Ein Text ist ein verbales Segment, das formal wie inhaltlich kohärent ist und eine erkennbare Funktion erfüllt. Und was sind demnach Textsorten? Auch hier bietet die Forschung mehrere Ansätze zur Erfassung des Wesens der Textsorte. Nach dem transphrastischen Ansatz, der den Text im wesentlichen »als eine kohärente Folge von Sätzen definiert und seine Aufgabe darin sieht, exakt zu rekonstruieren, nach welchen Mechanismen Kohärenz zustande kommt«¹, können Textsorten nur über textinterne, rein sprachliche Strukturen bestimmt werden. Textsorten sind diesem Ansatz nach sprachliche Strukturtypen, die sich aus einem Textmodell ableiten lassen. Im kommunikationsorientierten Ansatz

¹ R. Harweg 1977, 116.

werden Textsorten funktional gesehen, wie z.B. bei Stierle, der den Text als »die differenzierteste Form der Handlung«² definiert, oder bei Antos, der Texte etwas vorsichtiger als »Substrate kommunikativer Tätigkeit, nämlich des Formulierens...«³ auffasst. Die fundierende Schicht für diese Typologie ist die Handlungsebene, gegenüber der der Text als verbale Struktur oberflächlichen, sekundären Charakter hat. Es gibt demnach 2 mögliche Grundlagen für eine Textsorten-Deduktion: Kommunikationsmodelle mit ihren verschiedenen Faktoren und kognitive Grundkategorien des Menschen. Ein anderes zentrales Problem der Textsortenlinguistik ist die Erstellung von Texttypologien, die auf die oben genannten Grundlagen der Textsorten-Deduktion anknüpft. Es gibt zahlreiche Klassifikationen, die jedoch alle in Teiltypologien resultieren, die Textbereiche unterschiedlicher Größe bedecken bzw. als Kategorien für sich beanspruchen. Traditionelle Textklassifikationen differenzieren zum Beispiel zwischen literarischen und nichtliterarischen Texten, zwischen fiktiven und nichtfiktiven, zwischen epischen, lyrischen und dramatischen Texten (eine Klassifikation, die nur literarische Texte berücksichtigt), zwischen wissenschaftlichen und belletristischen, zwischen Prosatexten und Verstexten, zwischen umgangssprachlichen (mündlichen) und schriftsprachlichen (schriftlichen) Texten... nur die letztere dichotomische Unterscheidung gilt jedoch als rein linguistische Textklassifikation und kann somit als eine Art »Oberkategorie« angesehen werden, eben weil jeder Text erst einmal zu einer dieser beiden Gruppierungen gezählt werden muß. Die äußerst variablen Terminologien, die im Bereich der Textsortenlinguistik verwendet werden – neben 'Textsorte' findet man auch 'Texttyp', 'Diskurstyp', 'Textklasse', 'Textgruppe' und sogar 'Stil' (im Sinne von »Textsortenstil bzw. Gattungsstil«), die alle zumindest ungefähr auf den selben Sachverhalt zielen (der natürlich von verschiedenen Autoren unterschiedlich gefaßt wird) - sind ein Indikator dafür, dass die Textsortenlinguistik als eigenständige Disziplin schwer abzugrenzen ist. Sie grenzt an die Bereiche der Sprachtheorie, der Stilistik, des Textstrukturalismus und der literaturwissenschaftlichen Gattungslehre. Für die Zwecke des vorliegenden Artikels soll die Bevorzugung der Kategorie der 'Textsorte' postuliert werden, die wir als jede Erscheinungsform von Texten, die durch Beschreibung bestimmter, nicht für alle Texte zutreffender Eigenschaften charakterisiert ist, oder komprimierter als formale Grundgestalt eines Textes, definieren.

1.1 Das Tagebuch kann sowohl als Textform wie auch als literarische Gattung oder - wie Lothar Bluhm es nennt - als »Literarform des Journals«⁴ eingeordnet

² K. Stierle: Text als Handlung: Perspektiven einer systematischen Literaturwissenschaft. München (Fink) 1975, S. 537.

³ G. Antos: Grundlagen einer Theorie des Formulierens. Textherstellung in geschriebener und gesprochener Sprache. Tübingen (Niemeyer) 1982, S.35.

⁴ L. Bluhm 1991, S. 132.

werden. Tagebuch als Textform (als eine textlinguistische Kategorie also) wird oft ohne weiteres als Gebrauchsform bzw. als Gebrauchstext definiert, also als ein nichtliterarischer Text. Die Gebrauchsform 'Tagebuch' kann ihrerseits zum Zwischenbereich der didaktischen Textsorten mit möglichen, im Einzelfall mehr oder weniger ausgeprägten belletristischen Zügen gerechnet werden (diese Zuordnung ist funktionalstilistisch, d.h. die zugrundeliegende Klassifikation ist pragmatisch bzw. kommunikationsorientiert), was anders formuliert heißen könnte: Tagebuch als eine Grenz- oder Mischform aus Sach- bzw. Gebrauchstext und literarischem Text. Innerhalb der didaktischen Texte wird die Textsorte 'Tagebuch' zu der Subgruppe der Memoiristik gezählt. Die Memoiristik ist ein Prosa-Genre, in dem historische Geschehnisse, an denen der Autor selbst teilgenommen hat, beschrieben werden. Es ist demnach ein teilweise autobiographisches Genre, in dessen Kern eine dilemmatische Herausforderung liegt: sind die Memoiren eine persönliche Vision oder historische Wahrheit, Literatur oder Dokument? Die Antwort müsste lauten: es ist ein hybrides Genre, mit dokumentarischen und fiktionalen Elementen. Hier stoßen wir an eine weitere dichotomische Unterscheidung der traditionellen Textklassifikationen: fiktive und nicht-fiktive Texte. Ohne jetzt näher darauf einzugehen, soll an dieser Stelle die Frage »Ist 'literarisch' gleich 'fiktiv'?« umrisshaft beleuchtet werden. Trotz der landläufigen Meinung ist das Wesen der Literatur bzw. des Literarischen nicht die Fiktionalität, obwohl sie durchaus ein Element davon sein kann. 'Literarisch' pendelt von der Wortbedeutung her zwischen 'dichterisch' (im Sinne des deutschen Wortes 'Literatur' innerhalb der Umgangssprache) und 'textartig schlechthin' (im Sinne des lateinischen Wortes 'littera'); im Spannungsfeld dieser Ambiguität *soll* 'literarisch' hier qualitativ mehr bedeuten als die zweite Paraphrase und *kann* weniger bedeuten als die erste. Die Literarizität des sogenannten literarischen Tagebuchs ist jedoch nicht in der Fiktionalität begründet, sondern bezieht sich mehr auf die ästhetische Umformung des Stoffes bzw. auf sprachstilistische Elemente. Tatsache ist, dass selbstverständlich auch das literarische Tagebuch zur Textsorte 'Tagebuch' gehört und die Differenzierung des Tagebuch-Begriffs in Textsorte/Literarform eine literaturwissenschaftlich-systematische ist. Die Texte, die unter dem Begriff 'Tagebuch' zusammengefasst bzw. zur Textgruppe 'Tagebuch' gerechnet werden, kann man grob gesehen in drei Gruppen aufteilen: die authentischen, die fiktiven und die literarischen Tagebücher. Bei fiktiven Tagebüchern handelt es sich um literarische Werke, die sich aus darstellerischen Gründen der Tagebuchform bedienen. Sie können unter Umständen auch einen autobiographischen Hintergrund haben (in solchen Fällen ist die Tagebuchform eine spätere Hinzufügung und ein Kunstmittel zur Strukturierung des Textes). Davon abzugrenzen ist das tatsächlich authentische Tagebuch, das vom Verfasser nicht zur Veröffentlichung bestimmt ist und als unmittelbare Niederschrift durch einen hohen Grad an Authentizität und dokumentarischem Wert gekennzeichnet ist.

Als Gebrauchsform zielt das authentische Tagebuch selbstverständlich nicht auf öffentliche Wirkung ab. Das Hauptunterscheidungsmerkmal gegenüber dem sogenannten literarischen Tagebuch⁵ ist demnach die Intention, für eine lesende Öffentlichkeit geschrieben worden zu sein. Was die äußeren Merkmale angeht, gibt es keinen Unterschied zwischen den beiden Tagebuchformen: der Textsorte des authentischen Tagebuchs und der »Literarform des Journals«. »Die Literarform rekurriert auf die Gattungsmerkmale der Gebrauchsform [...]«⁶, um deren Unmittelbarkeit und Authentizität mittelbar und inszenatorisch auch für sich fruchtbar zu machen. Das Element der Literarizität, das ein Tagebuch zu einem 'literarischen' macht, ist das Prinzip der ästhetischen Überformung des schriftlich Fixierten. Trotzdem bleibt das literarische Tagebuch bei aller ästhetischen Überformung im Kern ein nichtfiktionales Zeugnis, das seinen Anspruch auf dokumentarischen Wert keinesfalls aufgibt. Die Spezifizierung 'literarisches Tagebuch' meint also ein jeweils immer relationales Verhältnis gegenüber der »Idealform 'authentisches Tagebuch'«⁷, das jeweils für den Einzelfall neu zu bestimmen ist.

1.2 Die Kriterien für die Literarizität können durchaus vom Tagebuch zu Tagebuch variieren, da die diarische Form grundsätzlich offen ist und die Literarizität progressiv die unterschiedlichste Ausgestaltung aufweisen kann. Eines der Merkmale der Literarizität ist das der Öffentlichkeit, das jedoch in einer betont äußerlichen Unterscheidung resultiert. Man betrachtet Tagebücher unter diesem Aspekt dann als literarisch, wenn sie publiziert sind. Dieses Kriterium ist zwar durchaus erwägenswert, aber es muss unbedingt ergänzt werden durch das Kriterium der Intention. Ein Indiz für den Stellenwert des Literarischen und ein Ausweis für die Intention des Diaristen ist dabei die Überarbeitung von Aufzeichnungen durch den Autor zum Zwecke der Veröffentlichung. Anders als der Roman oder das Gedicht unterhält das schreibende Ich des literarischen Tagebuchs eine direkte Beziehung zur Person seines Verfassers; der Autor eines Tagebuchs kann weder völlig hinter seinen Text zurücktreten, noch im Sinne einer fiktiven Rolle sprechen, die von seiner Persönlichkeit ablenkt. Der Ausgangspunkt des Tagebuchs ist die Erfahrung des authentischen Ich, das reale Leben des Autors, der zugleich auch Hauptperson und Erzähler ist (Autoren-Ich und Tagebuch-Ich sind immer ein und dasselbe). Er berichtet über sich selbst in (bzw. aus) der realen Zeit, der realen Geschichte; dabei ist er dem »hic et nunc«-Standpunkt verpflichtet (er vermittelt uns den unmittelbaren chronologischen Augenblick, die erlebte Zeit ohne Distanz – hierin liegt der Unterschied zum

⁵ Dieses unterscheidet sich grundsätzlich vom fiktiven Tagebuch. Nach Matjaž Kmecl ist das fiktive Tagebuch bzw. der »Tagebuch-Roman«, wie er es nennt, eindeutig ein literarischer Text und gleichzeitig auch ein fiktiver Text.

⁶ L. Bluhm 1991, S.133.

⁷ L. Bluhm 1991, S. 134.

Autobiographen oder Memoiristen). Es ist der Name des Autors, der die Authentizität eines Journals verbürgt; er ist der heimliche Titel und das eigentliche Thema des Tagebuchs. Tagebücher können von zwei entgegengesetzten Polen her, die sich jedoch nicht ausschließen, sondern eher ergänzen, begriffen werden: von dem der »Selbstvergewisserung« auf der einen und dem der »Zeitgenossenschaft«⁸ auf der anderen Seite. Der diesbezügliche Status eines Tagebuchs hängt vor allem von der Art der Kritik ab: während sich etwa im sog. *Journal intime* (intimen Tagebuch) der introspektive, auf Selbstfindung abzielende Prozess, mit einer sehr persönlichen Diagnose der Außenwelt, begnügt, sucht das sich zu bewusster Zeitgenossenschaft öffnende Tagebuch die Defizite der Außenwelt als objektiv bedingte Momente eines falschen Lebens in größerem Zusammenhang zu kritisieren. In diesem Sinne ist das Tagebuch ein »repräsentativ-subjektives Geschichtsbuch...«⁹. Die mitunter präzisen Datierungen der Notate scheinen nach J. Sader den Zeitpunkt der »unzähligen Fluchtbewegungen«¹⁰ zu signalisieren, die der Tagebuchautor unternimmt. Diese »Ausbruchs- und Aufbruchsversuche«¹¹ aus der Enge der bedrohlichen Faktizität der objektiven Wirklichkeit lassen sich auch häufig an der Struktur der Notate selbst ablesen: sie setzen nicht selten mit einem bedeutungsvoll erscheinenden Detail ein, mit einem konkreten Erlebnis, einer Beobachtung, die den Autor affiziert, und enden mit dem Versuch einer verallgemeinerbaren Einsicht, einer Wertung, die dem Pragmatismus der Außenwelt widerspricht.

Für literarische Tagebücher gibt es zwar keine verbindliche Gattungspoetik, aber es gibt trotzdem Strukturen (also bestimmte genremäßige, stilistische und formalsprachliche Eigenschaften), die jedes Tagebuch aufweist:

- Die Erzählperspektive des Tagebuchs ist eine Kombination aus den Erzählerrollen des Chronisten, des Augenzeugen und des begrenzt wissenden Erzählers, die alle in der Person des Autors vereint sind.

- Das sogenannte »diaristische Bedürfnis«¹² (der Impuls, der zum Führen eines Tagebuchs bewegt) hat politische, moralische oder psychologische Ursachen (ästhetische Überlegungen sind meist nachgeordnet und spielen bei der ersten Niederschrift noch keine Rolle).

- Grundsätzlich bestimmend für das Tagebuch ist der Verzicht auf das Dramatische und die panoramatische Erzählweise (Aneinanderreihung von Beschreibungen, Berichten, Reflexionen, essayistischen Notizen, Fragmenten, systematischen psychologischen Analysen...), die sich aus der spezifischen (okkasionellen und extemporären) Erzählsituation ergibt.

⁸ J. Sader, 1996, S. 29.

⁹ M. Jurgensen 1982, S. 12.

¹⁰ J. Sader 1996, S. 37.

¹¹ J. Sader 1996, ebenda.

¹² J. Sader 1996, S. 35.

- Man unterscheidet beim Tagebuch 2 typische Schreib- bzw. Erzählhaltungen: die »miniaturisierte Erzählung als unverbundenes Fragment«¹³ und auch der knappe Bericht stehen meist im Imperfekt; der »introspektive Diskurs«, die zweite Schreibhaltung, kommentiert in einem ewigen Präsens die erzählten Vorgänge.

Unter literaturwissenschaftlich-systematischem Aspekt lässt sich die Textsorte Tagebuch als nichtfiktionale Form des Selbstzeugnisses, die durch ein erlebnisnahes Moment gekennzeichnet ist, beschreiben. Phänomenologisch stellt sich das Tagebuch als chronologische Folge erkennbar voneinander abgesetzter und datierter, dabei mehr oder minder regelmäßiger, relativ kurzer Notate dar. Sofern es nicht (wie etwa ein Reisetagebuch) für die Dauer eines fest umrissenen Zeitraums angelegt ist, kann es als prinzipiell unabgeschlossen gelten. Inhaltlich ist das Tagebuch durch eine weitgehende Offenheit geprägt, sowohl in bezug auf die aufgezeichneten Gegenstände wie auch in bezug auf die Formen des Notats, die von der kalendarischen Notiz bis zu überschaubaren Literarformen wie Aphorismus oder Erzählung reichen können. Das Kriterium der Offenheit impliziert über diese rein formale Bestimmung hinaus den Gedanken, dass das Diarium die Repräsentation eines modernen mehrdimensionalen und diskontinuierlichen Weltverständnisses darstellt, womit das Tagebuch an das alles integrierende Universalkunstwerk der *opera aperta* des Umberto Eco herangeführt werden kann¹⁴.

Die Literarform Tagebuch muss sich in ihrer äußeren Gestalt von der Textsorte nicht unterscheiden und tut dies in der Regel auch nicht. Die extemporäre Schreibsituation und die sich daraus ergebende Unmittelbarkeit des Gebrauchstagebuchs ist jedoch meist durch eine 'Objektivierung' ersetzt, die das literarische Tagebuch als Selbstzeugnis an die Autobiographie heranrückt. Im Unterschied zur Textsorte besitzt das literarische Tagebuch daher unter Umständen nur noch die Fiktion einer Unmittelbarkeit der Niederschrift. Insbesondere bei späteren Überarbeitungen von Aufzeichnungen wird der analytische Charakter des Tagebuchnotats synthetisch überformt. Jünger z.B. synthetisiert das Geschehen in den Reflexionen, die fast ausnahmslos auf die Beobachtungen folgen. Sie wollen diese ergänzen und mehr noch: sie zu einem Ganzen abrunden. Diese Tendenz ist bei Edvard Kocbek (bzw. in seinen Tagebüchern aus der gleichen Zeit¹⁵), dem slowenischen Zeitgenossen Jüngers, nicht ausgeprägt. Die einzigen Synthetisierungsversuche finden wir bei ihm in den kurzen, meist sachlich gehaltenen Kommentaren, die fast nie die Länge von zwei bis drei Sätzen übersteigen.

¹³ B. Didier 1976, S. 160.

¹⁴ Gemeint ist das Buch *The Open Work* von U.Eco. (Übers. Von Anna Cancogni. Harvard University Press 1989).

¹⁵ Wir beziehen uns auf das 1949 erspublizierte Tagebuch *Tovarišija* von E. Kocbek.

1.3 Der Begriff des 'diaristischen' wird im Kontext des modernen¹⁶ (d.h. des literarisierten bzw. literarischen) Tagebuchs im Sinne einer Selbstbeziehung, einer Reflexivität des nach Selbstgewißheit suchenden Subjekts verstanden. Die Entdeckung der Subjektivität selber als Prinzip der neuen Zeit, ist eine Reaktion auf den Emanzipationsprozess, der als Folge der Aufklärung (dessen Kritik die Einheit und Wahrheit des Erkenntnis stiftenden Prinzips – also Gottes, der Theologie - erschütterte), zu verstehen ist und durch den das moderne Subjekt auf sich selbst zurückgeworfen wird. Es wird reflexiv, es beugt »sich auf sich selbst als Objekt« zurück, um sich wie in einem Spiegelbild zu ergreifen.¹⁷ Diese spekulative Bewegung gibt jedoch das Erkenntnis stiftende Prinzip nicht einfach auf, sondern verlegt es in das Subjekt bzw. in sein 'Inneres', in seine Seele. Bei dieser alles ergreifenden Selbstbeobachtung entfaltet und spaltet sich das Selbst in zwei Teile, in einen beobachtenden und in einen beobachteten, wobei der beobachtende Teil Verfahrensweisen, die sich aus der Analyse empirischer Wirklichkeit herleiten, auf die menschliche Seele anwandte. Diese Art der Beobachtung bzw. Betrachtung ist im Grunde eine phänomenologische. Der französische Philosoph Gaston Bachelard nennt sie die »phänomenologische Schau«, wobei sich die »Betrachtung in betrachtendes und betrachtetes Dasein spaltet«¹⁸. Statt der Spaltung bzw. Doppelung des Selbst oder des Ich ist hier von der Spaltung des Daseins die Rede. Diese Steigerung ist nicht zufällig; sie suggeriert nämlich eine Vereinigung des Subjekts mit dem Dasein, was eigentlich ziemlich genau dem diaristischen Bedürfnis nach einer Re-Subjektivierung der Welt entspricht (wenn auch nur in der Tagebuch-Realität).¹⁹ Tagebücher und damit das gesamte diaristische Bedürfnis, das sie steuert, verdanken den entscheidenden Impuls immer existentiellen Anlässen, die dann zur Entscheidung, diesem diaristischen Bedürfnis nachzugeben, führen können oder nicht. Die äußeren Anlässe können als Verletzung, Verwüstung oder aber als exzeptionelles Ereignis vom Individuum registriert werden. Das diaristische Bedürfnis resultiert in der Etablierung einer individuell erschriebenen, resubjektivierten Welt, die infolge einer Selbst-Lektüre entstanden ist. Diese Selbstlektüre ist einer Selbstentfremdung vergleichbar: das reine Ich, auf dessen chimärische Spur sich das Tagebuch setzt, entsteht mit diesem Lesen *ex negativo* – nicht zuletzt durch die Schrift selber, die die äußere Faktizität löscht. Entsprechend der Theorie Michel Foucaults bedient sich das Tagebuch des Mechanismus der Rechenschaftslegung und der Beichte als traditioneller Mittel zur Erlangung

¹⁶ Die Tagebuchliteratur lässt sich über Renaissance und Mittelalter bis in die Antike zurückverfolgen, doch ihre modernen Wurzeln liegen im Zeitalter beginnender Verbürgerlichung (um die Mitte des 18. Jh. ist eine diaristische Aufbruchsstimmung zu beobachten, sind erste Anzeichen der Entstehung eines modernen Tagebuchs bzw. eines »Tagebuch des inneren Werdens« zu erkennen).

¹⁷ J. Habermas 1998, S. 29.

¹⁸ G. Bachelard 1960, S. 265.

¹⁹ Diese Vereinigung verbindet Bachelard mit dem dialektischen Verhältnis des »Drinnen und Draußen« und der Phänomenologie des »Runden«.

persönlichen Heils.²⁰ Die Führung des Tagebuchs bzw. der Akt der Niederschrift bewirkt nicht nur eine 'Erfindung' bzw. eine 're-inventio' des Subjekts, sondern auch die Erlösung dieses neu-erfundenen, reinen Subjekts. Im weitesten Sinne sind Tagebücher »kompensatorische Alternativen der Wirklichkeit«²¹, ihrer Defizite und Zwänge. Eigentlich reproduziert die »Invention du moi«²², die Invention des – reinen - Ich, die bestrebt ist, die 'draußen' erlebte Fragmentarisierung zu überwinden, diese gerade im Tagebuch, in der Tagebuchrealität. Die Aufspaltung des Ich in Subjekt und Objekt (beides offenbar Projektionen seines Autors, dessen Selbstbeobachtung prinzipiell subjektiv bleibt) und deren anschließliche Zusammenfügung ist außerhalb des Tagebuchs jedoch nicht wirksam.

2. Als Beispiel für ein modernes Tagebuch soll an dieser Stelle Ernst Jüngers Tagebuch-Sextett *Strahlungen* aus dem Zweiten Weltkrieg genannt und text-sortentypologisch bestimmt werden und zwar mit besonderer Betonung auf der Konstruktion der Tagebuchrealität und der für Jünger typischen Tagebuch-Metaphysik

»Ein Tagebuch hat kein Thema; es hat kaum eine Form. Es will die erste flüchtige Berührung mit der Wirklichkeit und ihren Eindruck fassen; darin liegt seine Begrenzung und sein Reiz.«²³ Ernst Jünger

Der von Jünger erwähnte »flüchtige Eindruck«, die Flüchtigkeit des Wirklichkeitsbezuges erlaubt im Tagebuch weder eine solide Thematik noch eine klar identifizierbare, ästhetisch eindeutige Form. Die generelle Haltung in den *Strahlungen* ist wohl die Absicht, es bei der »ersten Berührung« auch zu belassen. Aber auch diese noch führt zu Inhalten, die sich, wie die Tagebücher ja zeigen, mitteilen und thematisch zuordnen lassen. Die Mitteilungen des Tagebuchs müssen jedoch vorläufig und unabgeschlossen bleiben, weil der wertende, objektivierende Blick erst bei Abschluss eines Ereignisses oder - wie im Falle von *Strahlungen* - einer Epoche möglich ist. Damit verliert die Wirklichkeit als objektive historische Gestalt ihre thematische Priorität. An ihre Stelle tritt der »Reiz« ihrer flüchtigen Berührung, das Erfassen des ersten Eindrucks, der den Blick des Autors kreuzt. Wenn man also an Jüngers Bemerkung über das fehlende Thema des Tagebuchs anknüpft, muss man die Konsequenz ziehen, dass der Autor selbst das unausgesprochene Thema ist; sein Blick, dessen

²⁰ »Auslöschen der gesagten Sache durch ihr Aussagen selbst, aber auch die Annulierung des Geständnisses selbst, das geheim bleiben muss und hinter sich keine andere Spur lassen darf als die Reue und die Werke der Buße. Das christliche Abendland hat diesen erstaunlichen Zwang erfunden und einem jeden auferlegt, alles zu sagen, um alles auszulöschen, auch noch die geringsten Fehler in einem ununterbrochenen, erbitterten, erschöpfenden Murren zu formulieren...«. M. Foucault, *Das Leben der infamen Menschen*. In: *Tumult*, Heft 4, 1982, S.49.

²¹ J. Sader 1996, S. 37.

²² B. Didier 1974, S.77.

²³ HiW, S. 410.

Perspektive einer anderen Wirklichkeit jenseits der objektiv-historischen gilt. Jünger dokumentiert Erlebtes nicht unmittelbar, nicht ohne zeitlichen Verzug, hastig. Er zerdehnt diesen Vorgang wie unter einer Zeitlupe²⁴. Jünger wählt also aus, bearbeitet, stilisiert, vergleicht die ersten Notizen, läßt die Zeit mitwirken; das ist aber – wenn man so will - die 'Methode der Erinnerung'. Das Jüngersche »journal en tant que création littéraire« (das Tagebuch als literarische Kreation) hat nach M.Eliade eine Vorläuferfunktion bei der Überwindung sprachlicher Konvention und überkommener Gattungen. Jünger sieht Sprache als lebenden Organismus, den die Zeit verändert: »Da gibt es Sätze, die noch nicht wahr sind, doch ein geheimnisvolles Leben baut sie zur Wahrheit auf... Auch ist die frische Prosa noch ein wenig roh; im Lauf der Jahre gewinnt sie Patina.«²⁵ Die Ansicht von der Zeit als Ganzem relativiert zugleich die geschichtlichen Prozesse: alles Vergangene besteht nicht mit unwiderrufflicher Form in alle Ewigkeit fort. Das Leben der Sprache, die Sprachgeschichte, überliefert Sinn, der in jeder geschichtlicher Situation ein anderer ist, und den daher jede Gegenwart neu zu interpretieren hat, ohne ihn völlig ausschöpfen zu können. Sein Grundsatz »...daß man eine Arbeit nicht oft genug abschreiben kann.«²⁶, präsentiert ihn als den niemals müde werdenden Leser seiner selbst, und zwar in doppeltem Sinne: einmal im Sinne eines existentiellen 'Selbstgesprächs', das ein Tagebuch immer auch ist, dann aber auch als Autor im Sinne einer sprachkritisch-stilistisch inspirierten Unzufriedenheit mit den eigenen Texten. Ulrich Böhme mißverstehet mit seinem Einwand, dass bei Jünger das Historische zurücktritt und der »Autor zum Fälscher des eigenen Textes«²⁷ werde, jedoch Jüngers wahres Anliegen. Nach Jünger liegt die Historie, das Historische als die Ebene gesellschaftlicher Vermitteltheit wie eine trügende Schicht über der rohen, mythologisch zu begreifenden Faktizität des Elementaren. Diese Schicht, dieser »Filter« fehlt jedoch gänzlich in Situationen exzessiven Schreckens – das Bild fällt dann aus dem »Rahmen der Historie«²⁸. Elementare Geschehnisse tragen unter ihrer historischen Verhüllung den »Stempel des Ewigen«. Es scheint in Jüngers Diarien (und auch im modernen Tagebuch allgemein) zwei Wahrheiten zu geben: »eine subtilere und eine gröbere Wahrheit, und die jene wäre die Wahrheit der Dichtung, diese die biographisch-historische«²⁹. Die Strahlungen sind ein Kriegstagebuch, was so viel heißen will, dass der Zweite Weltkrieg

²⁴ Mircea Eliade spricht von einer »méthode Jünger«; sie bestehe darin, wie ein Photograph vorzugehen, der zwar nicht Spontaneität und Authentizität opfere, aber eben nur jene Bilder entwickle, »in denen er seine Vision wiedererkennt (dans lesquels il reconnaît sa 'vision')«. M. Eliade: Notes sur le Journal d'Ernst Jünger. In: Antaios, Bd. VI, Nr. 5/6, 1965, S. 490 ff. – zitiert nach J. Sader 1996, S.45.

²⁵ GuS, S. 35.

²⁶ ZPT, S.282.

²⁷ Ulrich Böhme: Fassungen bei Ernst Jünger, Meisenheim am Glan 1972, S. 121.

²⁸ GuS, S. 192.

²⁹ H. Rüdiger 1976, S. 26.

ihren Stoff im literaturwissenschaftlichen Sinne repräsentiert (und nicht etwa das Thema, das ja eigentlich der Autor selbst bzw. sein Leben ist). In den *Strahlungen* wird zwar nicht gänzlich auf direkte bzw. explizite Beschreibungen des Krieges verzichtet, sie erfüllen jedoch eine ganz andere Funktion: sie dienen als Ausgangspunkt der Transzendierung in die Ebene des Nicht-Historischen, des Ewigen. Danièle Beltran-Vidal sieht die Absicht der Kriegstagebücher und die Motivation ihrer Autoren, die allesamt auch Zeugen des Krieges sind, folgendermassen: »Sie wollen eine Wirklichkeit beschreiben, die sie als 'unbeschreiblich' erkennen.«³⁰ Jünger verspürt in *Strahlungen* nicht das Bedürfnis sich der geschichtlichen Objektivität anzunähern. Er 'schaut' vielmehr Wirklichkeit, konstruiert sie mit gewiss eindringlichen Bildern in den Tagebüchern als 'Naturereignis', als 'Naturgeschichte'. Diese doch weitgehend ästhetische Wahrnehmung sucht in spektakulärer Singularität das Wesentliche zu erfassen; im bedeutenden Bild, das das Wesen der Gesamtlage enthüllt, im Symbol, wo der Blick dann Ruhe findet. Wirklichkeit wird so zu einer »Welt in bezug auf eine Seele«.³¹ »Als metaphysisches Wesen ist jeder Mensch im Universum Mittelpunkt und in dieser Stellung auch durch die fernsten Fixsterne nicht zu beeinträchtigen.«³² – diese Ansicht entspricht dem spekulativen, Spenglerschen Wirklichkeitsbegriff. Immer dann, wenn die *Strahlungen* die historische Wirklichkeit lediglich zum Absprung in eine höhere, 'eigentliche' benutzen, nähern sie sich einem gewissermaßen metaphysischem »Logbuch«³³ an. In diesen Passagen wird der gewohnte Rahmen der Gattung gesprengt, als es nicht mehr hauptsächlich um die subjektive Dokumentation der Wirklichkeit geht, die den diaristischen Prozeß in Gang gebracht hat, sondern um deren Überwindung im Bereich des Metaphysischen. Das doch weitgehend private Selbstgespräch eines Tagebuchs erhält durch die Rolle des Dichter-Autors gewissermaßen ein öffentliches Forum. Die Visionen überschreiten den Status lediglich privater Äußerung und werden zu Erfahrungen eines Autors, der pädagogische Absichten verfolgt. Dem entspricht Jüngers Idee von Autorschaft, die die Aufgabe des Autors in der »Stiftung geistiger Heimat, geistiger Residenz«³⁴ sieht. Jünger sieht sich als Autor in einem etymologisch abzuleitenden Sinne, also als 'Mehrer', 'Förderer'. Die Sonderstellung, die Jünger dem Dichter-Autor einräumt, ist nicht ohne elitäre Züge. Die 'Vorarbeit', die der Dichter leistet, ist mehr als ästhetische Interpretation allgemein zugänglicher Wirklichkeit (also schöpferische Tätigkeit per se), sondern deren Verankerung in der Metaphysik. Der 'metaphysische

³⁰ D. Beltran-Vidal: Der poetische Schaffensprozess bei Ernst Jünger. In: Koslowski, Peter (Hrsg.): Die großen Jagden des Mythos: Ernst Jünger in Frankreich. München (Fink) 1996, S. 83.

³¹ O. Spengler: Der Untergang de Abendlandes, Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München (1923) 1980, S. 101.

³² KB, S. 329.

³³ Vw, S. 11.

³⁴ HiW, S. 581.

Klarheit' erstrebende Leser soll getreu dem Offenbarungsmechanismus erleuchtet und zum Glauben geführt werden.

»Einen Roman oder eine Novelle könnte man als Kristallisation definieren. Das Tagebuch ist eher ein Mosaik: es sind zersplitterte Fragmente, welche aber wieder zu einem Ganzen zusammengefügt werden können, das in einem Jahrhundert suggestiver als ein Roman sein wird.«³⁵ Ernst Jünger

Schon diese Aussage allein offenbart Jüngers Hochschätzung der literarischen Gattung des Tagebuchs, die er im Vorwort zu den *Strahlungen* prophetisch als »neue Literatur« bezeichnet. Als erstes Tagebuch überhaupt nennt er das Tagebuch der Mauretanier.³⁶ Sie stellen für Jünger die ersten 'kopernikanischen' Gestalten dar, die Vorboten der neuen, der 'kopernikanischen' Welt. Die Erwähnung der Männer, die für die Forschung ihr Leben ließen, allegorisiert Jüngers Haltung zum Tagebuch. Sie legt gleichsam die Koordinaten seines Schreibens fest, ordnet intentional die Bezugspunkte an, innerhalb deren es sich bewegen soll: die selbst auferlegte Pflicht zur Beobachtung und Niederschrift noch in größter existentieller Bedrängnis, die Überzeugung, dass ein Tagebuch zwar auch seinem Verfasser Trost spenden, Orientierung ermöglichen könne, sein eigentlicher Wert, seine Legitimation jedoch in seiner Logbuch-Funktion liege, als eine »existentielle Dokumentation der im Dienste der Erkenntnis erlittenen Katastrophen«³⁷. Daraus ergibt sich die besondere Position des Diaristen: die allgemeine Distanzierung des Geistes vom Gegenstand, des Autors von der Welt. Das ist auch die existentielle Signatur der Moderne, wie Jünger sie sieht. Die moderne, die »kopernikanische« Welt, wie er sie nennt, steht bezeichnend für den Beginn eines irrenden, bislang erfolglosen Suchens nach einem neuen, die Macht der Religion ersetzenden Mittelpunkt. Hier liegt auch der Nerv der Jüngerschen Kulturkritik, die alle späteren negativen Entwicklungen auf dieses Datum zurückführt: nämlich auf die für Jünger ominöse »kopernikanische Schockwelle«³⁸ bzw. den Beginn der Moderne, also das Jahr 1543, das Erscheinungsjahr von Kopernikus Buch »De revolutionibus«. »Die kopernikanische Revolution ist Mobilmachung der Welt und der Weltbilder, bis an den Punkt, an dem alles möglich wird...des totalen Schwindels«.³⁹ Die Moderne hat mit der Mimesis identifizierbarer Natur gebrochen, die Kunst wagte sich in den leeren Raum des Vorstellens hinaus und sicherte sich so die Wirkung der 'Erstmaligkeit', den Überraschungseffekt sozusagen. Das Tagebuch zählt als »neue Literatur« auch zur kopernikanischen Welt. Dem Verlust kohärenter Deutungsmuster

³⁵ Julien Hervier: *Entretiens avec Ernst Jünger*, Paris 1986, S. 114.

³⁶ Gemeint sind die 7 Matrosen, die im Winter 1633 auf der Insel des Hl. Mauritius im Nördlichen Eismeer überwinterten und dort gestorben sind.

³⁷ J. Sader 1996, S. 42.

³⁸ P.Sloterdijk: *Kopernikanische Mobilmachung und ptolemäische Abrüstung*. Frankfurt/Main (Suhrkamp) 1987, S. 60 ff.

³⁹ P.Sloterdijk 1987, S. 60 ff.

in der Moderne darf der Autor nämlich nicht mehr mit der Chimäre literarischer Stimmigkeit (was traditionelle Erzählweise ja ist) entgegnetreten; er vermag diese Unstimmigkeit, die kaleidoskopische Wahrnehmung der Wirklichkeit, allein im Medium des ebenfalls unstimmen, unzusammenhängenden und ungeschlossenen Tagebuchs zu beherrschen. Das Tagebuchschreiben bedeutet für Jünger als Autor der Moderne den Versuch, der auseinanderfallenden Welt einen neue, durchaus 'unstimme', rational kaum begründbare Ordnung zu verschaffen. Die Metapher der »Strahlungen« repräsentiert Jüngers Bemühen um die Metaphorisierung einer einzigen Idee in seinen Diarien aus dem Zweiten Weltkrieg: indem der Mensch mit beiden Beinen auf der Erde steht, wurzelt er immer auch in metaphysischem Grund. Strahlen können demnach als die vieldeutige, von Willen wie Intention unabhängige 'Verkehrsform' unter Menschen angesehen werden, aber auch und vor allem zwischen Mensch und Sein. Nach Jüngers Überzeugung vermag erst eine gelungene, »makellose« Sprache die Beziehungen des Sichtbaren zum Unsichtbaren aufzuzeigen. Die Interdependenz beider hierarchisch aufeinander bezogener Bereiche, die offenbar virtuell in Sprache angelegt ist, bedarf zu ihrer Verdeutlichung des Autors. Er kritisiert die zum bloßen 'Instrument' degradierte Sprache und erinnert an ihre »metaphysischen Funktionen«, die sie erst zur Sprache in einem existentiellen Sinne werden lassen – nämlich zu einer »umfassenden, das Nützlich-Instrumentelle übersteigenden Kommunikationsform mit dem Absoluten«⁴⁰. Die Sprache ist für Jünger sowohl Vehikel der Kritik als auch Terrain der Erneuerung. Das sprachstilistische Erneuerungsprojekt, das die *Strahlungen* unter anderem auch sein sollen, definiert er als die Forderung nach einer neuen Sprache, in der sowohl »Gedanken als auch Bilder wirken sollen«, die der Versuch einer Synthese aus »Hieroglyphensprache« und der »Sprache der Vernunft«⁴¹ werden soll.

»Der Abstand, den heute der Autor von seinem Werk gewonnen hat, bringt es mit sich, dass er in voneinander weit entfernten Gebieten und Schichten wirken kann, die oft wie Negativ und Positiv der Bilder verschieden sind. Und doch ergeben beide erst Realität.«⁴² In diesem Zitat wird eine andere Eigenschaft des Tagebuchs exponiert, und zwar die thematische Verzweigung des Inhalts, die Disparates zu verknüpfen sucht (das wird entweder antithetisch oder metaphorisch realisiert). Der Tagebuchcharakter als Kennzeichen der neuen Literatur, die den Zustand der ständig ansteigenden Geschwindigkeit, der sich steigernden Mannigfaltigkeit, die die Form bedroht, reflektiert. Geschwindigkeit und Mannigfaltigkeit zählen in Jüngers Werk zweifellos zu den Stichwörtern mit größter Frequenz (u.z. nicht nur in den *Strahlungen*). Sie beinhalten die Essenz der modernen Welt und der neuen Zeit. Die Überflutung, die sich als Folge dieser Eigenschaften einstellt, kann literarisch am besten durch die Form des Tage-

⁴⁰ J. Sader 1996, S.54.

⁴¹ Vw, S.19.

⁴² Ww, S.21.

buchs bewältigt werden: Eindrücke, die man nicht mehr zu einer Geschichte oder auch zu **der** Geschichte formen kann bzw. Eindrücke, die sich nicht mehr zu einer Geschichte zusammensetzen. Aber das Genre des Tagebuchs hat eine Art 'eingebaute Versicherung' gegen die Bedrohung der Form durch Reizüberflutung: die Form selbst wird zu einer extrem dehnbaren, flexiblen Hülle, die die 'Bedrohung' quasi eingliedert hat. Eine 'offene Form' also. Die Problematik, mit der sich Jünger als Tagebuchautor konfrontiert sah, ist eine hervorragend stilistische: »Die Gestaltung, also Gliederung und Ausgrenzung, die Stellungnahme auch emotionaler Art ist zu erreichen und doch soll soviel als möglich von der Fülle und Bewegtheit des Lebens eingefangen werden, um das Menschliche voll einzusetzen.«⁴³ Ist die Wahl der Gattung des literarischen Tagebuchs also eine stilistische oder eine existentielle? Die Antwort lautet: sie ist beides und darüber hinaus auch philosophisch bzw. phänomenologisch bedingt.

2.1 In der Lektüre sowohl literarischer als auch nichtliterarischer Texte wird die Ordnungsstruktur von Wirklichkeitsbezügen, Fiktionselementen und Imaginationsteilen kaum je zum Problem. Vor allem bei literarischen Textanalysen kümmert uns die Zuordnungsfrage nicht besonders; im Gegenteil, sie wird als unliterarisch und dem Textphänomen wesensfremd abgewiesen. Außer natürlich wir treffen auf »Mischformen«. Und das Diarien-Sextett der *Strahlungen* ist so eine Mischform. Unsere Lektüre ist hinsichtlich einer referenziellen oder fiktionalen Dekodierung von Texten oder Textelementen von ästhetischen Konventionen und literarischen Maximen gesteuert; so z.B. bei einem Lebensbericht von dem sog. »autobiographischen Pakt«⁴⁴. Hier kann die mitunter als belanglos erachtete Unterscheidung zwischen Authentizität und Fiktionalität, Erlebtem und Erdachtem plötzlich zu einer durchaus relevanten Streitfrage um Wahrheit und Lüge werden. Die Opposition von Wirklichkeit und Fiktion ist nach Wolfgang Iser⁴⁵ eines der Elementarbestände unseres »stummen Wissens«. Die Unterscheidung zwischen Authentizität und Fiktionalität, zwischen Erlebtem und Erdachtem ist nicht notwendigerweise die gleiche wie die Unterscheidung zwischen Wahrheit und Lüge. Unsere Lektüre von Textsorten wie dem Tagebuch oder der Memoiristik im allgemeinen ist von ästhetischen Begriffsoppositionen wie authentisches Erleben/literarische Gestaltung, Erinnerung und 'Wirklichkeit' als personale und historiographische Rekonstruktionsleistungen (bei Jünger geht es eigentlich auch um eine teilweise Rekonstruktion oder besser Rekonstitution der Wirklichkeit, weil die Tagebücher trotz regelmäßiger Notierung des Geschehens und des Gedachten von Jünger nachträglich redigiert und umgeformt wurden) bestimmt.

⁴³ L. Bluhm 1991, S.33.

⁴⁴ Zum autobiographischen Pakt gehört die Versicherung, dass der Autor zugleich der Ich-Erzähler und dass das in der ersten Person Geschilderte mit dem Erlebten des Autors identisch sei – zitiert nach Philippe Lejeune 1994, S.14.

⁴⁵ Op. zitiert nach seinem Buch »Das Fiktive und das Imaginäre«, 1991.

Wie ist Literarizität zu definieren? Sie darf auf jeden Fall nicht mit Fiktionalität verwechselt werden. Wenn wir uns dem Beispiel des literarischen Tagebuchs bzw. der Literarform Tagebuch zuwenden, können wir die Literarizität als den Unterschied zur Gebrauchstextsorte Tagebuch definieren. Im Gegensatz zur letzteren besitzt die literarische Form teilweise nur noch den Anschein einer Unmittelbarkeit der Niederschrift. Diese ist abhängig von dem Maß nachträglicher redaktioneller Bearbeitung durch den Diaristen, dessen erste Niederschrift möglicherweise bereits von der Selbstkontrolle des auf Literarizität abzielenden Künstlers geprägt ist. Wenn wir die *Strahlungen* an dieser allgemeinen Definition messen, stellen wir fest, dass der Grad redaktioneller Nachbearbeitung ziemlich hoch ist und das wir bei Jünger durchaus von einem starken, auf Literarizität abzielenden Gestaltungswillen ausgehen können. Dieser manifestiert sich nicht zuletzt auch in der Verlagerung der genutzten Aufzeichnungsformen innerhalb des offenen Spektrums hin zu künstlerischen Kleinformen, insbesondere zum Aphorismus. Jüngers Tagebücher sind durch zwei miteinander kommunizierende Dimensionen bestimmt: der Dimension des Informativen und der darüber hinausgehenden Dimension des Ästhetischen, die den tatsächlich literarischen Charakter eines Journals ausmacht. Die informative Seite konstituiert sich aus dem (auto-)biographisch, alltäglich und zeitgeschichtlich Dokumentarischen im Tagebuch, der deskriptiven Darstellung (Natur, Kunst, Träume) sowie der Reflexion und der Spekulation. Als vorherrschende Darstellungsmittel dienen dem Diaristen der Bericht, die Beschreibung und die Erörterung. Daneben erscheinen häufig schriftlich fixierte Gedankensplitter in aphoristischer Form. In der Darstellungsform des Berichts verzeichnet Jünger die vielfältigen persönlichen Begegnungen und die eingestreuten historischen Anekdoten, die er entweder einem Gespräch, der Erinnerung oder seiner Lektüre entnimmt. Das Darstellungsmittel der Beschreibung findet insbesondere bei Natur- und Kunstbetrachtung Verwendung. Sie dient in der Regel zuerst der Fixierung einer bestimmten Beobachtung, bietet darüber hinaus aber auch die Grundlage und das Material für die assoziative Suche nach übergreifenden Gesetzmäßigkeiten des Lebens. Die Deskription geht dabei in die Reflexion über, die die konkrete Beobachtung durch allgemeine Betrachtungen ergänzt und erweitert. Diese Kombination der Darstellungsarten vermittelt den Eindruck einer bewussten Distanzierung des Autors von seinen Anschauungsobjekten. Die *Strahlungen* sind durch zwei weitere Eigenschaften gekennzeichnet: durch die Menge der Traumprotokolle, die das Werk mit einem dichten Netz überziehen, sowie einem spezifischen »Steinbruch-Charakter«⁴⁶: manchen Notizen und Reflexionen begegnen wir ausgearbeitet in der Essayistik oder in erzählenden Schriften wieder. Der ästhetische Stellenwert des Jüngerschen Diariums konkretisiert sich darüber hinaus in seiner besonderen sprachlichen Formung, vor allem in den aphoristi-

⁴⁶ L. Bluhm 1995, S.146.

schen Passagen, den komplex aufgebauten Analogien und dem meisterhaft beherrschten Spiel mit Assoziationen.

Literaturverzeichnis

1. BACHELARD, Gaston: *Poetik des Raumes*. Übersetzt von Kurt Leonhard. München (Carl Hanser Verlag) 1960
2. BLUHM, Lothar: *Ernst Jünger als Tagebuchautor und die 'Innere Emigration'*. In: Die großen Jagden des Mythos. Ernst Jünger in Frankreich. P. Koslowski (Hrsg.). München (Fink) 1996.
3. DIDIER, Béatrice: *Le journal intime*, Paris 1976
4. FABČIČ, Melanija: *Ernst Jünger: Tagebücher. Stilistische Forschung*. Magistrsko delo. Maribor 2000
5. JÜNGER, Ernst: *Strahlungen I,II*. München (dtv) 1995
6. JURGENSEN, Manfred: *Das fiktionale Ich. Untersuchungen zum Tagebuch*. Tübingen (Francke) 1982
7. HABERMAS, Jürgen: *Der philosophische Diskurs der Moderne. Zwölf Vorlesungen*. Frankfurt a. M. (Suhrkamp) 1998
8. SADER, Jörg: *»Im Bauche des Leviathan«: Tagebuch und Maskerade. Anmerkungen zu Ernst Jüngers »Strahlungen«*. Würzburg (Königshausen&Neumann) 1996
9. SLOTERDIJK, Peter: *Kritik der zynischen Vernunft Bd. 2*. Frankfurt a. M. (Suhrkamp) 1983

VERGLEICH VON PREŠERENS KRST PRI SAVICI UND PUŠKINS
EUGEN ONEGIN UNTER DEM ASPEKT DER ANGEWANDTEN
NARRATIVEN STRATEGIE

Krst pri Savici in Evgenij Onjegin se z narativnega stališča ločita iz večih vzrokov. Večino njih je mogoče povezati z bistveno različnim statusom pripovedovalca v pripovedih oziroma z njegovo popolnoma drugačno lego glede na pripovedovani objekt.

S tem v zvezi so pripovedovalčevo enačenje z upovedenimi osebami, njegove pogoste intervencije v literarno dogajanje ter vrednost in pomembnost dialoga kot načina prikazovanja literarnega dogajanja.

Puškinov pripovedovalec ima v primerjavi s Prešernovim specifičen položaj, in to zato, ker se na več mestih kaže kot figura, ki ima neposreden dostop do upovedenih oseb oziroma kot figura, ki je del literarnega dogajanja. Prešernov je drugačen, in to zato, ker je od dogajanja ves čas oddaljen. Za razliko od Puškino-vega pa večkrat in na mestih, ki so za ideologijo besedila pomembna, prepusti, da se dogajanje in z njim osebe kažejo sami. To pa pomeni, da so v Krstu pri Savici pomensko še posebej poudarjeni dialoški segmenti.

Med obema besediloma je s stališča narativnosti največ podobnosti zaradi relativno pogostih pripovedovalčevih intervencij v sicer linearni tok dogajanja.

Izpostaviti pa je potrebno, da sta oba romantična avtorja na sicer različne načine poudarila isto, in sicer »osebno« izkušnjo in na njej grajeno »resnico« besedila.

1 Prešerens Erzählung in Versen Krst pri Savici werde ich deshalb mit Puškins Eugen Onegin vergleichen, weil die Unterschiede im Bereich der narrativen Strategie, insbesondere die Position des Erzählers, seine Interventionen und sein Verhältnis zum verworteten Stoff sowie die Bedeutung der sogenannten mimesischen Segmente auf zweierlei hinweisen, und zwar darauf, daß beide Autoren die Überzeugungskraft ihrer Texte (Prešeren beispielsweise die Subtilität von Črtomirs Problem) mit äußerst verschiedenen narrativen Verfahren konstruierten und daß diese strukturell im Diskurs beider Erzählwerke durchaus begründet sind.

2 Vom Gesichtspunkt der Narration konzipierte France Prešeren die Geschichte von Črtomir (und Bogomila) als geschlossenen und ruhigen Erzählstrom ohne unnötige Abweichungen und ohne fragmentarischen Charakter, kurz gesagt, als Erzählung, die zwar ohne äußere, dramatische Spannung, aber übersichtlich und allmählich die verschiedenen Aspekte des dramatischen Geschehens in Črtomirs Innenleben enthüllt. Damit entfernte sich der slowenische Dichter merklich vom byronistischen Paradigma, das gerade in diesem Oberflächenbereich die roman-

tische emotionale Spannung in bedeutsamer Weise gestaltet und das Dramatische des Konfliktes zwischen Subjekt und Objekt hervorgehoben hat. Der englische Romantiker, der durch sein literarisches Oeuvre ein leuchtendes romantisches Vorbild wurde, ordnete beispielsweise in *Junker Harolds Pilgerfahrt* die narrative Strategie den Bedingungen der Intensität und der Spannung im Gesamtbereich der emotionalen Sphäre und des damit verbundenen fragmentarischen Charakters unter. Beides paßte Byron seiner romantischen Lebensanschauung so an, daß er die Linearität des literarischen Geschehens durch die lineare Steigerung der emotionalen Spannung ersetzte.

Wie schon erwähnt, hatte sich Prešeren von diesem Modell gelöst, dennoch schuf er einen suggestiven Text, wo aus anderen Gründen, die in der narrativen Struktur des Textes begründet liegen, die emotionale Spannung und der extrem zugespitzte Konflikt zwischen dem Ideal und der Wirklichkeit verknüpft sind.

Auch der russische Romantiker Puškin revidierte in der "Enzyklopädie des russischen Lebens" oder vielmehr in der Geschichte vom überflüssigen und lebensmüden Onegin, der in der dramatischen Evolution allmählich die Ziellosigkeit des adeligen Salonlebens erkannte, und von der "wahren russischen Seele" Tatjana in mancherlei Hinsicht die byronistische Struktur, wenn auch nicht vollständig. Dabei muß auf folgendes hingewiesen werden: Puškin berücksichtigte den fragmentarischen Charakter und damit das Konzept der schnell wechselnden Bilder, was die Dynamik der literarischen Botschaft vergrößert, vor allem bei der Schilderung der Städte, durch die Onegin reiste. Wir denken vor allem an die Schilderung des Lebenstempus in der Tverska ulica (Strophe 38) und an die Aufzeichnungen von der Krim, von Odessa, St. Petersburg, Moskau, vom Kaukasus und so fort. Der Erzähler Eugenin Onegins gebrauchte an diesen Stellen nämlich die Technik der Aneinanderreihung der wichtigsten Motive, die er der Bedeutung nach zur außerliterarischen Wirklichkeit in Beziehung brachte, um darauf das Bild des Ortes (die kubanischen Gewässerebenen), das dortige Leben (die Vorstellung von Rossinis Oper in Odessa) und seine Geschichte (das Chanat Atrachan), die mehrmals aus der Perspektive des Volkes (Jaroslav, Gesetzgeber) fokalisiert ist, überzeugend zu gestalten. Doch dies ist im Vergleich zu Byron weniger wichtig, wesentlich ist nämlich etwas anderes: Puškins Erzähler stellte zu Onegin eine kritische Distanz her, die sowohl die Übereinstimmung mit seinen Taten als auch deren Ablehnung einschließt. Als Beispiel sei erwähnt, daß die Umgebung des Dorflebens für den Erzähler einen Wert darstellt, der Frieden, Ruhe und Einsamkeit, Lektüre, Freiheit und Schaffensquelle bedeutet, für Onegin hingegen Langeweile. Wenn wir nun erneut zur Dichtung *Krst pri Savici* zurückkehren, und zwar unter dem Aspekt des Tempos des literarischen Geschehens, können wir ohne weiteres feststellen, daß Prešerens Erzähler an den entscheidenden Stellen, an denjenigen, wo der Diskurs über die Dialektik von Črtomirs innerem Verfall entsteht, die Länge der erzählten Zeit der Erzählzeit annähert, womit er augenfällig dem fragmentari-

schen Charakter auswich, den man in Junker Harolds Pilgerfahrt und zum Teil auch in Eugen Onegin feststellen kann. Dies schuf der slowenische Romantiker durch die Einführung des Monologs und des Dialogs oder durch die Gestaltung der sogenannten mimetischen Segmente. Wir denken hierbei natürlich an Črtomirs Rede an seine Kampfgefährten im Ajdovski grad und an den Dialog zwischen ihm und Bogomila. Gerade diese Segmente weisen auch ganz deutlich darauf hin, daß beide slawische Autoren die Erzählung auf verschiedene Weisen, vor allem aber strukturell begründet konzipierten.

Dies unterstützt auch der verschiedene Status des Erzählers in beiden Texten. Puškin hat im Vergleich zu Prešeren eine spezifische Position, und zwar deshalb, weil er sich mit seinen Interventionen und seiner kritischen Distanz zum erzählten Objekt als Figur zeigt, die einen unmittelbaren Zugang hat zum literarischen Geschehen, oder vielmehr als Figur, die zur Gleichwertigkeit mit den dargestellten Personen tendiert.

Im Gegensatz dazu stützt der Erzähler der Dichtung Krst pri Savici die Bedeutungstiefe auf den Dialog, der die persönliche Erfahrung der beiden Protagonisten Črtomir und Bogomila hervorhebt.

3 Den Inhalt der narrativen Strategie im Krst pri Savici bildet vor allem die Verschiebung vom narrativen System¹ mit dem auktorialen Erzähler und der äußeren Fokalisation zum narrativen System mit dem Ich-Erzähler und der inneren Fokalisation. Die unmittelbaren Folgen dieser Verschiebung oder derartiger Verschiebungen in der Einleitung der Dichtung Krst pri Savici hängen zusammen mit der Tatsache, daß die Ich-Erzählung mit ihren unmittelbaren Andeutungen auf die autobiographische Beschaffenheit eine größere Authentizität darstellt und eine größere Überzeugungskraft hat. Nicht zuletzt führt die Veränderung der Diegese zur Mimesis² den Leser unmittelbar zum literarischen Geschehen und aktualisiert es dadurch natürlich stark, die Rezeption des Lesers wird belebt und vertieft.

Die besagten Verschiebungen sind sowohl im einleitenden Teil (Uvod) als auch im Abschnitt Krst symmetrisch und man kann sie in den unten dargestellten Reihenfolgen formalisieren:

¹ Den Begriff narratives System habe ich in die Erzähltheorie im Vortrag über den Fokalisationscode (Štuhec 1998) deswegen eingeführt, um die Situation der im System begründeten Beziehung des Erzählers und des Fokalisators von Stanzels Verständnis der Erzählsituation zu unterscheiden.

² Den Begriff Diegese hat die Narratologie von der antiken Poetik übernommen, wo er nach Platon das Erzählen, in der heutigen Theorie die Rede des Erzählers, bedeutet. Zum Komplex der antiken Poetik gehört auch der Begriff Mimesis, den wir heute als Bezeichnung für narrative Segmente gebrauchen, wo sich das literarische Geschehen über die Rede der dargestellten Personen selbst zeigt.

NS = (aukE + äF) + (IchE + iF) + (aukE+ äF)

NS = (aukE + ä+iF) + (IchE + ä+iF) + (aukE + äF)

Es überrascht keineswegs, daß der Abschnitt Krst im narrativen Bereich komplizierter strukturiert ist als die Einleitung der Dichtung, darin geht es immerhin nicht nur um die Einbeziehung lyrischer Elemente, sondern auch auf der Ebene der Erzählung um Akzente, die die verwickelte Dynamik der Veränderung von Črtomirs psychischer Struktur zeigen.

Der Erzähler ermöglicht einen direkten Kontakt zwischen dem literarischen Geschehen und dem Leser, indem er sich selbst als Vermittler in den Hintergrund zurückzieht und so den Personen überläßt, sich selbst darzustellen. Im Gegensatz dazu thematisiert Puškin unaufhörlich die Präsenz des Erzählers und betont damit seine narrative Rolle in der Kommunikationskette zwischen dem Leser und Onegin einerseits und den Gesellschafts-, Moral- und Wertvorstellungen, die ihn prägen, andererseits.

Die Verschiebung des Erzählens vom auktorialen Erzähler zur Darstellung, die auf dem Dialog von Bogomila und Črtomir gründen, ist eine strategische Entscheidung von Prešeren's Erzähler. Ihre Zweckbestimmung besteht offensichtlich darin, auf der Grundlage des unmittelbar Erlebten die Authentizität und Überzeugungskraft des Dargestellten hervorzuheben. Prešeren mußte sich im Vergleich zu Puškin im Eugen Onegin und zu Byron in Junker Harolds Pilgerfahrt ganz einfach für eine solche Lösung entscheiden, wenn er die individuelle Notlage oder vielmehr die tragische Besitzergreifung des Individuums durch die schicksalhaften historischen Veränderungen hervorheben wollte. Dadurch konstruierte er die Erzählung, und das ist bedeutsam für das Verständnis von Črtomirs Problem, vordergründig auf der subjektiven Erfassung der Welt.

Puškins Erzählung Eugen Onegin ist im Unterschied zur der von Prešeren objektiviert, und zwar durch die rationale Distanz des Erzählers, die im Prinzip eine Reflexion und eine erneute Einstellung gegenüber den einzelnen Geschehnissen ermöglicht. Deswegen hebt er ein ganzes Spektrum verschiedener Möglichkeiten der individuellen Verwirklichung des Menschen hervor. Seine Hauptfigur, im Vergleich zu Junker Harold eine "wirkliche", in überprüfbare zeitliche und räumliche Koordinaten plazierbare Person, ist in gewisser Hinsicht sogar gleichgestellt mit Prešeren's Črtomir. Doch unterscheidet sie sich vor allem wesentlich von ihm, und zwar deshalb, weil im Krst pri Savici das persönliche tragische Schicksal eigens zum Ausdruck kommt, Puškins Erzähler betont dagegen durch seine Position der Annäherung und der Distanzierung, der Übereinstimmung und der Ablehnung in besonderem Maße die Universalität des Lebens, die Onegin prinzipiell die verschiedenen Daseinsmöglichkeiten bietet.

Mit der angewandten narrativen Strategie oder genauer mit der Erzählerposition entfernte sich Puškin von der literarischen Praxis der romantischen Literatur und

bereicherte sie durch die Aktualisierung des enzyklopädischen Materials und die Objektivierung. Zu diesem Komplex gehören auch die Revision der sprachlichen und der stilistischen Verfahren und insbesondere die Abweichung von der traditionellen Gattungsstrukturierung.

Die Überzeugungskraft und die narrative Tiefe der russischen Dichtung resultieren vor allem aus den angeführten Merkmalen, die sich strukturell auf den Motiv- und Themenbereich des Textes gründen, ihre Rolle kann man mit dem Diskurs des Individuellen im Universalen bestimmen. Nicht zuletzt muß man zu der ambivalenten Erzählerposition auch seine ausgesprochen wenigen Kenntnisse am Ende der Dichtung zählen, die die Merkmale von Eugen Onegin gewiß ganz deutlich unterstützt. Man kann sie nämlich als Warnung verstehen, daß das Leben ein Prozeß ist, das in verschiedenen Formen und Inhalten seine für den einzelnen schwer verständliche Unendlichkeit ausdrückt.

Puškin konstruiert die Geschichte auf der weitreichenden Bedeutung des auktorialen Erzählens. Der Erzähler beherrscht so alle Dimensionen der Geschichte, was ihm auch einen anfänglichen Einblick in die Gedanken des "jungen unreifen Menschen" gewährt, die Andeutung auf die Dichtung Ruslan und Ljudmila und die schließlich souveräne und in den typologischen Merkmalen des auktorialen Erzählers begründete Entscheidung, die Hauptperson vorzustellen. Eine Fortsetzung in der eingeschlagenen Richtung bedeuten die Angaben, die mit Onegins Leben in St. Petersburg zusammenhängen, und diejenigen über seine Verbindung mit Tatjana, Lenski und Olga und über die spätere Reise durch Rußland. An dieser Stelle muß man allerdings hervorheben, daß Puškins Erzähler zwei Erzählmöglichkeiten planmäßig variiert, und zwar deshalb, weil er mehrmals dem Status der Allwissenheit oder einer gewissen "mythischen" Macht über dem literarischen Geschehen dadurch ausweicht, daß er seine Kenntnisse von Onegin an den Hintergrund ihrer Freundschaft knüpft. Eine solche Situation kann man auch als romantische Manier der Gleichsetzung des Erzähl- und des erzählten Subjekts verstehen, wie dies aus einigen Werken Byrons bekannt ist, aber auch als narrative Entscheidung der Verbindung von Möglichkeiten, die beide Erzähltypen bieten und die ihre Bedeutungstiefe im Bereich des Diskurses erhält. Zu diesem Komplex gehören die Verse, wo der Erzähler Tatjanas Liebe zu Onegin bedauert, diejenigen, wo er die Kenntnisse von Onegins Charakter mit seiner Freundschaft begründet, und diejenigen, wo er ankündigt, daß die Liebe zwischen Onegin und Tatjana nicht glücklich enden kann. Es sei hier darauf hingewiesen, daß auch der Erzähler Črtomirs Schicksal kennt, daß der letztere in den Kampf zog ohne die Hoffnung auf Erfolg.

Daß Puškins Erzähler im Unterschied zu Prešerens eine viel bedeutendere und auffälligere Rolle hat, beweist auch das ausgeprägte "Defizit" im Bereich des Dialogs im Eugen Onegin. Der erste, wenigstens scheinbar selbständige Auftritt Onegins erfolgt erst im 1335. Vers und auch Tatjanas Charakter, der weder für die Geschichte noch für die Ideologie des Textes natürlich nicht von nebensäch-

licher Bedeutung ist, zeigt sich nicht unmittelbar, sondern wird durch den Erzähler vermittelt, der den Inhalt des Briefes kennt, den die letztere an Onegin adressiert hat.

Aber das sind noch nicht alle Merkmale, die Puškins narrative Strategie bestimmen, wesentlich hierfür ist nämlich die spezifische Position des Erzählers in Bezug auf den vertexteten Stoff. Durch sie unterscheidet sich auch die russische romantische Dichtung am meisten von der Prešeren's. Der Erzähler erzählt darin nämlich nicht nur die Geschichte von Onegin (und Tatjana), sondern setzt sich ganz deutlich und auf seine Weise gleich mit den erzählten Personen. Durch die Hervorhebung seiner Rolle in der Geschichte nimmt sein Körper anstelle einer prinzipiellen Unbestimmtheit natürlich eine konkrete Gestalt an.

Durch die Verschiebungen des Fokalisationswinkels zeigt er seine eigene Gestalt, er betont die unmittelbare Nähe oder sogar die Einbeziehung ins literarische Geschehen, dabei vermittelt er auch mehrmals Angaben der eigenen Vergangenheit. Dies und eine ganze Reihe von Elementen, die aus dem wirklichen Leben genommen sind, sind nicht nur interessante narrative Strategien des Erzählers, sondern sie haben einen unmittelbaren Einfluß auf die Objektivierung und die Bedeutungstiefe des Erzählten.

Die Verbindung von Faktum, wir denken an eine ganze Reihe von Elementen, die in die Erzählung aus der äußeren wirklichen Welt eindringen, und Fiktion erhöht auch die Überzeugungskraft. Die Dichtung Krst pri Savici gesellt sich mit ihrem Stoff zu der Gruppe derjenigen romantischen Texte, die vor dem Hintergrund der mittelalterlichen Christianisierung die nationale Dimension betonten, aber nur zum Teil, und zwar deshalb, weil Prešeren die Ausbreitung des Christentums vor allem als geschichtliche Grundlage benutzte, auf deren Hintergrund er die tragischen Züge von Črtomir's Zwiespalt zwischen dem Extrem des persönlichen Liebesglücks und der Notwendigkeit der historischen Entscheidungen gestaltete. Puškin plazierte durch die ambivalente Erzählerposition Onegin nicht in extreme Lebenslagen, sondern folgte vor allem seinen Lebensentscheidungen, im Bereich der verschiedenen Möglichkeiten. Diese wurden von ihm laufend überprüft, analysiert und objektiviert.

Die Suggestivität der Dichtung Krst pri Savici geht vor allem aus der körperlichen Präsenz der Ich-Erzähler Bogomila und Črtomir im Geschehen aus. Diese ist nämlich der Garant für die "Wirklichkeit". Schon in der ontologischen Basis der Ich-Erzähler, in ihrer physischen Determinierung in den zeitlichen und räumlichen Koordinaten des literarischen Geschehens liegen nämlich die Gründe dafür, daß man sie mit wirklichen Personen vergleichen muß, deren Feld der Erfahrung, des Benehmens, der Emotionen und der Phantasie zwar begrenzt, aber wirklich ist. Bogomila vereint gerade deshalb in ihrer Person, wenn sie die Rolle des Ich-Erzählers übernimmt, die retrospektive und rekreative Kompetenz. Der Inhalt ihrer Replik ist nämlich nicht nur die Re-creation, die von ihrem Erfahrungs- und Wissenshorizont ausgeht, sondern er ist, wenn man noch ihre

emotionale Aktivität berücksichtigt, auch das Resultat rein fiktiver Verfahren - eine Kreation.

Der Wert und die Tiefe der persönlichen Erfahrung, worauf der Ich-Erzähler seine strukturelle Rolle aufbaut, unterstützt auch das Orientierungssystem, das auf der deiktischen Schicht des Textes gründet. Das "Hier und Jetzt" Črtomirs und Bogomilas, in dem Augenblick, wo sie in der Rolle des Erzählers auftreten, bedeuten nicht nur ihre tatsächliche Einbettung in die räumlichen und zeitlichen Koordinaten des literarischen Geschehens, sondern vor allem ein autonomes Orientierungssystem, auf dessen Grundlage der Leser die übrigen Ereignisse anordnet.

Diese Dimension, die in bedeutsamer Weise die Rezeption des Textes beeinflusst, entfällt wegen der Körperlosigkeit des auktorialen Erzählers in den Segmenten, die er erzählt. In der Dichtung Eugen Onegin ist die Situation deswegen anders, aber nicht in dem Maße, wie man es erwarten würde. Puškins zwar auktorialer Erzähler plaziert sich nämlich selbst, was schon eigens hervorgehoben wurde, wegen seiner unaufhörlichen und engen Beziehung zu den erzählten Personen und Ereignissen mehrmals ganz klar in die Koordinaten der Erzählung. Damit übernimmt er zum Teil die Eigenschaften des Ich-Erzählers, also desjenigen, dessen Motivation vor allem existentiell und nicht nur ästhetisch ist.

Beide narrativen Strategien, Prešerens und Puškins, steigern jede auf ihre Weise das Erleben des Lesers von Črtomirs unglücklicher Gefangenschaft im Getriebe des historischen Geschehens, das den Zerfall der religiös-gesellschaftlichen und vor allem der individuell-erotischen Pläne, Bogomilas Lebensnöte und Erlösung im Christentum, Onegins Erkenntnis, daß seine Entscheidungen eigentlich immer den Gegensatz zwischen den Erwartungen und Zielen einerseits und ihrer Verwirklichung andererseits zeigen, und Tatjanas nicht nur romantisch überspannte, sondern vor allem aufrichtige, nach außen zwar ohne emotionale Spannung ausgestattete, aber tiefe, überzeugende und deswegen tragische Liebeserfahrung verursacht.

4 Zwischen beiden Texten gibt es auch Ähnlichkeiten. Darunter steht die augenfälligste mit den mehrmaligen Interventionen des Erzählers im Zusammenhang, wobei man sogleich darauf hinweisen muß, daß sie bei Puškin relativ zahlreicher und deswegen bedeutender sind, weil sie kein festes und kohärentes Weltbild entwerfen, sondern es mehrmals destabilisieren und relativieren und damit die Ideologie des Textes in bedeutsamer Weise mitgestalten.

Im folgenden sei deswegen etwas mehr Aufmerksamkeit gerade auf dieses Segment des narrativen Systems des Eugen Onegin gerichtet.

Wie die Definition der narrativen Strategie des Krst pri Savici zeigt, ist der Krst komplizierter strukturiert, und zwar wegen der häufigen Änderung des Erzähler-

und des Fokalisationstyps, der autoreferentiellen und metanarrativen³ Eingriffe, der essayistischen Schreibweise⁴, und des Wechsels der Kommunikationskette (Črtomir, den Lesern, den Mädchen, Bogomila)⁵.

Die besagten Elemente, die mit Ausnahme der Veränderung des Erzählertyps und des Fokalisationswinkels als Intervention des Erzählers zu betrachten sind und die schon bei Prešeren einen bedeutsamen Einfluß auf die Semantik des Textes haben, erhalten bei Puškin noch eine ausschlaggebendere Rolle, weil der Erzähler mit ihrer Hilfe unaufhörlich auf seine unmittelbare Verbindung mit dem erzählten Objekt hinweist, weil er auf der Grundlage der retrospektiven Wendungen in die eigene Vergangenheit die Suggestivität des Erzählten steigert und weil er damit Onegins individuelle Erfahrung erstens universalisiert und zweitens anhand der Ereignisse aus seinem eigenen Leben überprüft.

Unter diesen Interventionen, die zwar eine Zäsur oder eine Störung in der linearen Verfolgung der Geschichte durch den Leser darstellen, dennoch muß man ungeachtet dessen auch ihre unanfechtbare Bedeutung feststellen, sind diejenigen wesentlich, womit er seine Interessen und Erfahrungen ausdrückt und diejenigen, womit er die entstandene Situation bewertet. Dazu gehören insbesondere die Verse, wo er von Onegin als Freund spricht, oder zumindest als einem guten Bekannten, von den Unterschieden in ihren Charakteren und von der Beziehung zu seiner spöttischen Art und Verbitterung und diejenigen, wo er Raum und Zeit des Geschehens in seine zeitlichen und räumlichen Koordinate stellt. All das betont nämlich die unmittelbare Nähe des Erzählers und der erzählten Person, was die Überzeugungskraft erhöht. Dabei muß man hervorheben, daß die unmittelbare Nähe nicht auch die romantische Gleichsetzung von beiden Personen bedeutet, was sonst ein typisch romantischer Zug ist.

Zu den Eingriffen des Erzählers in die Linearität des literarischen Geschehens gehören auch die essayistischen Einlagen, die die Erfahrung Onegins und die des Erzählers universalisieren und objektivieren, die Metanarrativität und der mehrmalige Wechsel der Kommunikationskette (den Lesern, Tatjana, Onegin, den launischen Damen, den Schönheiten).

5 Bei beiden Autoren könnte man, weil sie zur romantischen Literatur gehören und weil man in ihren Werken byronistische Strukturen entdecken kann, augenfällige Ähnlichkeiten im Bereich der narrativen Entscheidungen und Verfahren prognostizieren. Aber der Stand der Dinge zeigt, daß beide Autoren, jeder auf seine Weise, die Möglichkeiten genutzt haben, die im Bereich der narrativen

³ »Ak' prav uči me v revah skušnja moja...«

⁴ »V mladosti vunder terdniši so mreže...«

⁵ »Kar Črtomir te na življenje veže, se mi iz tvojih prejšnjih dni odkriva...«

»Naj pevec drug vam...«

»Ki so ji, ve dekleta, ljubeznjive zročeni vaši smehi, vaši joki...«

»Bila je lepa, Bogomila; tvoja podoba, ki speljala ga je z boja...«

Verfahren der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts am geeignetsten schienen, wobei sie gemäß ihrer literarisch-künstlerischen und philosophisch-ideologischen Ambitionen das Byron'sche Paradigma revidierten.

Dabei ist es natürlich auch nicht unbedeutend, daß Puškin für seine Dichtung einen Stoff verwendete, der in dieser Zeit eigentlich für die Erzählprosa reserviert war, nicht zuletzt ist Onegin sozusagen eine "reale" Person, die in überprüfbare Lebensbedingungen plaziert ist.

Prešerens Stoff ist im Gegensatz dazu durchaus geeignet für die epische Dichtung und man könnte sagen, daß Črtomir vor allem innerhalb des epischen Systems funktioniert, dessen Festigkeit von den historischen Koordinaten herrührt.

5.1 Die Dichtungen Krst pri Savici und Eugen Onegin unterscheiden sich unter dem narrativem Blickwinkel aus mindestens zwei Gründen.

Der Dialog als Weise oder Möglichkeit der Darstellung des literarischen Geschehens nimmt in Prešerens Dichtung einen bedeutenden Platz ein, und zwar deshalb, weil er die "persönliche Erfahrung" beider Hauptfiguren hervorhebt und damit die Suggestivität des Erzählten steigert. In Puškins Text ist seine Bedeutung im Vergleich dazu gering.

Mit der Bedeutung des Dialogs und den mimetischen Segmenten hängt auch die Position des Erzählers im Hinblick auf das erzählte Objekt zusammen. Auch hier gibt es einen Unterschied, den man in der folgenden Feststellung zusammenfassen kann: Puškins Erzähler hat im Vergleich zu dem Erzähler Prešerens eine spezifische Stellung, weil er sich mit seinen Interventionen kontinuierlich nicht nur als Figur mit unmittelbarem Zugang zu den erzählten Personen zeigt, sondern auch als Teil des literarischen Geschehens selbst. Im Krst pri Savici ist etwas Ähnliches nicht zu finden.

Schließlich sind die narrativen Elemente in beiden Texten strukturell begründet, denn im Krst pri Savici stellt Prešeren die Problematik und Tragik von Črtomirs Entscheidung zur Christianisierung in den Kontext der persönlichen Erfahrung, Puškin konstruierte dagegen Onegins wachsendes Gefühl der Überflüssigkeit auf der Überzeugungskraft des "persönlichen Kontaktes".

Quellen und Literatur

1. Bahtin M.: *Problemi poetike Dostojevskog* (Beograd: Nolit, 1967)
2. Belinski V.G.: *Evgenij Onjegin, in Belinski V. G.: Članki in eseji o književnosti* (Ljubljana: CZ, 1950)
3. Biti V. (Hg.): *Bahtin i drugi* (Zagreb: Naklada MD, 1992)
4. Day A.: *Romanticism* (London, New York: Routledge, 1996)
5. Damjanović M.: *Dijalog i interes za istinu*, Polja XXIX/287 (1983)
6. Jump J.: *Byron Cilde Harold's Pigrimage and Don Juan, A Selection of Critical Essays* (London, Basingstoke: The Macmillan Press Ltd., 1973)
7. Klopčič M.: *Spremna beseda, in Puškin A. S.: Jevgenij Onjegin* (Ljubljana: DZS, 1967)
8. Kos J.: *Pesnitev o Črtomiru in Bogomili* (spremna beseda), in F. Prešeren: *Krst pri Savici* (Ljubljana: DZS, 1959)
Prešeren in evropska romantika (Ljubljana: DZS, 1970)
Prešeren in njegova doba (Koper: Lipa, 1991)
9. Mukařovskij J.: *Struktura pesničkog jezika* (Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 1986)
10. Paternu B.: *Prešernov Krst pri Savici, in Paternu B.: Pogledi na slovensko književnost* (Ljubljana: Partizanska knjiga, 1974)
France Prešeren 1800-1849 (Bled, Ljubljana: dr. A. Kovač, Znanstveni inštitut FF, 1994)
Prešeren in njegovo pesniško delo 2 (Ljubljana: MK, 1977)
11. Pogačnik J.: *Slovenska književnost I* (Ljubljana: DZS, 1998)
Zgodovina slovenskega slovstva III (Maribor: Založba Obzorja, 1969)
12. Prešeren F.: *Delo Franceta Prešerna* (Ljubljana: DZS, 1959)
13. Pretnar T.: *Prešeren in Mickiewicz* (Ljubljana: Slovenska matica, 1998)
14. Puškin A. S.: *Evgenij Onjegin* (Maribor: Obzorja, 1962)
15. Slodnjak A.: *Prekop - Krst pri Savici - Neiztrohnjeno srce*, Novi svet IV/2 (1949)
16. Stanzel F.: *Pripovedni tekst u prvom i pripovjedni tekst u trećem licu, in Suvremena teorija pripovijedanja* (Hg. Biti V.) (Zagreb: Globus, 1992)
17. Štuhec M.: *Problemi fokalizacije, in IV. Međunarodni slavistički dani* (Hg. Gadanyi K.), Bibliotheca Croatica Hungarie, (Sambotel, Pečuh: Hrvatski znanstveni zavod, 1998)
Premiki v narativnem sistemu Prešernovega Krsta pri Savici, in Prešernovi dnevi v Kranju, (Hg. Paternu B. u. a.), (Kranj: Mestna občina Kranj, 2000)
18. Troyat H.: *Puškin* (Ljubljana: DZS, 1968)

ASPEKT CZASOWNIKA POLSKIEGO W ŚWIETLE
GLOTTODYDAKTYKI

Uwagi sformułowane w niniejszej pracy dotyczą przede wszystkim osób, których poziom znajomości języka odpowiada mniej więcej poziomowi studentów polonistyki uniwersyteckiej. W ramach naszych rozważań nie podejmujemy problematyki oceny skuteczności nauczania aspektu. Obserwacje wykazują, że "błędy aspektowe" popełniane są znacznie częściej niż błędy innego typu (Nagórko 1993:92-101, Sikorski 1980:190-192).

Aspekt czasownika z lingwistycznego punktu widzenia jest zjawiskiem niezwykle złożonym. Badania tego problemu trwają już od ponad stu lat i wciąż jeszcze nie udało się go rozwiązać w sposób zadowalający. Nadal nie ma ogólnej teorii, która byłaby w stanie określić relewantną różnicę między aspektem w języku węgierskim i polskim, i którą nauka mogłaby przyjąć bez zastrzeżeń. Wbrew bogatej literaturze fachowej, po dziś dzień nie ma jeszcze wyczerpującego opisu mechanizmu funkcjonowania aspektu (Cockiewicz 1992:6). Dotyczy to również i innych języków słowiańskich np. rosyjskiego, chociaż ukazało się bardzo wiele cennych prac omawiających tę problematykę.

Chociaż wybór poprawnych form aspektowych nie sprawia Polakom żadnego kłopotu, to jednak relacje aspektowe są prawie nieuchwytnie w odróżnieniu od innych kategorii czasownikowych. Poprawna teoria powinna opisywać funkcjonowanie aspektu w każdej sytuacji. Według niektórych aspektologów opanowanie reguł użycia języka przez uczących się jest niemożliwe dlatego, ponieważ brak jest adekwatnej teorii. W naszym przekonaniu zjawiska aspektu nie da się ująć w ramach jednej teorii z uwagi na niezwykłość jego skomplikowania. Zagadnienie dodatkowo komplikuje fakt, że w różnych językach słowiańskich obowiązują różne reguły, i to, co jest rzadkie albo nie do pomyślenia w jednym języku, jest całkiem do przyjęcia w innym. (Np. podczas gdy w języku rosyjskim dla oznaczania powtarzania się czynności przeszłej użycie czasownika dokonanego jest niedopuszczalne, w języku polskim taka formuła jest poprawna: *Много раз перечитывал/*перечитал книгу от корки до корки, прежде чем взяться за перевод.* - *Wiele razy *przeczytywał/ przeczytał książkę od początku do końca, zanim zabrał się do jej tłumaczenia* (Jászay 1988, Pátrovics 1999:86).

Według nas, w procesie nauczania należałoby wskazać na sytuacje specyficzne dla użycia językowego, unaoczniając w ten sposób na konkretnych przykładach aktualne funkcjonowanie aspektu. Z teoretycznego punktu widzenia wydaje się natomiast bardziej celowym "skartografowanie aspektu", czyli zebranie charakterystycznych sytuacji językowych, a następnie dokonanie analizy funkcjonowania w nich tego zjawiska. Oczywiście, sporządzona w ten sposób "mapa" też nie może być pełna i dokładna (podobnie do map kartograficznych,

które nigdy nie oddają rzeczywistości w sposób izomorficzny), jednak z pewnością lepiej będzie służyć celom orientacyjnym.

1

Za ogólną zasadę można przyjąć założenie, w myśl którego należałoby oddzielić od siebie przypadki, w których obowiązuje użycie albo formy dokonanej, albo niedokonanej od tych sytuacji, gdzie użytkownik języka stoi przed wyborem, tzn. między takimi formami zachodzi relacja wolnej wariacji. Można to zresztą potraktować jako konfrontację słabej i silnej pozycji aspektu.

Od funkcji aspektu odróżniającej znaczenie należałoby oddzielić związki formalnie i syntaktycznie obowiązkowe (przyczyną tego jest oczywiście semantyka). Mianowicie, np. czasownik fazowy w połączeniu z formą niedokonaną czasownika w języku polskim tworzy tzw. związek aksjomatyczny. Reguły tej nie wolno naruszyć. Mimo to, niepoprawną formę **Zaczął przepisać* można jednak zrozumieć.

W przeciwieństwie do tego, w poniżej przytoczonych parach zdaniowych zmiany aspektu dokonuje się w ramach systemu językowego (w tym sensie obydwa warianty są poprawne), ale odnoszą się do różnych zdarzeń i dlatego też w konkretnej sytuacji mówienia tylko jedna z form (dokonana lub niedokonana) wyraża treść adekwatną:

Gdy wychodziłem, wspomniałem o niej. - *Gdy wyszedłem, wspomniałem o niej.*

Postanowił spotkać się z nią. - *Postanowił spotykać się z nią.*

Gdy w danym kontekście obie formy (dokonana i niedokonana) są jednakowo możliwe i odnoszą się do tej samej sytuacji mówiący ma większą swobodę wyboru. W tym przypadku zamiast funkcji rozróżniającej znaczenia aspektu na plan pierwszy wysuwa się jego funkcja interpretująca i powstaje możliwość wyrażenia bardziej cieniowanych dystynkcji.

Por. *Gdzie kupiłeś/kupowałaś te buty?*

Czy zapytałeś/pytałaś go?

Nie oznacza to jednak wyrównania się dwóch aspektów. Można tu raczej mówić o ich konkurencji, która może doprowadzić do synonimii par aspektowych. Taka sytuacja nie stwarza powodu do popełniania poważniejszych błędów. Co najwyżej wybór form może okazać się pod względem stylistycznym nienajlepszy, ale cała wypowiedź będzie w sumie "quasi poprawna". Tak delikatne odcienie znaczeniowe odczuwają jedynie rodowici Polacy, będąc świadomymi nosicielami języka ojczystego.

Uwagi sformułowane w drugim akapicie wymagają komentarza: antonimia form aspektowych, tzw. silna i słaba pozycja oznaczają dwie skrajne sytuacje, między którymi zachodzą tzw. fazy przejściowe i dlatego też celowym wyda-

je się wprowadzenie jeszcze jednego momentu, tj. punktu przejściowego. W ten sposób będzie można odróżnić całkowitą antonimie aspektów od antonimii względnej i synonimii, przypisując jej znaczenia centralne.

2.

Niestety, odnośnie do użycia aspektu panują czasami błędne przekonania. Nieprawdą jest, że powtarzające się akcje wymagają zawsze czasownika w formie niedokonanej. Np.: *Czasami zostawi coś w domu*, ale **Czasami zostawił coś w domu*. *Nauczyciel kilka razy powtórzył pytanie*, (znaczenie sumaryczne), ale **Nauczyciel w ciągu dnia kilka razy powtórzył pytanie*.

Nie jest powszechnie obowiązującą zasadą również i to, że jedynym wyznacznikiem prostego czasu przyszłego jest zawsze forma dokonana czasownika. Np.: *Spotykamy się o siódmej przed kinem*. *Wyjeżdżamy jutro*. *Przyjeżdżam w środę*, ale: *Jeśli jutro wyjedziemy...* Obowiązuje raczej odwrotność tego stwierdzenia: *verbum finitum* formy dokonanej ma znaczenie czasu przyszłego.

Reguła, zgodnie z którą każda czynność rezultatywna wymaga formy dokonanej też jest szeroko rozpowszechniona, chociaż nie zawsze odpowiada uzusowi językowemu. Np. *Większość tłumaczy najpierw czyta całą książkę, i dopiero potem przystępuje do tłumaczenia*. (Można tu użyć również formy dokonanej czasownika *przeczyta*, która ma znaczenie konkretyzujące wypowiedź). W tym przypadku mamy do czynienia z tzw. trójką aspektową: *czytywać - czytać - przeczytać* i w języku polskim u czasowników tych brak jest formy, powstałej w wyniku imperfektywacji wtórnej za pomocą przyrostka *-ywa-*. (Forma *przeczytywać* nie istnieje.) Inne czasowniki mają natomiast formy powstałe w wyniku powtórnej imperfektywacji. Np. *pisać - przepisać - przepisywać*. Kierując się analogią możemy więc generować zdania typu: *Większość uczniów najpierw przepisuje zadanie i dopiero potem przystępuje do tłumaczenia*. Oczywiście można by przytoczyć o wiele więcej przykładów na podobne nieścisłości, ale tym razem chodziło nam jedynie o pokazanie, że owe "reguły" są dość płynne i niepewne dla uczącego się języka polskiego.

3

Może się wydawać, że uporczywe dążenie do coraz to ściślejszego określenia ogólnego, inwariantnego znaczenia aspektu powoduje, że zagadnienie to przechodzi na tory teoretyczne, chociaż nawet i w praktyce czasami nie umiemy posługiwać się aspektem w sposób precyzyjny. Jesteśmy jednak zdania, że nie można pominąć szczegółowego omówienia cech aspektowych. Uważamy to za celowe między innymi dlatego, że niektóre z nich mogą się pojawiać w obydwóch aspektach. Powtarzające się czynności mogą być wyrażone nie tylko przez dwie różne formy aspektowe, np. *Zdarzało mu się przyjść - Zdarzało mu*

się przychodzić, albo *Bywało przyjdzie - Bywało przychodzi*. Dwie ostatnie konstrukcje w języku polskim są już przestarzałe. Czasowniki niedokonane, różniące się od siebie pod względem składu morfologicznego, jako warianty dalej cieniują semantyczne znaczenie imperfektywne, np. *Pisałem - Przepisywałem jeden list dziennie*.

Chociaż niektórzy językoznawcy odnoszą się sceptycznie do możliwości określenia ogólnego znaczenia aspektu, to jednak zagadnieniu temu poświęca się obecnie wiele uwagi. "Ponosi za to odpowiedzialność" chyba sam aspekt, będąc kategorią, a właściwie subkategorią, która określa cechy paradygmatyczne i syntagmatyczne czasownika, nic nie mówiąc jednak o jego właściwościach semantycznych. Właśnie dlatego nie sposób pominąć omówienia niektórych ogólnych cech znaczenia leksykalnego czasownika. JU. S. Masłow już w roku 1948 zwrócił uwagę na rolę znaczenia leksykalnego czasownika w funkcjonowaniu aspektów (Masłow 1948:303-316). Do tego tematu powraca Głowińska (Głowińska 1982) dopiero w roku 1982, czyli znacznie później. Niestety, system reguł metodyki szkolnej polega na stosowaniu dokonanych i niedokonanych par czasownikowych i daje o czasownikach tylko wiadomości syntagmatyczne i paradygmatyczne. Metodyka ta nie podąża za najnowszymi osiągnięciami badań aspektologicznych. Jednakże oczyściwszy aspekt z "reguł", od których łatwo można znaleźć wyjątki, musimy przyznać, że o kategorii tej wiemy bardzo mało (w sumie tyle, że w porównaniu z czasownikami niedokonanymi czasowniki dokonane: (a) nie mają czasu teraźniejszego (formy dokonane praesentis mają znaczenie futurum);¹ (b) nie mogą łączyć się z czasownikami fazowymi oraz z pewną klasą semantyczną przysłówków i innymi wyrazami o charakterze przysłówkowym. Czasowniki niedokonane natomiast nie są pod tymi względami ograniczone. (Na przekór wszelkim oczekiwaniom [w *ciągu* + N dop.] może występować w połączeniach z czasownikami niedokonanymi.) Wiele czasowników dokonanych zmienia swoją formę na niedokonaną w tzw. praesens historicum. Obserwujemy to na przykład w czasie przeszłym w przypadku czasowników niedokonanych rezultatywnych: *Takie zadania zawsze rozwiązywałem..., Takie kartki (np. w bibliotece) zawsze przepisywałem w ciągu dwóch godzin. - Czy czytałeś już kiedyś tyle stron w ciągu dziesięciu minut?*

Fakt, że w języku polskim aspekt systematycznie i konsekwentnie wyraża się morfologicznie (przy tym oczywiście i syntaktycznie) pociąga za sobą jedno "nieprzyjemne" następstwo, mianowicie, powoduje, że z jednej strony mniej uwagi poświęca się semantyce czasownika, a z drugiej, grupowanie w

¹ Jest tylko jeden przypadek, gdzie w języku polskim formy osobowe czasowników dokonanych mają znaczenie praesentis. Jest to tzw. *Koinzidenzfall*, gdy wypowiedź jakoby "zbiega się" z czynnością (stąd powyższa nazwa), czyli, innymi słowy, wypowiedź to już sama czynność. Po raz pierwszy wskazuje na to Koschmieder, który zauważył - zresztą bardzo trafnie -, że wymawiając wyrazy *pozwolę, przyznam się* jednocześnie czynię coś, a nie tylko mówię (Zob. Bondarko 1992, Pátrovics 1998:143).

pary, utrudnia gruntowne badania nad wzajemnym powiązaniem semantyki z formą aspektową czasownika.

4

Możemy zaobserwować, że aktualizacja na powierzchni niektórych konkretnych, tzw. specyficznych znaczeń aspektualnych w zależności od semantyki ogólnej danego czasownika może mieć różne poziomy: (a) najbardziej prawdopodobny; (b) prawdopodobny; (c) mniej prawdopodobny; (d) niemożliwy. Sprawdźmy teraz dwa najbardziej charakterystyczne znaczenia aspektu niedokonanego: (a) możliwość wyrażenia czynności aktualnej i (b) realizację znaczenia opisowego. Chociaż jest oczywiste, że wyrażenie czynności aktualnej jest jedną z najbardziej charakterystycznych pozycji znaczeniowych czasowników imperfektywnych, nie jest to jednak obowiązkowe w przypadku wszystkich czasowników niedokonanych, przynajmniej nie odnosi się to do każdej sytuacji aspektowej. Np. nie można powiedzieć: **W chwili, gdy przychodził do domu*, ale możemy powiedzieć: *Gdy wychodził z domu*. Czasowniki oznaczające ruch z prefiksem *przy-* nie łączą się z przysłówkami, które wskazują na sposób, proces lub rozwój ruchu: **póki przychodził*; **powoli/*szybko przychodził*. Wyrażenie z czasownikiem niedokonanym *póki przychodził* w tym przypadku oznaczałoby powtarzającą się czynność i może się pojawić np. w takim kontekście jak: *Póki przychodził do nas Wojtek było wszystko inaczej, ale teraz moja córka wyjechała za granicę, więc Wojtek już nie ma po co do nas przychodzić*. Czasownik ten nie wyraża czynności aktualnej będącej w toku, tzn. zdanie *Póki przychodził* nie może być równoważne ze zdaniem *Póki się przybliżał*. Czasownik analogiczny *przybliżać się* pod względem kierunku ruchu już nie podlega takim ograniczeniom. Z naszego punktu widzenia zachodzi między nimi różnica semantyczna, w myśl której grupa czasowników typu *przychodzić* jest pod względem jakości inna, ponieważ zawiera w sobie dodatkowo moment osiągnięcia celu. W sensie przenośnym sytuacja ta się zmienia. Np. *powoli przychodził do siebie*; ale nie: **powoli przychodził do domu*.

W świetle powyższych przykładów zastanówmy się nad spostrzeżeniami profesora Masłowa dotyczącymi możliwości "procesualizacji". Jeśli przedstawiamy przebieg ruchu, rozumiejąc przezeń jedną z potencjalnie wielokrotnych czynności realizujących się nieprzerwanie, to wtedy możliwe jest również i wyrażenie procesu aktualnego, gdyż proces ten jest wtedy "podzielny", dzięki czemu za pomocą pewnych "aktualizatorów" możemy wybrać jedno z "ogniw", aby zaktualizować charakterystyczną fazę końcową całego procesu: por. **Patrz właśnie przychodzi do mnie*; ale: *Patrz, on właśnie przychodzi do mnie po raz trzeci*; **Doręczyciel właśnie przynosi mi depeszę*, ale: *Doręczyciel przynosi mi już trzecią depeszę*.

Formę czasownika, która w czasie przeszłym w pewnych warunkach kontekstualnych wyraża usiłowanie lub dążenie, przyjęto nazywać konatywną. Jest to funkcja charakterystyczna dla aspektu niedokonanego. Posłużmy się teraz kilkoma przykładami dla zasygnalizowania tego zjawiska: *rozwiązywał, ale nie rozwiązał; przekonywał, ale nie przekonał; namawiał, ale nie namówił; łowił, ale nie złowił; pojmował, ale nie pojął*. Pewien ogólny element semantyczny reguluje tu aktualizację znaczenia konatywnego. Bez określonych ograniczeń sytuatywnych, badany model kontekstualny jest oczywiście niepoprawny w przypadku wielu innych czasowników: **dziękował, ale nie podziękował, *przekazywał pozdrowienie i w końcu przekazał, *brał, ale nie wziął*. (Chociaż niektóre z nich mogą być użyte w pewnych specjalnych sytuacjach: *Przepraszał, ale nie przeprosił* - czyli udawał, że tak robi, ale właściwie nie były to żadne przeprosiny.) Realizacja procesowego znaczenia konatywnego zależy nie tylko od formalnych warunków kontekstualnych, ale przede wszystkim od semantyki czasownika. Pojawieniu się naturalnej aktualizacji tego specyficznego znaczenia sprzyjają następujące ogólne komponenty znaczeniowe: czynność jest kontrolowana, umyślna i długotrwała, do osiągnięcia rezultatu potrzebny jest pewien wysiłek psychiczny lub fizyczny ze strony jednostki. Zdanie: *Zażywał lekarstwo* na przykład nie pasuje do powyższej interpretacji - jednostka w czasie akcji nie musi przezwyciężyć żadnych przeszkód, dlatego też nie może się łączyć z typami kontekstualnymi znaczenia konatywnego: **Zażywał lekarstwo, ale go nie zażył*. To, że w tym znaczeniu nie mogą występować czasowniki wyrażające ruch typu *przychodzić* oraz inne, powstałe w wyniku wtórnej imperfektywacji typu *przepisywać*, wynika z ich ogólnych cech semantycznych i z tego, że są to cechy niemożliwe do pogodzenia z tym, co stwierdziliśmy poprzednio.

5

Przytoczmy teraz kilka przykładów na aktualizację znaczenia opisowego czasowników niedokonanych. Dlaczego np. zdanie: **Tu wczoraj gubiłem książkę*, jest niepoprawne, podczas gdy wiele zdań o charakterze analogicznym jest poprawne? Np.: *Wczoraj tu kupowałem książki*. Tak samo i w przypadku zdań pytających aspekt zachowuje się niby "nielogicznie". Por. np. *Gdzie kupowałeś? - Kiedy kupowałeś?* W tych zdaniach czasownika niedokonanego używa się w znaczeniu opisowym, ale w takich zdaniach jak **Gdzie gubiłeś?, *Kiedy gubiłeś?* - nie. Czasowniki występujące w powyższych zdaniach nazywają czynność, ale aspekt nie wskazuje na to, czy dokonała się ona raz czy więcej razy, natomiast może na to wskazać sytuacja. Np. *Dzwoniłem do niej dzisiaj rano. - Nadawaliśmy wiadomości*. W przypadkach poniższych czynności w czasie przeszłym można interpretować wyłącznie jako wielokrotne i nie mogą być one jednokrotnymi, np. *popęłniał błędy, nie trafił do celu, strzelał* itp. Mamy tu do czynienia z następującą regułą semantyczną: czasowniki wyrażające czynność

przypadkową nie występują w znaczeniu opisowym. (Na marginesie zauważmy, że przypadkowość albo całkowicie wyklucza realizację znaczenia procesu aktualnego, albo w znacznym stopniu ją ogranicza.) Na szczególną uwagę zasługuje jeszcze forma czasu przeszłego pary czasownikowej: *spotykać* - *spotkać*, bo występuje ona nie tylko w znaczeniu czynności przypadkowej, ale również i umyślnej, np. w znaczeniu czynności przypadkowej *Wczoraj spotkałem kolegę na dworcu*. Zdanie *Spotykał go na ulicy* będzie pod względem gramatycznym zupełnie poprawne, jeśli intencją mówiącego jest wyrażenie czynności umyślnej lub wielokrotnej. Np. może ona funkcjonować w takiej sytuacji: *Spotykałem go na ulicy, bo dworzec był zamknięty /bo tak umówiliśmy się/*. Natomiast, jeśli chodzi o czynność przypadkową lub jednorazową to wyżej wspomniane zdanie kwalifikuje się jako błąd zakłócający sens wypowiedzi.

Element przypadkowości da się nawet wykluczyć ze znaczenia czasowników tzw. agentywnych, wyrażających czynność nieskontrolowaną, jeśli można je zastosować w sytuacjach specjalnych. Zdanie *Kto rozbijał wazę?* - w większości przypadków jest niepoprawne, ale możemy bez trudu wyobrazić sobie sytuację, w której jest ono zupełnie sensowne. Na przykład w sytuacji, kiedy reżyser podczas nakręcania filmu daje komuś polecenie rozbicia wazy, a później mimochodem pyta: *kto rozbijał wazę?* Przypomnijmy sobie sytuację, że na pytanie *Kto upuścił wazę?* odpowiedź w zasadzie brzmi następująco: *Ja nie upuściłem (jej)*. Zaprzeczenie przy użyciu niedokonanej formy czasownika jest bardziej kategorię i jego konotacją jest "wypraszam sobie". Stosowanie w takiej sytuacji formy dokonanej czasownika sugeruje pewną presupozycję, a mianowicie, że nie ja to zrobiłem, chociaż miałem zamiar to zrobić. Np.: *Ja nie upuściłem wazy* (tzn. nie zgadzam się z tym, że czynność ta jest przypadkowa).

6

Istnieje pewna specyficzna zmiana znaczenia opisowego, której dotychczas poświęcono dość mało uwagi w aspektologii. Balázs Wacha, badając aspekt czasownika węgierskiego nazwał ją trafnie "akcentowym aspektem opisowym" (hangsúlyosan közlő szemlélet), a w jego późniejszych pracach spotykamy się z określeniem: *egzisztenciális vagy delta aspektusú egység*. Ów związek nigdy nie wyraża ani następstwa czynności (jak czasowniki dokonane), ani współczesności (jak czasowniki niedokonane), np.: *Keltem már föl hajnali háromkor is, ért haza éjfélkor, járt már Kölesden tavasszal* (Wacha 1983:157, 1994:12). Język polski wyraża to aspektem niedokonanym (imperfectivum). Polski odpowiednik wyżej cytowanego zdania brzmi następująco: *Wstawiałem już i o trzeciej rano*. Trzeba tu zaznaczyć, że dany czasownik nie może występować w znaczeniu opisowym: **Wczoraj wstawiałem o trzeciej rano*. Posłużmy się teraz innymi przykładami. Czasownik *wracać* dla Polaka ma znaczenie albo duratywne, albo iteratywne i dlatego użycie go w znaczeniu opisowym jest niemożliwe: np. **Wczoraj*

wracalem o trzeciej. W znaczeniu opisowym, jeżeli punkt czasowy akcji jest obojętny (ukryte jest w nim znaczenie "kiedykolwiek"), na pierwszy plan może wysunąć się wyrażenie rezultatywności, co umożliwia użycie czasownika niedokonanego w czasie przeszłym: *Wracalem już o trzeciej rano.* (To znaczy, że już coś takiego wydarzyło się przedtem).

Zdajemy sobie sprawę z tego, że poruszona przez nas tematyka wymaga dalszych badań. Z powyższego wynika, że należałoby zrewidować dotychczasowe zasady nauczania aspektu. Wydaje się, że tylko za cenę szczegółowych badań nad znacznikami semantycznymi pojedynczych grup czasownikowych będziemy w stanie zmniejszyć liczbę popełnianych przez cudzoziemców błędów w użyciu aspektu.

Literatura

1. Bondarko, A.V. 1992. *Аспектологическая концепция Эрвина Кошмидера.* In: ВЯ. № 4.
2. Cockiewicz, W. 1992. *Aspekt na tle systemu słowotwórczego polskiego czasownika i jego funkcyjne odpowiedniki w języku niemieckim.* Rozprawy habilitacyjne nr 231. Uniwersytet Jagielloński, Kraków.
3. Głowińska, M.J.A. 1982. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола.* Наука, Москва.
4. Jászay, L. 1988. *Az aspektushármasok problémája a mai orosz nyelvben.* (Az alapige és a másodlagos imperfektívum konkurenciája). Rozprawa doktorska. Uniwersytet im. L.Eötvösa. Budapest.
5. Masłow, J.U.S. 1948. *Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке.* Известия АН СССР, отделение литературы и языка, вып. 4.
6. Nagórko, A. 1993. *Czy słowotwórstwo jest potrzebne w programie języka polskiego dla cudzoziemców?* In: Poradnik Językowy.Nr 3.
7. Pátrovics, P. 1998. *Beszédaktusok - konverzációs stratégiák - kultúrák.* In: Magyar Nyelvőr. Nr 2.
8. Pátrovics, P. 1999. *Итеративность и выражение повторяемости в прошлом в русском, украинском и польском языках.* In: Studia Russica XVII. Budapest.
9. Sikorski, L. 1980. *Polaryzacja polskiego systemu czasownikowego u uczniów niemieckich.* In: Poradnik Językowy.Nr 4.
10. Wacha, B. 1983. *Az aspektualitás és tanítása.* In: Magyar Nyelvőr./2
11. Wacha, B. 1994. *A folyamatos szemlélet a magyarban.* Tezy rozprawy doktorskiej. Budapest.

БИБЛЕИЗМЫ И ФОЛЬКЛОРИЗМЫ:
ГЕНЕТИЧЕСКОЕ РОДСТВО ИЛИ ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ
ПАРАЛЛЕЛИЗМ?

Фольклорные источники Библии и, наоборот, - Библия как один из живительных источников, питающих фольклор – древняя как мир проблема филологии, этнографии и мифологии. Изучение этой проблемы во многом зависит от концептуального подхода исследователей и, как и многое в гуманитарных науках, нередко отмечено «духом времени» (если не сказать «духом конъюнктуры»). При интерпретации конкретных фольклоризмов или библеизмов поэтому можно столкнуться с крайними точками зрения: с одной стороны, тот или иной языковой элемент, широко зафиксированный в диалектах и имеющий массу достаточно оригинальных вариаций, прямо возводится к конкретному пассажиру Книги книг на основании общности образов или логической структуры; с другой стороны, - атеистическая ревность некоторых авторов заставляет их отказывать в статусе библеизмов таким элементам, сакральность которых явно подтверждается текстологически и культурологически.

Не всегда, разумеется, интерпретаторами руководят конъюнктурные соображения. Дискуссии нередко разгораются и там, где исследователи видят конкретный материал под собственным углом зрения, в ближней или дальней перспективе, в спектре глобальной или «конкретноматериальной» сущности. Характерна в этом плане дискуссия ученика В.В.Колесова Д.В.Дмитриева со своим учителем по поводу синонимических дублетов типа *стыд и срам, радость и веселье, честь и слава, честь и хвала, горе и печаль*. В.В.Колесов в своих работах по истории древнерусского литературного языка на основе скрупулезного лингвостилистического анализа высказывает мысль о народно-поэтическом происхождении таких единиц (Колесов 1982 и др.), предполагая, что «большинство из них отражает реальное содержание жизни древних славян и связано с настоятельной необходимостью передать в художественном тексте какое-то важное значение, не получившее в языке специальной номинации» (Колесов 1982, 67, 240).

Д.В.Дмитриев, упрекая В.В.Колесова в «игнорировании показаний переводных источников», считает такого рода высказывания «недостаточно аргументированными». По его мнению, данные церковной письменности свидетельствуют отнюдь не о исконности народно-поэтической мотивации синонимических дублетов в древнерусском языке, а – «об обратном: практически весь анализируемый материал – библейский» (Дмитриев 1994, 47). Соответственно должна быть, по мысли молодого исследователя, перенесена на несколько тысячелетий в прошлое и реконструкция В.В.Колесова

совым синонимических дублетов: они представляются уже не как элементы древнерусского, а как элементы древнееврейского языкового сознания.

Трудно быть арбитром в этой дискуссии, или тем более – предлагать окончательное решение вопроса о судьбе синонимических дублетов. Трудно уже и потому, что перспектива окончательного решения этой проблемы, кажется (да простят спорящие стороны автора этих строк за «дублетность выражения») – бесперспективной. Резкое противопоставление «чисто» библейского как книжного «чисто» народно-поэтическому в спектре более широкого лингвистического и фольклористического сопоставления оказывается нередко несостоятельным уже потому, что сам текст Библии во многом является памятником народно-поэтическому. Чем глубже погружается исследователь в такое сопоставление, тем примиримее и условнее кажется указанное противопоставление.

Так, при всей текстологической корректности конкретных аргументов Д.В.Дмитриева об активности лексических дублетов в древнееврейском сакральном тексте и их органической «перекличке» с соответствующими древнерусскими, типологически невозможно отрицать и народно-поэтического рефлексива таких конструкций, убедительно продемонстрированного В.В.Колесовым. Ведь исследователи русского фольклора массивным анализом доказывают, что именно на таких конструкциях держатся многие его жанры, например, - песенный (Храленко 1981; Храленко 1992). Отрицать это значило бы сводить такие жанры к библейскому языковому наследию, что, - несмотря на всю свою культурологическую заманчивость в эпоху «реабилитации прошлого» (в данном случае – библейского) вряд ли вдохновит какого-либо исследователя.

Не менее убедительны здесь и собственно лингвистические аргументы. Для В.Д.Дмитриева одним из наиболее репрезентативных и специально рассматриваемых им примеров являются парные лексические сочетания *стыд – срам, стыдиться – срамиться*. Фиксируя их в славянском переводе Библии, автор прослеживает их варьированность как в иврите (где они образуют дублет, а иногда и триаду типа *boš* 'стыдиться', *bišā* 'стыд', *haper* 'позориться, срамиться', *herpa* 'поношение, упрёк, постыжение', *klm* 'стыдиться' и др.), так и в переводе на греческий (Дмитриев 1994, 49-50). Этот экскурс ему кажется убедительным аргументом в пользу тезиса о том, что Библия должна рассматриваться как преимущественный источник влияния на становление литературной нормы древнерусского языка.

Этот пример, однако, можно лингвистически интерпретировать и иначе. Так, как это делал уже в 1958 г. проф. Б.А.Ларин в своей статье о славяно-балтийских лексикологических сопоставлениях *стыд – срам* (Ларин 1977, 63-72). Этот дублет интерпретируется известным ученым как древняя лексическая закономерность – синкретизм в обозначении аффектов, когда закономерно объединяются наименования элементарных ощу-

щений и наименования потрясающих чувств. Страх и стыд, ужас, печаль, отвращение обозначаются во многих языках словами, именующими и конкретно-чувственные понятия, - прежде всего холод и жар. Следы этого синкретизма Б.А.Ларин и находит в др.-рус. лексемах *студь* и *срамь*. Показательно при этом, что интересующий наш дублет зафиксирован, по материалам Б.А.Ларина, в самых различных памятниках и контекстах, причем в довольно широком диапазоне варьирования, обнаруживающем и народно-поэтическую традицию: «...обл`кутся въ студь и срамь...» (Симоновская Псалтырь, до 1280 г., Пс. 34); «... и отьб`жаша н`мц` со многымъ студомъ и срамомъ оть Пскова» (Новгородская V летопись под 1323 (6831) г.); «... како и коими образы покрыти студ и срамоту лица своего...» (Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков, к XVI в.); «От построения при церквах лавок и домов... происходит студ и срамота» (Полное собр. законов Империи Российской, 1747 г.) и др. К такого рода материалам можно добавить и параллелизм глаголов *стыдиться* – *соромиться* в пословицах, отмечавшийся Ф.И. Буслаевым (1854, 56): «В горе быть – не кручинну быть, а нагому ходить – не *соромиться*; А и в горе жить – не кручинну быть, нагому ходить – не *стыдиться*». Последний вариант использован в одном из древнерусских стихотворений.

Учитывая эту древнюю семантическую инерцию, такого рода лексические дублеты могут интерпретироваться как строевые элементы, самостоятельно создававшиеся в разных языках (в том числе и в иврите, греческом, балтийских и в древнеславянском). В переводе Библии эти строевые элементы и могли быть использованы, в дальнейшем, не без влияния сакрального текста, актуализированы книжной традицией. Истоки их, таким образом, - и народно-поэтические (если можно, вслед за А.А.Потебней, считать таковой и поэзию внутренней формы слова), и библейские.

Своеобразным синкретизмом народно-поэтического и книжно-письменного начал, собственно, и можно объяснить столь всепроникающее влияние Библии на многие литературные языки. «Фольклористичность» Книги книг известна и доказана многочисленными параллелями из мифологии и народного творчества различных культур и цивилизаций. При этом обычны две прямо противоположные линии демонстрации симбиоза «народного» и «библейского» начала.

С одной стороны, постоянно ищут и находят массу образно-мифологических прототипов библейских сюжетов и образов. «Классической» здесь остаётся недавно переизданная на русском языке книга английского (точнее – шотландского) этнографа Джеймса Джорджа Фрезера «Фольклор в Ветхом завете» (Фрезер 1985). В культурах многих древних и первобытных народов он находит типологические «переклички» с Библией или прямые прототипы библейских персонажей. Таковы, например, мифы о сотворении человека, грехопадении, великом потопе, Вавилонской башне. Мно-

гие из них в деталях совпадают с соответствующими местами Библии, что делает их генетически взаимосвязанными. В шумерской легенде о Гильгамеше – полубоггероде правителе города Урук 28 в. до н.э., – например, Д.Д.Фрезер находит практически все основные «опорные пункты» библейского сказания о Ноевом ковчеге, включая голубя, выпущенного шумерским «Ноем» Утнапиштимом из корабля на поиски суши (Фрезер 1985, 67-74).

С другой стороны, многими исследователями изоморфизм фольклористических и библейских элементов объясняется мощным культурным влиянием и сакральным авторитетом Книги книг. В русской паремииологической традиции характерным отражением такого подхода является недавно переизданная в Брюсселе книга И.М.Сирота «Русские пословицы библейского происхождения», впервые увидевшая свет в 1897 году в Одессе (Сирот 1897; 1985). Как у Д.Д.Фрезера, работа И.М.Сирота отражает фольклористические (resp. паремииологические) мотивы лишь книги Ветхого завета. Многие пословицы и поговорки, образные сравнения и афоризмы здесь прямо возводятся к Библии при обнаружении самой общей (нередко – весьма приблизительной) аналогии образа или структуры. Вот лишь несколько таких прямых «возведений»: 1) пословицы *Не рой под людьми яму: сам свалишься; Не рой другу ямы: сам попадёшь; Не подставляй ноги: на самого спотычка нападёт* возводятся к афоризму из притчей Соломоновых (Притч. 26, 27) *Кто роет яму, тот упадет в нее* (Сирот 1985, 32); 2) *Голым родился, гол и умру* – к книге Иова (Иов 1, 21): *Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь* (Сирот 1985, 37); 3) *Запрещенный плод сладок* – к паремии из притчей Соломоновых (Притч. 9, 17): *Воды краденые сладки, и утаенный хлеб приятен* (Сирот 1985, 45); 4) *Пустая бочка пуще гремит* к развернутому изречению из Сираха (Сир. 21, 23): *Сердце глупого подобно разбитому сосуду, и не удержит в себе никакого знания* (Сирот 1985, 59); 5) *Огонь без дыму не живет* и *Где дым, там и огонь* – к паремии из Сираха (Сир. 22, 28): *Прежде пламени бывает в печи пар и дым* (Сирот 1985, 67); 6) *Бочка меду, да ложка дегтю – все испортит* – к сентенции из Екклезиаста (Еккл. 10, 1): *Мертвые мухи портят и делают зловонною благовонную масть миротворника* (Сирот 1985, 79); 7) *Ешь вполсыта, пей вполъяна, проживешь век до полна* – к одному из утверждений Екклезиаста (Еккл. 5, 11): *Сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест; но пресыщение богатого не даёт ему уснуть* (Сирот 1985, 89); 8) *С бабами водиться, в крапиву садиться* – к афоризмам из Сираха: *Многие сошлись с пути чрез красоту женскую: от нее, как огонь, загорается любовь* (Сир. 9, 9); 9) *Где сатана не сможет, туда бабу пошлет* – к одному из смертельно печальных мест Екклезиаста (Еккл. 7, 26): *И нашел я, что горче смерти*

женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее оковы (Сирот 1985, 101).

Даже бегло осмысливая эти народные пословицы и поговорки, «просеянные» И.М.Сиротом через решето библейской афористики, легко увидеть, сколь различны они, несмотря на несомненную близость мотивов и, так сказать, «общей идеи». Нужно подчеркнуть, что и сам составитель, как справедливо отмечает А.Рубинштейн, переиздавший собрание И.М.Сирота (Сирот 1985, VI-VII), неоднозначно понимал общность того материала, который был представлен им как библейский по происхождению. И название книги «Параллели», и добросовестная отсылка на конкретные места Библии, и попытка дифференциации материала с помощью звездочки (*) свидетельствуют о сомнениях в диагностике «истинного» библеизма и осторожности автора. Под звездочкой им помещаются те пословицы, в полной «библейстичности» которых он уверен – например: *Не рой другу яму: сам попадешь; Живой пес лучше мертвого льва; Отцы ели клюкву, а у детей оскомины; Добрая слава лучше богатства; Сердце сердцу весть подает; Рука дающего не оскудевает*. Такие же пословицы, где библейское происхождение ему казалось проблематичным (хотя, судя по их включению в сборник, все-таки и весьма возможным), И.М.Сирот оставляет без звездочки: *Бочка меду да ложка дегтю – все испортит; Что посеешь, то и пожнешь*. Однако, даже такая поправка на осторожность составителя все равно оставляет много вопросов при разграничении пословиц и поговорок, имеющих народно-поэтическое, исконное происхождение в той или иной языковой традиции, от паремий, прямо восходящих к Библии.

Современные фольклористы и лингвисты усиленно стремятся выработать надежную методику разграничения этих двух типов паремий. Эти поиски важны не только для интересующей нас тематики, но и для решения проблемы более широкой, общекультурологической – проблемы *универсально человеческого и генетически преемственного (resp. заимствованного)* или, иными словами, - *национального и интернационального* в разных культурах и цивилизациях (ср.: Мокиенко 1999). Решение этого вопроса на материале так называемых «библеизмов» (безразлично – истинных или псевдо-) может оказаться и шагом к разработке методики решения и этой, более широкой культурологической проблемы.

Одной из перспектив в этой области кажется применение строго лингвистического подхода к интерпретации библейско-фольклористических параллелей. Что же значит «строго лингвистический подход» в применении к диагностике так называемых «библеизмов»?

Он означает прежде всего скрупулезное внимание к собственно языковым фактам любого типа. Так, «мечеными атомами» национальной специфичности могут оказаться отдельные лексемы явно сигнализирую-

щие «антибиблейскость» той или иной языковой единицы. Например, в предложенном выше перечне означенных И.М.Сиротом звездочкой русских пословиц дается, как мы видели, и шутивная **Отцы ели клюкву, а у детей оскомина на зубах**. Автор считает её прямым паремиологическим «отростком» слов Иезекииля (Иез. 18, 2; ср. также Иер. 31, 29): **Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина** (Сирот 1985, VI, 76).

Несмотря на явное тождество структуры и паремиологической семантики, русская пословица не полностью укладывается в образное ложе пермии Иезекииля. Мешает слово **клюква**, которое, как известно по специфично русской идиоме развесистая **клюква** и другим коннотациям, является нашей «национальной гордостью». Оскомина от нее, несомненно, - покрепче, чем от любого ветхозаветного *кислого винограда*. Уже этот, так сказать, лингвострановедческий факт настораживает. Характерно, что в русской народной речи зафиксированы и другие варианты этой пословицы. Одну из них – **Отцы терпкое поели, а внукам оскомина пала**, - употребил, например, В.И.Даль в рассказе «Подземное село»:

«Давным-давно... владимирцы согрешили перед Богом, посамовольничали, не приняли архипастыря, хотели своего, что ли, поставить... хоть и давно было, а вот даром не прошло: и поныне зовут их святогоднами, и никакое дело у них не спорится! *Отцы терпкое поели, а внукам оскомина пала...*».

М.И.Михельсон (двухтомник которого в 1994 году был дважды в один и тот же месяц переиздан двумя разными издательствами), приводя эту пословицу, контекст В.И.Даля и паремию из Иезекииля, довольно любопытно выразил свое мнение о параллелизме русской и библейской паремии. Он приводит к ним... халдейскую пословичную параллель: **Отцы согрешили, а детей наказывают** (Мих. 1, 767). Она, действительно, является как бы «безобразной расшифровкой» и русской, и библейской пословиц.

Случаев, когда конкретный лексический состав пословицы и поговорки подсказывает, что сопоставляемые единицы – типологические параллели, а не генетически заимствованные данности, весьма много. Довольно часто погружение в их собственно языковую материю уводит в столь древние толщи, что наше представление о генетическом родстве, выработанное сравнительно-историческим языкознанием, оказывается разрушенным или, точнее, расширенным до масштабов ностратического объединения, связывающего афроазиатские, индоевропейские, уральские, дравидские и другие языковые семьи.

Такова, например, история таких скромных на первый взгляд фольклорных оксюморонных оборотов, как **птичье молоко** (и др. Мокиенко 1986, 20-21) или **груши на вербе** (Мокиенко 1984; Мокиенко В.А. Мокиенко В.М. 1995), имеющих чрезвычайно широкую географическую ампли-

туду. Последнее выражение, кстати, по своему образу и структуре имеет прямые аналогии в Библии, - например, в Нагорной проповеди Иисуса, где в предостережении о лжепророках сказано: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?» (Мф. 7, 16). Известны многочисленные вариации на эту тему и в древнерусской литературе (особенно – в «Молении Даниила Заточника»), и в славянском фольклоре (Мокиенко 1984; Мршевић-Радовић 1991), которые указывают и на типологический характер возникновения соответствующих паремий, и на тесное взаимодействие устной и письменной традиций в их употреблении.

Лексические «маркёры», как мы видели, - один из важных собственно языковых ориентиров при решении проблемы разграничения библеизмов от их народно-поэтических параллелей в конкретных языках. Они, однако, становятся таковыми лишь при включении их в целый комплекс других языковых и экстралингвистических характеристик. Современные ученые по-разному оценивают роль последних при дифференциации национального (генетически преемственного) и интернационального (*resp.* типологически универсального) в языковом и фольклористическом составе различных языков и культур.

Фольклористы, работающие с детализированным конкретным материалом, немалое значение придают структуре таких единиц. «Если художественные образы и мотивы, на основе которых мы идентифицируем соответствия одного и того же типа, относятся к константным началам, - подчеркивает литовский паремиолог Казис Григас, - то доминантная роль принадлежит синтаксическим конструкциям, сравнительно последовательно варьирующим в соответствующих индоевропейских языках. Синтаксические модели выступают в роли постоянных данных, своего рода отправного пункта в низшие и высшие уровни. Синтаксические конструкции наилучшим образом иллюстрируют распределение типов по версиям; по версиям, в свою очередь, мы судим о направлениях варьирования, о путях и причинах распространения соответствующих пословиц» (Григас 1987, 295; см. также Grigas 1974).

При всей важности этого критерия, нельзя забывать о его билатеральности. С одной стороны, он – и здесь с К.Григасом можно согласиться – отражает генетически иерархизованные отношения между паремией и даёт возможность, как им показано на большом материале, дифференцировать последовательность влияний фольклора одного народа на другой. С другой стороны, общечеловеческая логика многих пословиц делает во многом универсальной и их синтаксическую структуру, которая поэтому может быть и отражением не только генетических, но и типологически тождественных отношений между паремиями разных народов. Не случайно для таких исследователей, как Г.Л.Пермяков именно синтаксическая

конструкция служит основой для создания системы классификации, которая обеспечивает глобальное сопоставление паремий многих народов – как родственных, так и неродственных (Пермяков 1968). Некоторые паремиологи поэтому исходят при попытках дифференцировать интересующую нас оппозицию из нескольких критериев. Так, Э.Я.Кокаре, фундаментально изучающая латышское паремиологическое наследие на фоне других европейских языков, верно подчеркивая недостаточность одной лишь синтаксической структуры как основного критерия выделения сопоставляемых паремий, предлагает два основных критерия: 1) сходство синтаксической и поэтической структуры и 2) адекватность семантики образной системы (Кокаре 1978, 28-29). Опыт предложенной в 1973 году и разрабатываемой на материале славянской идиоматики и паремиологии методики структурно-семантического моделирования (Мокиенко 1973; 1975; 1980; 1989), показывает, что в набор таких критериев, кроме синтаксической и образной модели, можно включить также ещё три: компонентное варьирование, стабильность (*resp.* тождественность) переносной семантики и ареальную протяжённость, лингвогеографическую взаимопереходность сопоставляемых паремий.

Такой подход уже демонстрировался автором этих строк при попытках разграничения генетических и типологических отношений у некоторых “малых жанров” славянского фольклора – в частности, формул отказа жениху типа рус. диал. *навесить чайник* кому, укр. *дати гарбуза* кому, пол. *dać kosa* кому, чеш. *dát košem komu*, нем. *ein Korb geben* j-м. и др. (Мокиенко 1982; Мокиенко 1999). Такая методика кажется функциональной и для разграничения народно-поэтических (исконно народных) паремий от паремиологических библеизмов.

Покажем это на примере анализа одной из пословиц, библеистический статус которой многими не подвергается сомнению, - пословицы *Не рой другому яму, сам в неё попадёшь*. Её по праву считают интернациональной, поскольку она широко известна в славянских и неславянских языках, напр.: пол. *Kto pod kym dolki kopie, sam w nie wpada*; лит. *Kas kitam duobe kasa, tas pats ipuola*; латыш. *Kas otram bedri rok, pats iekrit*; нем. *Wer andern eine Grube grabt, fällt selbst hinein* и др. Эта пословица входит в ряд продуктивного паремиологического типа «Кто другому причиняет зло, сам от этого страдает», имеющего разнообразные лексемно-образные воплощения. Ф.Л.Челаковский в своем сборнике славянского «мудрословия» отразил 6 славянских разновидностей этой пословицы (Сл. 28-29). Известный фольклорист начала XX века Я.И.Лаутенбах, изучающий балтийскую паремиологию в широком сопоставительном ключе, приводит к восьми русским, трём литовским и пяти латышским вариантам этой пословицы 28 параллельных текстов из фольклора 22 народов (Лаутенбах 1915, 42-43; 247-275). Сборник И.Дюрингсфельда упоминает 62 текста 15 германо-

романских народностей, отражающих эту пословицу (DR 1, 643), а Вандер дает 67 её фиксаций, в основном из германских языков (Wander I, 153, 1; 5-16). Имеет эта пословица и латинские, и греческие параллели. Приводя их, киевский исследователь конца XIX века И.Е.Тимошенко, тем не менее констатирует: «Первоначальный источник этой пословицы – Библия» (Тимошенко 1897; см. Лаутенбах 1915, 275; Кокаре 1978, 115). К этому выводу имплицитно склоняется автор сборника «Русская мысль и речь» М.И.Михельсон (Мих. 1, 647), а эксплицитно – составитель новейшего справочника по крылатым словам В.П.Берков (1984, 103).

Действительно, в нескольких местах Библии эта пословица приводится в разных вариантах: «Кто копает яму, то упадет в неё, и кто разрушает ограду, того ужалит змей» (Еккл. 10, 8); «Кто роет ров, тот впадает в него; и камень воротится к тому, кто покати́л его» (Притчи 26, 27); «Совращающий праведных на путь зла сам упадет в свою яму; а непорочные наследуют добро» (Притчи 28, 10); «Обрушились народы в яму, которую выкопали; в сети, которую сокрыли они, запуталась нога их» (Пс. 9, 16). Несомненно, что книжные языки многих народов Европы почерпнули эту пословицу из библейского источника. Таков, например, её вариант *Копая под другом яму, сам ся в ню ввалить* из Новгородской летописи (56 – Буслаев 1854, 107) или англ. *He made a pit, and digged it, and is fallen into the ditch which he made*. Приводя последний, английский вариант, однако, американский паремистолог Арчер Тэйлор справедливо замечает, что вариант её встречается ещё и в „Ars amatoris” Овидия (I, 646): „They fall into the snares which they have set” (Taylor 1985, 60). Можно было бы привести и более древних авторов, употребивших эту пословицу – например, Гесиода или Эзопа. Такого рода факты заставляют усомниться в первичности библейского источника этой пословицы. Ещё более укрепляют подобные сомнения фольклорные материалы, где пословицы активно варьируются. Так, в хорошо обследованных паремистологами районах Латвии их зафиксировано 348 – при 237 записях полностью адекватных (Кокаре 1978, 117). Показательно и разнообразие её украинских вариантов, систематизированное М.М.Пазяком в последнем (наиболее полном) академическом издании пословиц Украины: *Не копай другому ями, бо сам упадеши; Не копай яму другому – сам попереду впадеши; Не копай яму, бо сам в ню впадеши; Хто під ким яму копає, той у неї сам попадає; Хто другому яму копає, сам до неї падає* (ПП 2, 196). Ср. и её шуточный вариант, записанный в русских (смоленских) говорах *Ни копай на людей яму – своя рызнуушы стаить: у сваю пупадеши* (Добр., 14), уже не имеющий налёта книжности.

Важно также, что по наблюдениям фольклористов этот пословичный мотив обыгрывается и в других жанрах народного творчества: сказках и песнях разных народов (См.: Рошияну 1974, 75; Кокаре 1978, 120-121). В

латышских «дайнах», например, этот тип паремии образует более 50 вариантов.

Важным собственно лингвистическим аргументом в пользу более широкого культурологического источника пословицы является и её фиксация в турецком, татарском, арабском и другом восточном паремиологическом наследии – наследии тех народов, религиозный кодекс которых связан с Кораном, а не с Библией (Пермяков 1968, 245; Кокаре 1978, 116).

Эти факты (особенно – активная лексическая варьируемость пословицы в рамках одной структурно-семантической модели), как кажется, подтверждают справедливость диагностики тех фольклористов, которые относят возникновение пословицы о попадании в яму к более древнему периоду (Кокаре 1978, 114-122; Григас 1987, 28). Она отталкивается от одной из древнейших охотничьих метафор – образа человека, роющего ловушку, яму для подстерегаемой им дичи или своего врага (Кокаре 1978, 115-116). Характерно, что именно к такому образу «волчьей ямы» немецкими фольклористами возводится идиома *j-m. eine Grube graben* (рыть кому-л. яму, *resp.* могилу) 'затевать неприятности, устраивать опасную ситуацию кому-л.' (Borchardt 1955, 189; Müller 1994, 198). При этом авторы первого справочника подчёркивают, что эта охотничья по происхождению пословица стала популярной, *благодаря Библии*. Этот диалектичный вывод повторяют и авторы новейших паремиологических справочников немецкого языка (Röhricht 1992, 1, 587). Не лишено интереса и то, что соответствующая идиома имеет довольно широкое распространение в разных языках – ср. рус. *рыть яму кому*, англ. *to dig a pit for smb.* или латыш. *bedre iekrist* (букв. упасть в яму), причем последняя зафиксирована уже с 1685 г. (Кокаре 1978, 117).

Историю пословицы *Не рой другому яму, сам в неё попадёшь*, следовательно, нельзя прямо возводить к соответствующим местам Библии. В то же время нельзя и отрицать, что не её активизацию в литературных языках библейские тексты повлияли весьма значительно. Как мы видели, к такому выводу приводит детализированный анализ вариантов этой пословицы, бытующих в устной традиции различных народов.

Примеров такого рода в фольклоре различных жанров немало. Разграничение (*resp.* отграничение) библеизмов от фольклоризмов в подобных случаях требует крайней осторожности и массивованных доз конкретного материала. Ставить диагноз здесь, как кажется, можно лишь на основе структурно-семантического анализа этого материала и скрупулёзного учёта географического распространения конкретных вариантов и данных об их употребительности и устойчивости. Если такой анализ будет обладать необходимой объективностью, мы, возможно, ещё глубже поймём, почему Библия стала и продолжает оставаться Книгой книг для народов столь различных культур и менталитетов.

Литература

1. Берков 1984: Уолш И.А., Берков В.П. *Русско-английский словарь крылатых слов*. М.: Русский язык, 1984. – С. 281 с.
2. Буслаев 1854: Буслаев Ф.П. *Русские пословицы и поговорки* // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1854. Кн. 2. – С. 1-176.
3. Григас 1987: Григас Казис. *Литовские пословицы: сравнительное исследование*. Вильнюс: Vaga, 1987. – 334 с.
4. Дмитриев 1994: Дмитриев Д.В. *Синонимические дублиеты библейского происхождения в древнерусской письменности* // Динамика русского слова. Межвузовский сборник статей к 60-летию проф. В.В.Колесова. СПб.: изд-во СПбГУ, 1994. – С. 43-50.
5. Добр. – Добровольский В.Н. *Смоленский этнографический сборник: Пословицы*. Ч. 3. СПб., 1894. – 168.
6. Кокаре 1978: Э.Я. *Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках*. Рига, 1978. – 294 с.
7. Колесов 1982: Колесов В.В. *Из заметок по древнерусской поэтике* // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1982. – Vol. XXV/XXVI.
8. Колесов 1989: Колесов В.В. *Древнерусский литературный язык*. Л.: изд-во ЛГУ, 1989.
9. Ларин 1977: Ларин Б.А. *Из славяно-балтийских лексикологических сопоставлений (стыд-срам)* // История русского языка и общее языкознание (избранные работы). М.: «Просвещение», 1977. – С. 63-72.
10. Лаутенбах 1915: *Лаутенбах Я.И. Очерки из литовско-латышского народного творчества*. Опыт сравнительного изучения. Юрьев, 1915. – XVII + 415 с.
11. Мих. 1: Михельсон М.И. *Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии*. Сборник образных слов и иносказаний. Предисловие и комментарии В.М.Мокиенко. – М.: «Русские словари», 1994. – Т. 1 – 779 с.
12. Мокиенко 1973: Мокиенко В.М. *Историческая фразеология: этнография или лингвистика?* // Вопросы языкознания, 1973. – №2. – С. 21-34.
13. Мокиенко 1975: Мокиенко В.М. *В глубь поговорки*. М.: Просвещение, 1975. – 174 с. 2-е изд. К.: Радянська школа, 1989. – 221 с.
14. Мокиенко 1980; 1989: Мокиенко В.М. *Славянская фразеология*. М.: Высшая школа, 1980. – 207 с. 2-е изд. М., 1989. – 287 с.
15. Мокиенко 1982: Мокиенко В.М. *К разграничению генетических и типологических связей славянской поговорки* // Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Мате-

- риалы Международной конференции ЮНЕСКО. – Київ: Наукова думка, 1982. – С. 364-369.
16. Мокієнко 1984: Мокієнко В.М. *Груші на вербі* // Українська мова і література в школі. – 1984. №5. – С. 76-78.
 17. Мокиенко 1986: Мокиенко В.М. *Образы русской речи*. Л.: изд-во ЛГУ. – 280 с.
 18. Мокиенко В.А., Мокиенко В.М. 1995: Мокиенко В.А., Мокиенко В.М. *Из этимологии фразеологических диалектизмов (пск. сказать журавля на сосне, а на вербе грушу в зеркале славянских соответствий)* // Псковские говоры и их носители (лингво-этнографический аспект). Межвузовский сб. научн. тр. Псков, 1995. – С. 88-97.
 19. *К сопоставительной этнографазеологии украинского, белорусского и русского языков (лингвистические и этнологические аспекты формулы отказа)* // Беларусістика. Zetschrift für aktuelle Fragen der weißrussischen Sprache, 1999. - №1. – С. 24-39.
 20. Мршевић-Радовић 1991: Мршевић-Радовић Д. *Нека питања алогичних српскохрватских фразеолошких модела* // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, Панчево, Нови Сад, Тршић. 11-16.9. 1990. МСЦ, 1991. – С. 281-291.
 21. Пермяков 1968: Пермяков Г.Л. *Избранные пословицы и поговорки народов Востока*. М., 1968. – 376 с.
 22. ПП – Прислів'я та приказки. Упорядник М.М.Пазяк. К.: «Наукова думка». Т.1. Природа. *Господарська діяльність людини*. – 1989. – 479 с. Т.2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. – 1990. – 524с.Т.3. Взаємини між людьми. – 1991. – 440 с.
 23. Рошияну 1974: Рошияну Н. *Традиционные формулы сказки*. М., 1974. – 215 с.
 24. Сирот 1897: Сирот И.М. *Параллели. Библейские тексты и отражение их в изречениях русской народной мудрости*. Составил И.М.Сирот. Одесса, 1897. – Вып. 1. – 117 с. (1475 пословиц).
 25. Сирот 1985: Сирот И.М. *Русские пословицы библейского происхождения*. Брюссель, 1985.
 26. Тимошенко 1897: Тимошенко И.Е. *Литературные первоисточники и прототипы трёхсот русских пословиц и поговорок*. Киев, 1897. – 172 с.
 27. Фрезер 1985: Фрезер Джеймс Джордж. *Фольклор в Ветхом Завете*. М.: изд-во политич. литературы, 1985. – 511 с.
 28. Хроленко 1981: Хроленко А.Т. *Поэтическая фразеология русской народной лирической песни*. Воронеж: изд-во ВГУ, 1981. – 163 с.
 29. Хроленко 1992: Хроленко А.Т. *Семантика фольклорного слова*. Воронеж: изд-во ВГУ, 1992. – 139 с.

30. Borchartd 1955: Borchartd-Wustmann-Schoppe. *Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund, nach Sinn und Ursprung erläutert*. 7. Aufl., Neubearb. v. Alfred Schirmer. Leipzig: Brockhaus, 1955. – 539 S. p
31. Čel.: Čelakovský Ladislav. *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel*. Uspořádal a vydal Frant. Lad. Čelakovský. Praha: „nakl. Vyšehrad“, 1949. – 922 s.
32. DR: Düringsfäld I. v., Reinsberg-Düringsfäld O. *Sprichwörter der germanischen und romanischen Sprachen*. Bd. 1-II. Leipzig, 1872-1875.
33. Grigas 1974: Grigas K. *Der syntaktische Aspekt bei der vergleichenden Forschung der Sprichwörter // Proverbium* (Helsinki), 1974. – N 23. – S. 914-919.
34. Mokienko 1999: *Das Nationale und das Internationale in der Idiomatik: Ukrainisch – Slawisch – Europäisch // ARS PHILOLOGICA*. Festschrift für Baldur Panzer zum 65. Geburtstag (hrsg. v. Karsten Grünberg und Wilfried Potthoff). Frankfurt am Main-Berlin-Bern-New York-Paris-Wien: Peter Lang-Verlag, 1999. – S. 429-438.
35. Müller 1994: Müller Klaus. *Lexikon der Redensarten. Herausgegeben, zusammengestellt und erläutert von Klaus Müller*. München: Lexikographisches Institut, 1994. – 781 S.
36. Röhrich 1991: Röhrich Lutz. *Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Bd. 1-IV. Freiburg-Basel-Wien, 1977. Bd. 1-3. 1991-1993.
37. Taylor 1985: Taylor Archer. *The Proverb and Index to „The Pro-verb“*. Bern, Frankfurt am Main, New York, 1985.
38. Wander: Wander Karl Fridrich Wilhelm. *Deutsches Sprichwörter-Lexikon*. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bde, Leipzig, 1867-1889. Ndr. Darmstadt, 1964; Ndr. Kettwig, 1987.

ГОД 2000-ЫЙ. ЛИТЕРАТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ*

Название статьи звучит эпохально, но, во-первых, констатируется непреложный хронологический факт, а, во-вторых, почему не рассмотреть текущую словесность с высоты пирамид и веков, на предмет ее причастности к вековечным заботам отечества и человечества? Ведь писатель, помимо профессионального измерения, еще и чувствилище основных инстинктов и настроений эпохи. Народ безмолвствует, писатель говорит. Это ему только кажется, что он говорит преимущественно о своем и о себе. Франц Кафка, трагический интроверт, чье окружение исчерпывалась семей, канцелярской конторой, Максом Бродом и Миленой, выразил социальный невроз целого исторического слоя, а именно восточноевропейского еврейства начала столетия. Николай Островский, сочинский отшельник и живой труп, писавший "Как закалялась сталь" азбукой Брайля, передал доминиканскую святость "божьих псов" революции. Творчество Эрнста Хемингуэя, потенциального самоубийцы и запойного пьяницы, стало манифестом "потерянного" поколения Америки и Европы. Мы привели крайние случаи, не называя тех, кто призывался читательскими массами в вероучители, пророки, президенты.

"Каждый народ имеет тех правителей, которых заслуживает". Да, но и художников тоже. "Других писателей у меня нет" - удрученно констатировал "создатель советского народа" Сталин.

Недавно С. Костырко отчитал в приватном письме автора этой статьи, за то, что он тратит свои интеллектуально-критические ресурсы на писателей, которые на самом деле ими не являются. Имелась в виду компания Д. Пригова, Вик. Ерофеева, Вл. Сорокина, И. Яркевича, Вяч. Курицына, и было предложено увидеть таковых в А. Дмитриеве, М. Бутове, М. Уткине "и так далее". Однако же именно первые завладели сегодня Интернетом, а вторые влачат "боборькинское" существование в толстых журналах, основными читателями которых являются они сами и критик Андрей Немзер.

Но, согласен, они тоже отражают духовное состояние общества.

Каково же это состояние?

Вполне безрадостное. Покинем на время литературные сады и углубимся в их необозримые окрестности. У-у, какие пространства откры-

* Данная работа является частью проекта "Русские литературные хроники двадцать первого века", осуществляемого при поддержке редакционных коллективов журналов "Вопросы литературы" (Москва) и "Нева" (Санкт-Петербург).

ваются изумленному столичному оку в этих далях, какая terra incognita и какая бесчисленность человеческих существований! Коловращение горизонтов, лесные чащобы и обнаженные равнины, Уральские горы, лабиринты водных потоков, путаница дорог, занесенные снегами и продутые ветрами города и селения, и всюду роятся, разнообразно перемещаются и исчезают за поворотом мириады соплеменников. Но чем заняты эти людские множества, каковы их труды и дни, и вообще, "куда ж несешься ты, Русь? дай ответ."

Не дает ответа. И вообще никуда не несется и даже не тащится. Мы взяли не тот тон. Всюду запустение и разор. Всяк, кому не лень, колотит сегодня россиян на пороге их собственного дома, в котором они колотят друг друга сами на потеху окрестным племенам и народам. Освободившийся неизвестно от чего народ оказался аморфным образованием, именно "множеством", неспособным ни к какому созидательному усилию, забывшим своих богов, равнодушным к прошлому и будущему и тупо созерцающим в своих допотопных телеящиках "Угадай мелодию" и "Про это". "Во, бля, она сверху, третий смотрит, а четвертая научно объясняет".

Это никакая не карикатура и не преувеличение. "Вони ничего не роблять, а тильки дивляться в свои телевизоры" - изумлялись мои украинские соседи по поезду "Москва-Львов", возвращавшиеся с какой-то стройки в тюменских глубинах России. Просто поразительно, с какой легкостью выпал в антропологический осадок громадный цивилизованный этнос, вчера еще гордившийся поголовной грамотностью, разветвленной сетью культурных институтов, космонавтами, учеными, диссидентами, писателями, художниками, композиторами, обучавший в своих академиях студентов со всех концов мира, а ныне превратившийся в русскоязычное нечто, не помнящее собственного родства.. Возникает тоскливое подозрение, что это не сами россияне создавали свою цивилизацию, но их *заставляли* делать это. За всю свою историю Россия лишь трижды оказывалась конкурентоспособной со странами Запада - при Иване Грозном, Петре Первом и Сталине. Но уходили жестокие прорабы, и горе-строители вновь разбредались по привычным нищенским пределам, отвинчивая по дороге, подобно незадачливому злоумышленнику из одноименного рассказа Чехова железнодорожные гайки для ловли шилишпера. И когда патриотические литераторы предлагают петь сегодня оды русскому гению - пусть опровергнут сначала другого, не менее российского литератора:

"Лезут мне в глаза с даровитостью русской природы, с гениальным инстинктом, ... Да какая это гениальность, помилуйте, господа? Это лепетанье спросонья, а не то полузвериная сметка. Инстинкт! Нашли, чем хвастаться! Возьмите муравья в лесу и отнесите его на версту от его кочки: он найдет дорогу домой; человек ничего подобного сделать не смо-

жет; что ж? Разве он ниже муравья? Инстинкт, будь он хоть распрегениальный, не достоин человека: рассудок, простой, здравый, дюжинный рассудок - вот наше прямое достояние, наша гордость; рассудок никогда таких штук не выкидывает; оттого-то на нем все и держится. А что до Кулибина, который, не зная механики, смастерил какие-то пребезобразные часы, так я бы эти самые часы на позорный столб выставить приказал; вот, мол, смотрите, люди добрые, как не надо делать. Кулибин тут не виноват, да дело его дрянь. Хвалить Телушкина, что на адмиралтейский шпиль лазил, за смелость и ловкость - можно; отчего бы не похвалить? Но не следует кричать, что, дескать, какой он нос наклеил немцам-архитекторам! И на что они! Только деньги берут... Никакого он им носа не наклеивал: пришлось же потом леса вокруг шпилья поставить, да починить его обыкновенным порядком. Не поощряйте, ради Бога, у нас на Руси мысли, что можно чего-нибудь добиться без учения! Нет! Будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись, учись с азбуки!"¹

Или вот еще, буквально через страницу:

"У меня, осмелюсь доложить вам, из головы следующее воспоминание не выходит. Посетил я нынешнюю весною Хрустальный дворец возле Лондона; в этом дворце помещается, как вам известно, нечто вроде выставки всего, до чего достигла людская изобретательность - энциклопедия человечества, так сказать надо. Ну-с, расхаживал я, расхаживал мимо всех этих машин и орудий и статуй великих людей; и подумал я в те поры: если бы такой вышел приказ, что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца все то, что тот народ выдумал, - наша матушка, Русь православная, провалиться могла бы в тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булабочки не потревожила бы, родная: все бы преспокойно осталось на своем месте, потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут - эти наши знаменитые продукты - не нами выдуманы. Подобного опыта даже с Сандвичевскими островами произвести невозможно; тамошние жители какие-то лодки да копья изобрели: посетители заметили бы их отсутствие. /.../ Старые наши выдумки к нам приползли с Востока, новые мы с грехом пополам с Запада перетащили, а мы все продолжаем толковать о русском самостоятельном искусстве! Иные молодцы даже русскую науку открыли: у нас, мол, дважды два тоже четыре, да выходит оно как-то бойчее.

- Но постойте! Постойте! Ведь посылаем же мы что-нибудь на всемирные выставки и Европа чем-нибудь да запасается у нас.

¹ И.Тургенев, Собр. соч. в 12-ти тт., М., т. 4, 1954, сс. 92-93.

- Да, сырьем, сырыми продуктами. И заметьте, милостивый государь: это наше сырье большею частью только потому хорошо, что обусловлено другими прескверными обстоятельствами: щетина наша, например, велика и жестка оттого, что свиньи плохи, кожа плотна и толста оттого, что коровы худы, сало жирно оттого, что вываривается пополам с говядиной."²

- Это слишком резко! Это еще не вся правда, - может возразить читающий эти строки.

Верно, не вся. Но признаемся по крайней мере, что современнику возразить по поводу этих горестных слов нечем. Один из парадоксов русского девятнадцатого столетия состоял в том, что в малоразвитой полуграмотной стране была создана великая словесность, по сей день во многом превосходящая своим этико-философским и эстетическим опытом все, написанное в веке двадцатом. Когда наступят дни Страшного суда и перед воротами Петра предстанут трепещущие племена и народы, единственное, что сможет представить Россия перед Всевышним, так это свою литературу.

Но вернемся к теме, заявленной в названии. Ну, хорошо, наши крикливые пост-модернисты

Напылили вокруг, накопили,

- и пропали "под ветра свист". Сергей Костырко, а вслед за ним Павел Басинский и Капитолина Кокшенева правы, наверное: постмодернизм в России *издох*. Он еще дергается, вычисляет своих людей на телевидении, в "Независимой газете", "Вагриусе", вешает лапшу на уши западным славистам. Но это так, отложенная кончина, "жизнь после смерти". В приличном литературном обществе ему уже отказано.

Что же нового в нем появилось?

Неожиданно в нем появилась писательская генерация, которую можно было бы назвать новыми разночинцами. Это такое постсоветское поколение интеллигентных босяков, не сумевших вписаться в меняющуюся действительность, и поэтому судящих ее очень строго - а заодно всякую действительность, потому что, судя по автобиографическому пласту их прозы, они и в советские времена находились не в ладах с жизнью. В литературные столицы они прибыли, как правило, из российской глубинки, надлежащей культурной выправкой не обладают, изяществом литературных манер тоже, но имеют за плечами жизненный опыт, какой не снился хилым интеллектуалам столичной выпечки. Правда, это опыт не работни-

² Там же , сс. 94 – 95.

ков, а скорее бичей, но писательская профессия еще по наблюдениям М. Горького с этим как-то неуловимо связана.

Бичами становятся в двух случаях. В первом из-за переизбытка жизненных сил, желания посмотреть мир и в нем утвердиться, а во втором случае - из неспособности привести свое поведение в соответствие с элементарными нормами человеческого общежития. Первые в конце концов становятся "новыми русскими", а вторые писателями. Вопрос, однако, в том, извлекли ли эти вторые из своих скитальческих университетов философские смыслы жизни или продолжают барахтаться в ее эмпирическом потоке.

*Стой, душа мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.*

*Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что случилось в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.*

Вот идеальный зачин для каждого, кто, вдоволь "наколобродив по жизни", решил стать ее летописцем. Обратите внимание, "по чужой и по нашей вине", потому что новейшим российским реалистам подобной возможности, как правило, в голову не приходит. Они прозревают в мире лишь хаос и путаницу - а у читателя не без причин возникает подозрение, что путаница в их собственной голове. У них в уме эдакий гонимый миром странник - а у читателя перед глазами великовозрастный балбес с вывихнутыми представлениями о времени и о себе. Они вдаются в философствования - а лучше бы не вдавались, потому что получается, как в чеховском "Ученом соседе".

Вот, например, роман А. Дмитриева "Закрытая книга". Что в этой книге действительно по-настоящему талантливо, так это ее название. Это и в самом деле закрытый ящик Пандоры, замкнутый на самого себя мир несостоявшихся биографий и судеб. Тут и спивающиеся мореманы, и погоревшие негоцианты, и их не вполне нормальные отцы, и *неудавшиеся литераторы*, и какие-то инкарнации опоязовских любомудров, и "бородатый инженер горводоканала Сыромятин, незамужняя толстая Халдея, многодетная Зеленчук, секретарь обкома комсомола Костя, доцент Политехнического Николай Шаров, Гарик из областной партийной газеты, военный комиссар Дементьев и моя разведенная мать в своей неизменной тельняшке до колен"³, но сверх того еще и русский бразилец Редис, сыро-

³ Андрей Дмитриев, *Закрытая книга*, "Знамя", 1999, № 4, с. 17.

вар Иона, акционеры "Деликата", а также барон Маннергейм, кегебист Панюков и лапландка Маарет из племени к о л т а (!). Роман заканчивается поразительным признанием: "Пора закрывать эту книгу, в которой нету никакого вымысла, почти все домысел и все - правда."⁴

Оставляем в стороне вопрос о географических, социальных и исторических параметрах книги, но авторский "эффект присутствия" в ней несомненен. Однако же, как этот "эффект" безрадостен! Сколько горечи в этих жизнеописаниях, и какая в них господствует субъективная, "закрытая" нормальному людскому большинству правда! Автор населил свой роман количеством персонажей, едва ли не превышающим население "Войны и мира" - и ни одного симпатичного образа, сплошь потерянное, пьющее, *полоумное*⁵.

Таков же мир, являемый со страниц Ю. Буйды, О. Павлова, А. Мелихова, А. Волкова, В. Пискунова, Д. Бакина, А. Варламова, всех не перечешишь, но каждый из них пишет жизнь, как нечто тотально-бессмысленное и brutальное. Особенно поучительна в этом смысле проза О. Павлова, с циклотимическим постоянством воспроизводящая карагандинские ужасы конвойных служб МВД. О. Павлов не скрывает, что его повести автобиографичны. Сошлемся, однако, на собственную память и позволим возразить автору: было это так - и не так одновременно. В двух словах этого не объяснишь. То, что представляется нашему новому Солженицыну единственной лагерной *verite*, имеет массу других измерений и правд. Например, бесконечный мемуарный проект Евг. Федорова, едва ли не смакующего grimасы тюремного быта. Или твердокаменная антисоветская скрижаль "Архипелага ГУЛАГа". Или трагический мазохизм "Колымских тетрадей" В. Шаламова. А есть еще сострадательная правда "Воскресенья", "Записок из Мертвого дома", "Острова Сахалин", "Одного дня Ивана Денисовича". Но более кошмарного, чем лагерная действительность "по Павлову", вообразить невозможно.

И упрекнуть за это автора тоже невозможно. Именно так обходилась с ним упомянутая действительность. С другими она обходилась - или они ощущали ее - по-разному. Солженицын, например, назвал годы тюрьмы лучшими годами своей жизни, потому что они идеально питали его психическую склонность к аскезе, схиме, рахметовским гвоздям, помно-

⁴ Там же, с. 90.

⁵ Недавно автору довелось познакомиться с рецензией на этот роман. Я читал и поражался. Рецензент явно мучился, не знал, о чем писать и за что хвалить автора, и сам писал очень плохо. Я добрался до подписи - не может быть, Алла Марченко! Вот что делает плохая литература с хорошим критиком. Хороший человек написал плохой роман. Такое бывает. Плохой человек написал хороший роман. Такое тоже бывает. Но ведь литературная критика имеет дело с произведением, а не с личностью автора.

женным на рахметовский же дидактизм, они создавали ту самую жесткую черно-белую палитру человеческих отношений, которой соответствовала палитра его собственной души, они давали ему возможность ежедневно и ежечасно питать свою праведную ненависть. Довлатов, напротив, вспоминает о своей лагерной службе только что не в лирических тонах.

Да ведь не только тюремная - но и любая другая действительность по-разному переживается и даже по-разному относится к находящемуся внутри нее человеку. Ивану Карамазову мир представлялся вместилищем зла, а по Зосиме выходило, что "жизнь есть рай и все мы в раю, только не хотим знать этого". Кто из них более прав? Да оба, оба правы, потому что жизнь такова, какова она есть, человек мерзок и свят, подл и благороден одновременно, и если ты писатель, научись прежде всего оставлять скорлупу собственного "я", чтобы проникнуть в чужие человеческие существования.

"Лев Николаевич, это невозможно, вы когда-то были лошадю!" - возопил один из приглашенных на авторскую читку "Холстомера". Что касается новых сорокалетних (термин, не возраст), они не только лошадиного, но и любого другого отношения к миру вообразить не в состоянии. Жизнь многолика, полихромна, она переливается и струится, но поди уреди в этом наших сумрачных хронистов.

Возвращаясь однажды ночью на московский Мичуринский проспект, пишущий эти строки увидел человека, горько и безудержно рыдавшего за рулем своего "Ниссан-Террано". А рядом бомжа, с блаженной улыбкой поглощавшего банку с пивом. И подумал он, что человек счастлив или несчастлив не потому, что в данную минуту не везет в жизни, а из-за психических или физиологических изменений в своем организме. Наутро новый русский проснется, может быть, в прекрасном настроении, а бомж с банкой, возможно, со слезами на глазах, но не потому, что изменилось что-то вокруг, а потому что так закодированы их настроенческие синусоиды. Еклезиаст можно было бы дополнить словами "время быть счастливым и быть несчастливым". Но к нашим персонажам это не относится. В отличие от проеденных литературщиной постмодернистов они пишут "из действительности", а не "из головы". Но дело в том, что от описываемой ими действительности хочется удавиться. Скорее, это с ними самими, а не с действительностью что-то не так. Героям их натужной прозы всюду плохо. Окажись они на обетованных Канарских островах - они и там первым делом ухитрились бы напиться, потерять свои заграничные паспорта и провести ночь в полицейском участке, делаясь с местными бомжами мыслями о несовершенстве жизни.

Автор, кажется, начал во здравие, а кончает за упокой. Да нет, на общем фоне эта неуклюжая разночинная гвардия скорее симпатична. Уроженец местечковой прибалтийской глубинки Ю. Буйда, некогда кус-

танайский А. Мелихов, экс-донбасский В. Пискунов - они в конце концов сермяжные реалисты, и если бы не упражнения в новомодных *дискурсах* и французско-нижегородских "Ермо", получилась бы здоровая альтернатива интернетовским ничевокам.

Особенно симпатичен в этом ряду А. Варламов, и особенно как автор недавно опубликованного романа "Купол", где показано изживание провинциальным Вертером нарциссических комплексов своей юности. Самовлюбленный либертин, полжизни портивший кровь каждому, кто принимал в нем участие, начинает постепенно прозревать действительные пропорции окружающего мира и свое в нем место. А. Варламов вообще на голову умнее (и взрослее) собратьев по теме. Он умеет посмотреть на своего автобиографического героя со стороны, разобраться, где его обидели по чужой, а где "по *нашей* вине", пристыдить, но и посочувствовать ему, несущемуся в потоке времени. Подкупает к тому же какая-то неуловимая честность варламовского письма. "Он пишет, как молится", - заметил о нем П. Басинский. Это, положим, от избытка дружеских чувств, но чего, действительно, у А. Варламова не сыщешь, так это ернической интонации, которая считается почему-то обязательной у его литературных собратьев

Сказать ли, что они талантливы? К сожалению, не очень. Эмоционально-эстетического наслаждения от их прозы получить невозможно. Это, вот именно, очень "прозаическая" проза. В ней отсутствуют следы стилевого усилия, преодоления языкового материала. Упру-гость метафоры, пластичность фразы, органолептика образа, композиционная завершенность, повествовательный ритм - того, что делает произведение искусством слова, в их "физиологиях" не ночевало. Они писатели, но не художники. И, кажется, сами не подозревают об этом.

...Когда автор в молодые годы служил командиром караульного взвода на Чукотке, его подразделению был придан БТР, чтобы развозить наряды по упрятым в сопки объектам. Но однажды поднялась и две недели не стихала такая пурга, что никакою техникою к вещевому складу стало невозможно пробиться. И вот к расположенной рядом фактории подъезжает чукча, стаскивает с нарт связку песцовой пушнины, исчезает в дверях фактории, а через некоторое время появляется оттуда с ящиком одеколна "Красная Москва". И начинает тут же выпивать флакон за флаконом. Пробка в одну сторону, флакон в другую, пробка направо, флакон налево. Пока опустошался ящик, меня осенила инициатива: "А что если добраться до поста на его собачьем вездеходе?". Повеселевший сын снегов с готовностью согласился, и мы понеслись по бескрайним просторам к маячащей вдали синусоиде сопки и гор. Кругом марсианское безмолвие, солнце лупит ультрафиолетовой пушкой, на небе ни облачка, а мой погонщик начинает петь. И поет что-то непрерывное и нескончаемое, как равнина, по которой мы мчимся.

- Слушай, Иван, про что это ты поешь такое километр за километром?

- Как про что? Вон лисьи следы на пороше, а вон над сопкой снежная пыль курится, к непогоде, однако. Целых двенадцать собачек в моей упряжке, одна другой сильнее, а у тебя карабин хороший, десятизарядный, СКС называется, и сам ты, лейтенант, белый человек, хороший человек, сильно волосатый, однако. Что вижу, про то и пою.

Так же и наши персонажи. Они усаживаются, кто за компьютер, кто за пишущую машинку, накрывают мозолистые черепа - и, как за окном чичиковской брички: "пошли писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином, бегущим из постоялого двора с овсом в руке, пешеход в протертых лаптях, плетущийся за восемьсот верст, городишки, выстроенные живьем, с деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядные и по ту сторону и по другую, помещичьи рыдваны, солдат на лошади, везущий зеленый ящик со свинцовым горохом и надписью: такой-то артиллерийской батареи, зеленые, желтые и свежеразрытые черные полосы, мелькающие по степям, затянута вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий далече колокольный звон и горизонт без конца..."⁶. И в этой их бесконечной, как чичиковская одиссея, прозе нет ни завязки, ни интриги, ни главного, ни второстепенного, ни цели, ни сюжета и никакого тебе хронотопа, а только биографическое время самого автора и бесхитростное "что вижу, про то и пою". Это проза без царя в голове, бессмысленная проза.

Но иною она и быть не может. Каждая эпоха имеет таких писателей, каких она заслуживает. Художественно-литературный эпос в наше время невозможен, потому что антиэпично и внеисторично само время. Более того, оно и *внехудожественно*. В. Набоков покинул Советскую Россию не из-за того, что она лишила его семью несметных богатств и столбовых званий, а потому, что она перестала быть Зоорландией его детства, *эстетически* самоуничтожилась. Сегодня этот процесс повторился. В очередной раз иссякло духовное вещество народа, он превратился в скопище, орду, растерянно бродящую по Великой Пустоши. Уже не может "собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать", на что указывал А. Солженицын в своем очерке "Россия в обвале". Доморощенные российские прогрессисты, толковавшие о спасительности капиталистической цивилизации и тянувшие упирающийся народ в то, к чему он изначально генетически неприспособлен, достигли лишь повального смятения умов.

⁶ Н. Гоголь, Собр. соч. в 6-ти тт., М., т.5, 1959, с.230.

"Начали с того, что стали бросать хлеб под стол и креститься неистовым образом. Обличения того времени полны самых горьких указаний на этот печальный факт. "Было время,- гремели обличители: - когда глуповцы древних Платонов и Сократов благочестием посрамляли; ныне же не только сами Платонами сделались, но даже того горчее, ибо едва ли и Платон хлеб божий не в уста, а на пол метал, как нынешняя некая модная затея то делать повелевает". Но глуповцы не внимали обличителям и с дерзостью говорили: "хлеб пуцай свиньи едят, а мы свиней съедем - тот же хлеб будет"..."

Развращение нравов развивалось не по дням, а по часам. Появились кокетки и кокодессы; мужчины завели жилетки с неслыханными вырезками, которые совершенно обнажали грудь; женщины устраивали сзади возвышения, имевшие преобразовательный смысл и возбуждавшие в прохожих вольные мысли. Образовался новый язык, получеловеческий, полуобезьяний, но во всяком случае непригодный для выражения каких бы то ни было отвлеченных мыслей. Знатные особы ходили по улицам и пели: "A toi l'rottron", или "La Venus aux carottes", смерды слонялись по кабакам и горланили комаринскую. Мнили, что во время этой гульбы хлеб вырастет сам собою и поэтому перестали возделывать поля. Уважение к старшим исчезло; агитировали вопрос, не следует ли, по достижении людьми известных лет, устранять их из жизни, но корысть одержала верх, и порешили на том, чтобы стариков и старух продать в рабство. В довершение всего очистили какой-то манеж и поставили в нем "Прекрасную Елену", пригласив в качестве исполнительницы девицу Блани Гандон"⁷.

Напрашивается вопрос, какая у такого народа, в таком его состоянии, может быть литература? Только такая, какую он имеет, и которая, видимо, сделалась ему все более не нужна, как и он ей больше не нужен. Писательство стало сегодня скрытой формой социального дезертирства. Это раньше в литературу пробивались талантливые и сильные, сейчас в нее бегут от жизни проигравшие и слабые. Отчасти показательно, что на литературные и филологические факультеты поступают в России сегодня те, кто не в состоянии поступить ни на какие другие факультеты. Сочинители литературы сбились в масонскую богадельню, которую оплачивают (пока еще оплачивают) разные благотворительные фонды и которая в миниатюре воспроизводит богадельню общероссийскую.

Смешно сказать, но если далекие потомки вздумают, по традиции, судить о конце 20 – начале 21 века по литературе этого века, они должны будут со смущением констатировать, что их "отчичи и дедичи" не занимались ничем иным, кроме как половым вопросом, а все нация находилась

⁷ М. Салтыков–Щедрин, История одного города, М.-Л., 1948, с. 160-162

в состоянии неслыханного сексуального перевозбуждения. Я не о постмодернистах говорю. У них даже "про это" получается как-то выморочно. Но и обычные, традиционные писатели стали напоминать того учителя из "Ревизора", который в преподавании был зануден и вял, но когда доходил до Александра Македонского, делался вполне безумным.

Шиллер сказал: "миром правят голод и любовь". Опровергнуть этого не смог сам Иисус Христос, и, таким образом, сосредоточенность сегодняшнего писательского племени на одном из этих знаменателей должна бы свидетельствовать о человековедческой проницательности. Между тем она свидетельствует лишь о повышенной похотливости и эстетической тугоухости. Половой акт есть дело хорошее, но литературе противопоказанное. Только гениальные художники способны изъять из него физиологическую составляющую. От чтения "Песни Песней Соломона" в голове стоит сплошной эротический шум - а она является двадцать второй книгой Ветхого Завета. Возлюбленные, возлежащие на ложе, прекрасны; совершенны и соразмерны сочленения их, ноздри их благоухают яблоками, их лица сияют блаженством, а если автор со своим героем видят и переживают *это* иначе, значит, оба они эмоционально-психологически недоволены, и нижняя половина туловища перевешивает у них верхнюю.

Ну, хорошо, молодым простительно. Но прочитайте соответствующие места из "Веселого солдата" В. Астафьева, "Замысла" В. Войновича, "Не умирай раньше смерти" Е. Евтушенко, "Senilia" Г. Сапгира, - а лучше не читайте. Седовласые деды, старые перечницы, садясь за письменные столы, стали выдавать такое! Особенно неловко чувствуешь себя при чтении поздних произведений В. Астафьева. Мат-перемат по поводу и без повода, публичные совоккупления на вокзале и в туалете, - как все это нелепо на фоне его ранней целомудренной прозы. У В. Астафьева последних лет очень хорошо получается уничтожение на корню большевиков и думы о России. Пожелаем ему и впредь преуспевать в этом направлении, а не смущать "народным порно" собственных внуков и своих новых кремлевских почитателей. Первым еще рано, а вторым уже поздно познавать науку "шаловливых мизантропов" и "милых отшельниц".

Недавно Вл. Новиков попытался урезонить этих престарелых ходяков по женской части, назвав такие произведения и имена, как "Новый сладостный стиль" В. Аксенова "Разбойницу" В. Попова и "Последнего героя" А. Кабакова⁸. А Р. Сенчин разразился на страницах "Знамени" совсем уж площадными поношениями: "Тогда как раз появилась вся эта "неизвестная классика", я был увлечен ею. Искал деньги, бегал по магазинам, поглощал книги одну за другой. А потом мне стало понятно. Да это просто старые

⁸ Вл. Новиков, "Бедный эрос", "Новый мир", 1998, № 11.

желчные уродцы! Они измазались жизнью, пережили себя как людей и сели писать. Кучка... мужчин с опавшими членами. Они нюхали свои подмышки и описывали свои ощущения... Они сделали из этого бизнес. Они дошли от сытой, спокойной старости в окружении любовниц и любовников. Обеспечили свое будущее, вопя, что будущего нет."⁹ Здесь все ниже пояса, и Р.Сенчина не извиняет даже то, что ругань вложена в уста его героя, бомжа и наркомана. А редакторов "Знамени" никоим образом не украшает то, что они эту пошлую ругань напечатали.

Но то же "Знамя" продолжает с поразительным упорством коллекционировать на своих страницах сцены "про это". Я не рискую привести несколько подобных отрывков – по причине их абсолютной неприличности¹⁰.

Может возникнуть подозрение, что авторы воспроизводят некие мастурбационные фантазии, а не собственный половой опыт. Эргали Гер, мой бывший вильнюсский земляк, погорев в бизнесе, взялся за повести о сексе по телефону. (Нахватавшись оплеух от жизни, многие начинают писать повести о сексе). А Вяч. Курицын немедленно сообщил об этом факте в Интернете, посетовав, что редакция сняла описание одного "совершенно выдающегося оргазма". Не знаю, что в том оргазме было выдающегося, но и те, которые описаны, любопытны хотя бы тем, что они модно виртуальны. По-другому герой то ли не может, то ли ему неинтересно, и вот, *слабый членом, но сильный "даром слова"* (название повести), он имеет свою возлюбленную и весь мир исключительно по телефону.

Вместе с тем повесть далеко небесталанна. Во-первых, ее автору в даре слова действительно не откажешь, а, во-вторых, в ней есть некая догадка о витальной недостаточности любого художника слова; о том что первое является роковым условием второго. На этом открытии вся "Волшебная гора" Т. Манна держится, и одна только эта параллель выводит повесть Э. Гера за пределы сегодняшней вялотекущей прозы. Тем более, что по отношению к эротике ни сам автор, ни, надеюсь, читатели, не являются ни ретроgrадами, ни моралистами. Тема плотской любви всегда наличествовала в русской литературе. Ей отдали дань Пушкин, Тютчев, Тургенев, Л. Толстой и даже целомудренный Чехов. В русской классической литературе имеется все: гоголевские "Ночи на вилле" написаны пером латентного гомосексуалиста. "Исповедь Ставрогина" – это несомненно исповедь педофила. О писателях русского серебряного века говорить не приходится, как и о набоковской "Лолите". Но эти произведения, несмотря на "рискованные" для того времени эпизоды и сцены, все же вошли в фонд

⁹ Роман Сенчин, "Общий день", "Знамя", 1999, № 3, с.103.

¹⁰ Андрей Дмитриев, "Закрытая книга", "Знамя", 1999, № 4, с.38-39.

мировой культуры, а не стали иллюстрациями литературно-сексуальных хрестоматий.

"Казалось, что чувства ее похожи на длинную шпагу, которой конец уже после того, как нанесен удар, все еще дрожит, и точно трепещет в воздухе, как знамя на ветру, или как белый край паруса над рябящим морем, или крылья птицы, садящейся на воду"¹¹.

Художник, который *так* описывает состояние женщины после оргазма, может быть угоден богу искусства. Здесь эротика преобразована в высокий Эрос, она "трепещет в воздухе", а не в гениталиях персонажей, и просто удивительно, как у современного, циничного и матерящегося автора "Дара слова" могло зародиться что-то подобное. "Для меня прикосновение руки Эммы Бовари более эротично, чем вся порнография мира",- сказал однажды Л. Висконти. И поскольку продвинутый Э. Гер проникся тем же, постольку он стал художником, а остальные так и остались при своих пенисах и клиторах.¹²

Что еще характерно для литературного ландшафта рубежа тысячелетий?

Патриотическая словесность. На одном из "Круглых столов" И. Роднянская призвала к большей толерантности по отношению к этому участку российского литпространства, высказавшись в том смысле, что литературно-критический бойкот не есть лучшая форма полемики с инакомыслящим оппонентом. Последуем ее совету и вступим на это минное поле, будучи готовыми к "вонючему козлу" и "жидомасонской сволочи", потому что в чем патриотическим литераторам не откажешь, так это в энергии стиля. Вот, например, касающийся лично меня образец: "Полемизировать с чудовищным бредом потенциального пациента психоневрологической лечебницы вряд ли стоит. В какой-то мере можно понять Сердюченко, для которого наверняка нет пророка, кроме Степана Бендеры, а

¹¹ Гайто Газданов, Собр. соч. в 3-х тт., М., 1966, т.3, с.290.

¹² Алла Марченко, не увидела, впрочем, в этой повести подобных достоинств и назвала ее повестью о новых русских, писанной "новорусскою" же манерою. Телеповестью она назвала ее, серией видеоклипов. Лично автор считает видеоклип труднейшим из искусств, но не в этом дело. А в том, что скептическая оценка Аллы Марченко была спровоцирована положительной оценкой П. Басинского, который увидел в героях повести, ни мало ни много, современных Ромео и Джульетту. Дождаться от Басинского комплиментов нынешним писателям почти невозможно, а тут такие почетные аналогии. И потом, сам факт того, что два "референтных" критика современности уделили повести Э. Гера такое заинтересованное внимание, говорит скорее в ее пользу.

все русское, в особенности советское, ненавистно, подлежит лишь проклятию. А вот редакцию русской газеты с весьма обязывающим названием... - ну, и так далее, и под конец призыв к физической расправе.¹³

Но ведь и наиболее нарваные демократы призывают к чему-то подобному. Между тем на страницах, например, "Москвы" публикуются не только воители-заединщики, но и "просто" авторы, которым близка их тихая, провинциальная, рубцовская Россия. Ну, любят они ее, проклинают, и ничего не могут с собой поделать - и ведь там есть еще что любить, не правда ли?.. Их литературная известность настолько мизерна, что их фамилии ничего не скажут читателю. Как правило, это одноразовое появление с коротким очерком, стихотворением, рассказом, после чего автор вновь надолго, если не навсегда, исчезает в районной глубинке, ища истины на дне стакана. ("Вот моя рукопись!", - восклицал один из них, поводя перед моим носом бутылкой водки). Так и видишь эти бесчисленные Вышние Волочки и Солигаличи с их деревянными тротуарами, огородами рядом с главной улицей, заросшим городским парком, редакцией "Вышневолоцкого коммунара" и опустевшим текстильным заводом по ту сторону реки. Здесь совсем другое струение жизни и другие сюжеты. Вон рыбаки возвращаются с ночного улова и задержались за столиком местной ресторации; стайка школьников с чистыми лицами отправляется под началом физрука и в сопровождении мам на автобусную остановку; Колька-бизнесмен грузит в мотоциклетную коляску нераспроданную упаковку с "Фантой"; коза, нивесть каким образом оказавшаяся на главной площади; местная милиция в виде участкового с кобурой (где, впрочем, бутерброд вместо пистолета) распекает провинившегося обывателя. А там, за околицей, вздымаются заросшие косогоры, зеленеет облитый утренним серебром угол леса, а за ним новые Вышние Волочки и Солигаличи, еще более неслышные и бесхитростные, но именно поэтому мучительно близкие русскому сердцу. Здесь прошло детство нашего автора. Но другие уехали, а он остался - точнее, хлебнув столичной жизни, вернулся на круги своя, потому что так устроенно оказалась его душа, что эта глушь обернулась ему милее урбанистических мегаполисов, где воздвигаются олигархии и пламенные прохвосты бросают в назлектри-зованные толпы "За сьрб и молд!". Он любит *свою* Россию. По вечерам, выпив винца, он пишет о ней патриотические стихи и рассказы. Кто бросит в него камень, тот либо либеральный дурак, либо человек без сердца, что одно и то же.

К сожалению, другая интонация преобладает в сегодняшней патриотической литературе.

И, к сожалению, чем этой интонации больше, тем сама литература хуже. Одно дело грандиозность замысла, а другое его исполнение. "Граж-

¹³ "Правда", 1999, 25-26 мая.

дане, послушайте меня!" - взывает патриотический писатель на площади. Сограждане начинают слушать. Но ничего, кроме публицистических анафем, не слышат и возвращаются к своим насущным заботам. Художественного таланта - вот чего недостает страницам "Молодой гвардии" и "Нашего современника". Там из номера в номер публикуются одни призывы, разоблачения и манифесты, в том числе про гибельность космополитического дискурса для подлинного искусства. Но продемонстрируйте противоположное произведениями, эстетически совершенными именно потому, что они прошнурованы национально-патриотическим тезисом! Этого не получится по причине роковой несовместимости идеологии и искусства. Байрон велик, как создатель "Чайльд-Гарольда", а не как автор путаных речей в английском парламенте и инициатор нелепых ратно-патриотических вояжей в воюющую Грецию. Мицкевич остался в культурной памяти славы благодаря своему поэтическому гению, а не клубным меморандумам о польском мессианизме. "Один день (всего один!) Ивана Денисовича" А. Солженицына перевешивает его циклопические трактаты о прошлом и будущем России. И даже Достоевский, и Л. Толстой, поддаваясь искушению поучать племена и народы, превращались в "просто" публицистов. Передать любовь к родине средствами искусства можно, только растворив эту любовь в объективной стихии художественного образа и слова, как то выходило у Есенина, или Рубцова, или Шукшина, или у В. Белова и В. Распутина - у двух последних до того, как они подались в политику и тем совершили решительно антипатриотический поступок.

Увы, противоположного окраса нетерпимость так же контрпродуктивна. Пока, например, Вик. Топоров ходил в демократах, им восхищались и его цитировали, но стоило ему кое в ком из своего литературного окружения усомниться, как его перестали печатать и буквально *вытолкали* на страницы "Завтра" и "Новой России". Таланта у Вик. Топорова не убавилось, а злости прибавилось, и теперь ревнители чистоты рядов пожинаят результат собственного чистоплюйства. Еще неизвестно, кто станет очередной жертвой бешеного пера этого публициста, но в том, что этой жертвой окажется кто-то из ревнителей, а сатира будет неотразимой, сомневаться не приходится. Нынешний литературный бомонд ожидает его выступлений только что не с трепетом - и не обманывается: каждая его новая статья означает крушение очередной репутации. Такова цена клановой упертости. Трудно представить в России 19 в. человека с более жесткими политическими взглядами, чем М. Катков. Казалось бы, оказавшись полновластным хозяином "Русского Вестника", он превратит его в литературное приложение к возлюбленной идее и тем лишит журнал массового читателя. Вместо этого "Русский Вестник" стал ежемесячным изданием с 20-тысячными (sic!) тиражами. Посмотрите теперь на реквизитную страницу нынешних литературных журналов. У М. Каткова дос-

тало ума и эстетической объективности, чтобы отключить свою издательскую и редакторскую деятельность от политических пристрастий. Он не переваривал убеждений Л. Толстого, Тургенева, Гончарова, но каждый из этих писателей публиковался в "Русском Вестнике", принося журналу деньги и заслуженную славу. А Некрасов, находившийся в идейных контрактах с Достоевским, с готовностью напечатал в "Отечественных записках" его "Подростка". Потому что в обоих случаях судьба произведения решалась не гражданской ориентацией автора, но мерою его таланта. Это к вопросу о парнасской солидарности, декларированной И. Роднянской. Чтобы достичь ее, нужны такие литературные руководители, как Катков и Некрасов, а не погруженные в партийно-политическую суету корпоранты.

И, наконец, пригласим в свой обзор Б. Екимова. Здесь только что назывались имена Л. Толстого, Гончарова, Тургенева. Я бы завершил этот ряд Б. Екимовым, имея в виду не масштабы, но общий пафос его дарования: демократизм, народность, абсолютная правдивость, нравственная чистота авторской позиции и, что главное, изобразительный талант. Его рассказ "Фетисыч" является одним из вершинных завоеваний малой русской прозы двадцатого столетия. После "Судьбы человека", рассказов В. Шукшина, "Одного дня Ивана Денисовича" в ней не появлялось ничего подобного. Предвижу упрек в бездоказательности, но здесь такой случай, когда решают не доводы, а органолептика читательского сознания: мир писателя либо не воспринимается вовсе, либо становится частью читательского "я".

Некоторые упрекают Б. Екимова в сентиментальности. На том основании, что он умеет в соре и дрязге действительности отыскивать жемчужные зерна? Но тогда сентиментальна вся русская классика, ставшая знаковой частью мировой культуры. Тогда я уж не знаю, зачем писательство и каков смысл литературы. Этот отрок, Фетисыч, оправдывает собою весь бардак нынешней российской жизни; мне неизвестно, списал ли его Б. Екимов из жизни, или выдумал, но это образ такой светоносной силы, какую Достоевский хотел передать в "русском мальчике" Алеше Карамазове. По православному преданию русскую землю однажды посетил апостол Андрей. Если бы он появился еще раз, он признал бы в ней только "русского мальчика" Фетисыча.

Интересно, что нравственный и эстетический авторитет Б. Екимова в литературно-критических кругах не оспаривается. Однако же во всевозможных писательских рейтингах, лонг-, и шорт-листах его имя практически отсутствует. Вопрос в том, кто виноват в этом постоянном пребывании Б. Екимова вне литературного контекста: Б. Екимов или сам этот контекст. Творчество Б. Екимова одинаково ценят и "правые" и "левые" - и одинаково раздражаются, зачем он к ним не принадлежит. То же самое было и В. Шукшиным. Критики измучились, подыскивая для него соответствующую

литературную обойму, пока не стало ясным, что Шукшин - само по себе явление, и это не его нужно оценивать текущей литературой, а наоборот, ее саму измерять "раскасами" Шукшина. Фетисыч удерживал на себе пирамиду человеческих существований, а Б. Екимов, если угодно, уравнивает всю большую, исписавшуюся, лишившуюся царя в голове современную российскую словесность.¹⁴

- Но позвольте, - возражает мой умозрительный собеседник. - Только что вы заявляли, что иною она в нынешнем российском безвременьи и быть не может. А как же тогда с великой классической плеядой, выросшей на глуповских хлябях девятнадцатого века?

На это ответим следующим рассуждением: а почему, собственно, писать Народом, глуповскую плазму, не помнящую собственного родства? Народ есть то, что есть его вклад в культурную историю человечества. В бесследно исчезнувших скифах или обитателях острова Пасхи нам интересно только то, что они были создателями поразительного "звериного стиля" и замечательными каменными скульпторами. Израиль, ставший лоном одной из трех мировых религиозных цивилизаций, - это прежде всего тридцать девять книг Моисея, пророков и книжников-левитов. То же и Россия. Перефразируя Достоевского, "если бы кто мне доказал, что Пушкин, Лермонтов, Гончаров, Тургенев, Л. Толстой, Чехов не русские, и даже если бы в самом деле оказалось так, то я предпочел бы лучше остаться с ними, чем с Россией". Эти писатели воспринимаются великими не благодаря, но скорее вопреки "россиянству". Они не служили ни его патриотическим Перунам, ни его светским князьям, ни политической злобе дня, ни вообще чему бы то ни было, что не было нравственной мерой и истиною. И великие литературные эмигранты, покинувшие Совдепию, которая, кстати сказать, соблазняла их неслыханными (Горький, А. Толстой) посулами - это они, а не их сбрендившие соотечественники были на переломе веков Россией. И Блок, Есенин, Маяковский, ломавшие себя через колено... И Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Осип Мандельштам, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Михаил Зощенко, Юрий Олеша, Исаак Бабель, Михаил Булгаков, Андрей Платонов, Борис Пастернак... И Твардовский, Слуцкий, Шукшин, Василь Быков, Трифонов, Юрий Казаков, Рубцов, Высоцкий - все это в конечном итоге литература *сопротивления и несогласия*, и именно в этом, а не в чем-нибудь ином заключается ее родовое достоинство.

А то, что мы имеем сегодня, лишено этого качества напрочь. Я не об отдельных личностях, но, так сказать, о национальном литературном ве-

¹⁴ Размеры журнальной статьи не позволяют коснуться еще одного, во многих отношениях замечательного произведения современной русской прозы, а именно романа С. Яковлева "Письмо из Солигалича в Оксфорд" ("Новый мир", 1995, № 5). См. о нем: В.Сердюченко, Чаадаев из Солигалича. - "Нева", 1996, № 5.

ществе в целом говорю. Поиски истины сменилось в нем искательством, евразийство - азиопством, Шукшин и Трифонов - ерофеевыми и яркевичами, этими худшими, "ракитинскими" версиями российского писательства. В девятнадцатом столетии Россия существовала в виде собственной литературы, а на пороге двадцать первого ее и в этом качестве не осталось - вот и весь мой ответ умозрительному собеседнику.

Итак: лохматые разночинцы; эротоманы; вонмигласные патриоты; Витёк Erofeeff - вот реальные составляющие того, что называлось когда-то литературным процессом. Остальное вообще не поддается критической квалификации. "Пидарасы!" - закричал когда-то Хрущев посетив выставку модернистов в Манеже. Попади он на российский Парнас сегодня, он решил бы, что вообще сошел с ума. Русская литература на время прекратила течение свое. "Когда дом покинули великаны, в него, крадучись, пробрались карлики". Б. Екимов недавно отпраздновал свое 60-летие. С. Яковлев, автор "Письма из Солигалича в Оксфорд", по слухам, окончательно сменил писательское перо на молоток кровельщика. И смены им не предвидится. Точнее, *не предусматривается*. Сказано туманно, но меня поймут.

СОРАБИСТИКА В УКРАИНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В славяноведении сорабистика занимает особое место. И хотя ей и посвящено немало исследований, публикаций и обзоров, она до сих пор воспринимается как своеобразная “экзотика” в славистической науке¹. Причин здесь немало, и одна из главных – отсутствие во многих научных и учебных славистических центрах специальных подразделений, занимающихся этой проблематикой, что в определённой мере ограничивает её широкое развитие, присущее на современном этапе другим славистическим дисциплинам.

Наиболее известные ныне сорабистические центры находятся в Германии (Сербский институт в Будишине (Бауцене) и Институт сорабистики в Лейпцигском университете)², в Польше (Варшавский университет, Отдел славистики ПАН)³, в Чешской Республике (Карлов университет и Чешско-лужицкое общество)⁴, в России (Институт славяноведения и балканистики РАН) и в Украине (Институт славистики Львовского национального университета им. И.Франко)⁵.

В Украине сорабистика имеет давнюю историю и традиции, о которых в последние годы в различных славистических изданиях появилось

¹ Serbska bibliografija (1945–1995) Т.1–8, Budysin, 1959–1998; *Jaczwauk J.* Wendische (Sorbische) Bibliographie. Leipzig, 1929; *Моторный, В. Wjaclawk J.* Serbska bibliografija // Библиотечний вісник. №3. Київ, 2000.; Українська та російська сорабистика XIX–XX вв.(бібліографічний покажчик). Харків, 1993.

² *Шольце-Шолта Д.* Сорабистика сьогодні і у минулому // Питання сорабистики. Львів, 1999; *Шольце-Шолта Д.* Інститування сорабистики після Другої світової війни // Там само; *Scholze D.* Sorbisches Institut e.V. Bautzen. Herkunft und Standort // *Slavia Occidentalis*. 1994. Т.51. Сербский Институт издаёт научный журнал “*Lětopis*” и отдельные выпуски своих трудов.

³ Варшавский университет (Институт славянской филологии) издаёт сборник сорабистических исследований – “*Zeszyty Łużyckie*”. В 2000 г. вышел 30-й выпуск.

⁴ В Чешской Республике регулярно издаётся научно-популярный бюллетень “*Česko-lužický věstník*”, который начал выходить ещё в межвоенные годы. Кафедра славяноведения Карлова университета издала ряд сорабистических трудов Й.Паты, А.Фринты, Я.Петра, З.Урбана и др. учёных, а также в 1998 г. издан специальный сорабистический выпуск серии “*Práce z dějin slavistiky*”. Вып.20. Praha, 1998.

⁵ “Лужицькі Серби”. Львів, 1997. Институт издаёт специальный сборник “Питання сорабистики”. Сорабистические материалы печатаются также в межведомственном научном сборнике “Проблеми слов’язнознавства”, который издаёт Львовский университет.

несколько публикаций⁶. Это позволяет рассматривать заявленную тему в обзорном плане, затрагивая лишь её отдельные узловыe вопросы.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что львиная часть фактического материала, документирующая украинско-лужицкие связи (особенно это касается XIX в.), относится к западным регионам Украины (в частности, ко Львову), где эти связи проявились особенно заметно, что и позволяет сделать заключение о том, что в 20-30-е годы, а также в послевоенный период здесь постепенно сформировался центр украинской сорабистики.

Украинская сорабистика в самом широком значении этого слова имела и имеет несколько пластов в своём развитии, которые и определяют её основное общее содержание: это прежде всего научные исследования языка, литературы, истории лужицких сербов, а также преподавание в высшей школе сорабистических дисциплин. Обычно в это понятие входят также проблемы перевода произведений лужицких авторов на украинский язык и, конечно, весь комплекс связей и контактов учёных, литераторов, деятелей культуры, издателей, представителей общественности обоих народов и т.п.

Истоки сорабистики немецкие учёные относят обычно к XVI в., когда появились первые издания, посвящённые вопросам лужицких языков и серболужицкой истории, переводы книг (в частности Библии) на лужицкие языки⁷. Возраст сорабистики в Украине хотя и не восходит к эпохе гуманизма, также немалый – более 150 лет. Именно в середине XIX в. в Украине зародился интерес к Лужице, её народу и культуре. Конечно, этот период был различным по своей насыщенности связями и по количеству сорабистических публикаций. Более того, в XIX в., когда возникла сорабистика как наука, в России, в состав которой входила тогда и Украина, сорабистические исследования в большинстве своем велись в общем русско-украинском русле. Поэтому можно считать, что у истоков отечественной сорабистики стояли такие учёные, как И.Срезневский, В.Григорович, О.Бодянский, А.Котляревский, а в 90-е гг. и Т.Флоринский, которые работали в ун

⁶ Например, *Trofimowicz K. Wo serbsko-ukrainskich pośahach // Rozhľad, 1973. 27; Трофимович К. Успехи советской сорабистики // Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур: информационный бюллетень. Вып.12. Москва, 1985; Трофимович К. Радянська сорабістика: досягнення, головні завдання // Проблеми слов'язнавства. Вип.35. Львів, 1987; Моторний В. Сорабістика в Україні: підсумки та перспективи (80–90-ті рр.) // Питання сорабістики. Львів, 1999; Gugnin A. Krotki zarys sorabistyki w Sowjetskim Zwjazku a w Ruskej ро 1945 // Rozhľad. 1996. №9; Лужицькі Серби. Львів, 1997. Библиографию о литературных украинско-лужицких связях см. “Українська література в загальнослов'янському і світовому літературному контексті” (Київ, 1991. Т.4). См. также библиографию в книге “Лужицькі Серби” (Львів, 1997).*

⁷ Шольце Д. Сорабістика сьогодні і в минулому // Питання сорабістики. Львів, 1999. С.6.

иверситетских центрах Украины (Киев, Харьков, Одесса)⁸ или имели связи с украинскими учёными.

Другое крыло украинской сорабистики возникло на западных землях Украины, входивших в состав Австрии. Оно было представлено в XIX в. учёными и литераторами А.Торонским, Я.Головацким, а позже И.Франко, М.Драгомановым и другими. Большинство из них работало во Львове. Уже с 40-х годов XIX в. в украинской прессе появлялись публикации, посвящённые Лужице⁹.

В этот период установились непосредственные связи между украинскими и лужицкими деятелями культуры и науки Украины и Лужицы (например, Я.А.Смолера и Я.Головацкого¹⁰, О.Бодянского с лужицкими деятелями культуры, есть сведения о встрече Т.Шевченко и Я.А.Смолера, который приезжал в Россию¹¹ и т.д.). Тогда же появились и первые переводы лужицких авторов на украинский язык, которые, в силу ряда причин, печатались преимущественно в западноукраинской прессе, хотя часто принадлежали украинским писателям, живущим в Российской империи (так, например, П.Грабовский печатал свои переводы поэзии К.Б.Пфуля, Г.Зейлера, Я.Бука, М.Горника во львовской прессе¹²). Различные материа-

⁸ Трофимович К.К. “Записки про наріччя лужицькі” І.І.Срезневського // Проблеми слов’янознавства. Вип.41. Львів, 1990; Крюков А. Срезневський і серболужичани // Народна творчість та етнографія. 1975. №5; Прохоренко О. І.І.Срезневський – засновник вітчизняної сорабистики // Проблеми слов’янознавства. Вип.37. Львів, 1988; Лантева Л.П. Матеріали про лужицьких сербів у неопублікованому курсі лекцій професора Київського університету О.О.Котляревського // Питання сорабистики. Львів, 1999; Вялова С.О. Доля бібліотеки А.Кухарського // Проблеми слов’янознавства. Вип.48. Львів, 1996; Лазор О. Сорабистические интересы И.И.Срезневского // Lětopis. 1997. 41/2 (Budysin); Моторний В. Причинки до історії українсько-лужицьких культурних взаємин (XIX–середина XX ст.) // Letopis. 1997. 1/44 (Budysin); Лантева Л.П. Изучение лужицких сербов в Киевском университете в конце XIX–начале XX ст. // Letopis. 1991. 13–38 (Budysin); Vasiljevoá T. Z dějin rusko-českých vzájmnosti v 1 pol. XIX st. // Česko-lužický věstník. 1928. №2 (Praha); Лантева Л.П. Профессор Московского университета О.М.Бодянский и его связи с Лужицкими сербами // Lětopis. 1990. №37; Лантева Л.П. І.Прейс, В.І.Григоревич та лужицькі серби // Проблеми слов’янознавства. Вип.46. Львів, 1994.

⁹ Кравець Я., Моторний В. Сербська Лужиця в дзеркалі галицької преси XIX ст. // Проблеми слов’янознавства. Вип.41. Львів, 1990; Кравець Я. Деякі відомості про лужицьких сербів на сторінках галицької преси XIX ст. // Проблеми слов’янознавства. Вип.39. Львів, 1989.

¹⁰ Криль М., Моторний В., Трофимович К. Неизвестные документы о серболужицко-восточнославянских связях // Slavica Tartuensia. Вып.1. Тарту, 1985.

¹¹ Эти сведения опубликованы в 1994 году М.Фелькелем. См. “Лужицькі Сербі”. Львів, 1997. С.235.

¹² Лужицькі Сербі. Львів, 1997. С.236.

лы о жизни Лужицы публиковалась на страницах “Зорі”, “Діла”, “Правди”, “Зорі Галицької”, “Літературно-наукового вісника” и др., а перевод “лужицкой” главы из “Истории славянских литератур” А.Пыпкина и В.Спасовича был опубликован полностью в 1890 г. во Львове в журнале “Зоря”¹³. Существенный вклад в украинско-лужицкие связи конца XIX ст. внес Иван Франко, который в своих статьях многократно писал о Лужице¹⁴.

Одновременно и в лужицкой прессе в XIX в. появились публикации, посвящённые Украине (например, отклик на поэму Т.Шевченко “Гайдамаки” в журнале Я.П.Йордана)¹⁵. Лужицкий журнал “Lužičan” опубликовал на своих страницах переводы произведений украинского фольклора и отдельные произведения украинских авторов.

Архивные материалы, открытые украинскими и лужицкими сорабистами (К.Трофимовичем, В.Лучуком, М.Каспером, В.Моторным, С.Адаменко, О.Лазор и др.), новейшие публикации украинской и лужицкой прессы, переписка деятелей науки и культуры Украины и Лужицы (отдельные фрагменты переписки опубликованы)¹⁶ позволяют сделать вывод о том, что именно в 30–40-е гг. XIX века в Украине зародился живой интерес к лужицкой проблематике, появились переводы произведений лужицких авторов, установились личные связи между украинскими и лужицкими литераторами и учёными, и, таким образом, возникли предпосылки и условия для зарождения сорабистики не только как научного направления украинского славяноведения, но и как одного из факторов восприятия украинской общественностью духовной культуры серболужичан в целом. Такими были истоки и начальная стадия развития сорабистики в Украине в XIX в.

После Первой мировой войны наука о языке, литературе, истории серболужичан получила новые импульсы для своего развития не только в самой Лужице¹⁷, но и за её пределами, в том числе в Украине. Именно в межвоенные годы на ниве сорабистики в Украине было сделано немало, особенно в её западном регионе, входившем тогда в состав Польши. Во Львове плодотворно трудились в этой области украинские и польские

¹³ “Зоря. 1880–1897” (систематичний покажчик). Львів, 1988. С.157.

¹⁴ Моторний В., Лазор О. Иван Франко і Лужиця // Українська філологія: школи, постаті, проблеми. Т.1. Львів, 1999; Моторний В., Лазор О. Иван Франко і лужицька культура // Letopis. 1999. №2. Budyšin; Völkel M. Iwan Franko – nam daloki a bliski // Rozhľad. 1986. №12.

¹⁵ Лужицькі Серби. Львів, 1997. С.233.

¹⁶ См., например, Лазор О. Листи Кіто Лоренца львівським сорабістам // Питання сорабістики. Львів, 2000. С.198–202.

¹⁷ Шольце-Шолта Д. Сорабістика сьогодні і в минулому // Питання сорабістики. Львів, 1999. С.8.

учёные М.Грушевский, М.Возняк, К.Студинский, И.Свенцицкий, В.Ташицкий и др.¹⁸. В Советской Украине в эти годы учёные также разрабатывали в своих исследованиях лужицкую проблематику (например, Л.А.Булаховский), однако, к сожалению, эта отрасль славяноведения не нашла тут должного развития в эти годы в силу того, что учёные “не имели полного доступа к первоисточникам и достоверной информации о жизни, культуре, науке лужицких сербов из-за политики их изоляции...”¹⁹

Среди украинских публикаций этого времени, посвящённых Лужице, особенное внимание привлекает “лужицкая” глава книги Д.Дорошенко “Слов’янський світ в його минулому і сучасному”, которая вышла в Берлине в 1922 г. Глава была написана украинским учёным и политиком после его посещения Лужицы, где он познакомился с жизнью этого славянского народа, его деятелями науки и культуры. Эта публикация Д.Дорошенко стала, пожалуй, наиболее важным вкладом в украинскую сорабистику межвоенного периода²⁰. Д.Дорошенко опубликовал также интересный очерк о своём пребывании в Лужице в “Літературно-науковому віснику” во Львове в 1924 г.²¹.

Работа, которая ведётся в настоящее время библиографами Областной библиотеки над каталогом лужицких книжных изданий во львовских книгохранилищах, даёт возможность утверждать, что в библиотечных фондах и в частных собраниях уже в 20–30-е годы здесь было немало книг, изданных в Лужице²². Лужицкая книга во Львове свидетельствует об интересе украинской общественности к Лужице и её культуре, что, несомненно, содействовало развитию украинской сорабистики в этот период.

Вторая мировая война прервала развитие сорабистики не только в Украине, но и в других европейских странах. В Германии в 1937 г. были закрыты все лужицкие национальные организации, запрещена лужицкая пресса.

Возрождение сорабистики в Украине началось в 50-е годы, особенно этот процесс активизировался во Львове, где были ещё живы традиции

¹⁸ Моторний В., Лазор О. З історії львівської сорабістики міжвоєнного періоду // *Práce z dějin slavistiky*. Вип.20. Praha, 1998; Моторний В., Лазор О. Z kart sorabistiky w okresie międzywojennym // *Zeszyty Łużyckie*. 1998. ?24 (Warszawa).

¹⁹ Трофимович К. Радянська сорабістика: дослідження, головні завдання // Проблеми слов’янознавства. Вип. 35. Львів, 1987. С.109.

²⁰ Моторний В. Причинки до історії українсько-лужицьких культурних взаємин (XIX – середина XX ст.) // *L’etopis*. 1997. ????. 44/1 (Budysin).

²¹ Кравець Я. Маловідомий нарис Д.Дорошенка про Лужичан // *Слово і час*. 1993. №12.

²² Motornyj V. Lužickosrbská literatura v knihovně . F.Řehoře // *Česko-lužický věstník*. 2000. №2 (Praha); Motornyj W. W instytucie za słowjansku filologiju w Lwowje // *Rozhlad*. 1996. №2.

межвоенного периода. В это время появились публикации, в которых сорабистический материал входил в общеславянский контекст (труды И.Ковалька, К.Трофимовича, Л.Ройзензона и др.). Сорабистические сюжеты вводили в свои лекции профессора Львовского университета (И.Свенцицкий, И.Ковальк, К.Трофимович и др.). Постепенно в университете формировался сорабистический центр, координировавший не только научную, но и другие направления деятельности в этой отрасли (например, переводы лужицких авторов на украинский язык, связи с лужицкими научными, общественными и творческими организациями и пр.)²³. В результате, кроме научной и учебной сферы, плодотворно развивался художественный перевод. В 60-е годы появились переводы произведений лужицких авторов, осуществлённые выпускниками Львовского университета Д.Павлычко, Р.Лубкивским, В.Лучуком, И.Сварныком, Ю.Малявским, Е.Осечкиным и др.

С конца 50-х годов на кафедре славянской филологии Львовского университета начали работать ученики профессора И.Свенцицкого К.Трофимович и В.Моторный, которые продолжали сорабистические традиции своего учителя. Позже на кафедру пришли В.Моисеенко, Л.Васильева, А.Татаренко, а в 90-е годы – О.Лазор, С.Адаменко и другие преподаватели, занимавшиеся исследованием сорабистических проблем²⁴. К филологам присоединились представители исторической науки, которые напечатали ряд работ по истории Лужицы (В.Гордиенко, В.Чорний, Н.Ковальчук и др.).

Сорабисты университета активно налаживали контакты с учёными, литераторами, журналистами из Лужицы, которые собирали украинский материал для своих исследований и произведений. Лужицкие гости выступали перед студентами-славистами Львовского университета, публиковались во львовской прессе и т.п. В Украине, в частности во Львове, в 60–90-е годы побывали литераторы Б.Дырлих, Ю.Кох, Ю.Брезан, К.Лоренц, К.Кравц, Бено Будар, П.Фелькель, К.Малинкова и другие, учёные-сорабисты М.Каспер, Г.Фаска, М.Фелькель, Д.Шольце, И.Шеракова, Я.Шолчина, Л.Эла, П.Шурман, Г.Шустер-Шевц, Э.Пех, журналисты Е.М.Чорнакец, Х.Адам и др. Приезд лужицких учёных и деятелей культуры в Украину стимулировал развитие здесь сорабистических исследований, появление

²³ Дуличенко А. Львовский университет – центр советской сорабистики // Тартуский Государственный университет. 1984. 13 ноября; Чорний В. Сорабістика і сорабістичні семінари у Львівському університеті // Проблеми слов'язнавства. Вип.46. Львів, 1994; Гнатюк М. Сорабістичні студії в системі славістики в Львівському університеті // Лѣтопис.1994. 41/2 (Budyšin).

²⁴ Лазор О. Сорабістичні публікації на сторінках журналу “Проблеми слов'язнавства” // Питання сорабістики. Львів, 1999. Ср. также публикации в сборниках “Питання сорабістики”. (Львів, 1999, 2000).

переводов произведений лужицких авторов, организацию различных выставок (например, выставки лужицкой книги в Киеве)²⁵, активизацию сотрудничества между украинскими и лужицкими издательствами (например, “Веселка” в Киеве и “Домовина” в Будишине), проведение концертов лужицкой музыки и т.п.

В послевоенные годы сорабистические изыскания появились также в таких крупных научных центрах Украины, как Киев и Харьков (статьи Г.Вервеса, А.Ивченка, А.Проневича, О.Рыбалко, М.Павлюка и др). Украинские писатели и переводчики В.Лучук, Г.Кочур, Л.Первомайский, К.Гурницкий, М.Меденций, Р.Лубкивский, М.Ильницький. Я.Кравец и другие в послевоенные годы осуществили и опубликовали многочисленные переводы поэтических и прозаических произведений лужицких авторов, а также серболужицкого фольклора.

Значительное место в украинской сорабистике в 60-90-е годы продолжала занимать научная и популяризаторская деятельность учёных-славистов, в частности сорабистов Львовского университета имени И.Франко. Одним из ведущих учёных в этой области был доктор филологических наук, профессор К.К.Трофимович (1923–1993), который долгие годы руководил во Львовском университете кафедрой славянской филологии и много сделал для подготовки научных кадров в области сорабистики, а также для популяризации серболужицкой культуры в Украине. Перу профессора К.Трофимовича принадлежит фундаментальный “Верхнелужицко-русский словарь” (1974), монография “Серболужицкая литература” (1987), написанная в соавторстве с В.Моторным, очерк “Серболужицкий язык” (1989) и другие труды. Учёный написал десятки статей, посвящённых истории становления сорабистики и развития серболужицкого литературного языка, а также истории лужицкой культуры и литературы, общественно-политической жизни Лужицы, украинско-лужицким связям и контактам²⁶. К.Трофимович был одним из инициаторов проведения во Львовском университете сорабистических семинаров, которые впоследствии превратились в регулярные научные международные сорабистические форумы. Неутомимая, подвижническая научная, педагогическая и общественная дея-

²⁵ *Völkel M.* Kijewska wustajenca // *Nowa doba.* 1977. №260; *Моторний В., Трофимович К.* Виставка серболужицької книги // *Всесвіт.* 1978. №5.

²⁶ Список сорабистических трудов. К. Трофимовича опубликован в его персональной библиографии: Костянтин Костянтинович Трофимович. Львів, 1995, а также в научном сборнике *Lëtópis.* 1993. ?2. К.Трофимович был первым учёным, защитившим в 1978 г. докторскую диссертацию в СССР по проблемам сорабистики: “Становление и развитие верхнелужицкого литературного языка”. См., например, *Албул О., Васильева Л.* К.Трофимович – видатний український славіст // *Матеріали міжнародної конференції, присвяченої К.К.Трофимовичу.* Т.1. Львів, 1998; *Базюк Т.* Визначний дослідник серболужицької культури // *День.* 1998, 31 березня.

тельность К.Трофимовича оказала существенное влияние на развитие сорабистики в Украине и далеко за её пределами. Поэтому закономерно сделать вывод о том, что профессору К.Трофимовичу и его коллегам принадлежит львиная доля достижений украинской сорабистики в 60–90-е годы.

Весомыми эти достижения были прежде всего в научной сфере. За относительно небольшой срок резко увеличилось количество научных исследований в Украине, посвящённых вопросам сорабистики. По сравнению с эпизодическими публикациями, появлявшимися в этой сфере славяноведения в Украине в 20–50-е годы нашего века, наука о языке, литературе, истории и фольклоре серболужичан в 60–90-е годы сделала значительный шаг вперёд, о чём свидетельствует не только количество сорабистических публикаций в Украине, но и их научная значимость.

Заметных успехов достигли украинские литературоведы. В рамках бывшего Советского Союза впервые именно в Украине были опубликованы монографии и статьи, посвящённые литературному процессу на лужицких землях от его истоков и до современности²⁷. Десятки статей в области сорабистики в эти годы украинские авторы напечатали в продолжающемся научном издании “Проблеми слов’язнавства”²⁸, в научном сборнике “Лѣторіс” (ФРГ), в журналах “Всесвіт”, “Прапор”, “Жовтень”, в ряде газет и в других изданиях. Авторами этих публикаций были украинские сорабисты К.Трофимович, В.Лучук, В.Моторный, О.Лазор, А.Проневич, А.Ивченко, С.Адаменко, М.Гнатюк, А.Моторный, Л.Ройзензон, В.Чорний, В.Моисеенко, Л.Васильева, А.Татаренко, Я.Кравец и другие.

В этих публикациях исследовались разносторонние научные проблемы: верхне- и нижнелужицкого языков, лужицкого фольклора, литературы, истории и т.п. Особое место занимала тема украинско-лужицких связей в различных сферах духовной жизни обоих народов (статьи В.Моторного, К.Трофимовича, В.Лучука, В.Чорния, О.Паламарчук, М.Павлюка, Я.Кравца, Л.Васильевой и др.)²⁹. Первую в послевоенные годы обстоятельную статью, посвящённую Лужице, напечатал журнал “Народна творчість та етнографія”³⁰. В ней в научно-популярной форме излагались основные факты истории Лужицы, языка, литературы и культуры серболужичан. В связи с активным культурным украинско-лужицким диалогом, который

²⁷ Трофимович К.К., Моторний В.А. Нариси з історії серболужицької літератури. Львів, 1970; Моторний В., Трофимович К. Серболужицкая литература: история, современность, взаимосвязи. Львов, 1987 и др.

²⁸ Лазор О. Сорабистичні публікації на сторінках журналу “Проблеми слов’язнавства” // “Питання сорабистики”. Львів, 1999.

²⁹ Українська та російська сорабистика ХІХ–ХХ ст. (бібліографічний покажчик). Харків, 1993.

³⁰ Моторний В., Трофимович К. Західнослов’янський народ – лужичани // Народна творчість та етнографія. Кн.4. Київ, 1962.

особенно активизировался с середины 60-х годов, в широкой украинской прессе появилось немало и других материалов, репортажей, заметок, обзоров, рецензий и т.п., посвящённых Лужице³¹.

С середины 80-х годов заметную роль в развитии сорабистики как научного направления украинского славяноведения играли международные сорабистические семинары, которые регулярно проводят Львовский университет и Сербский институт в Будишине. В семинарах принимают участие учёные Германии, Украины, России, Белоруси, Чехии, Польши и других стран. За 17 лет (семинары проходят каждые два года с 1984 г.) на них выступили более ста учёных, прочитавших 163 доклада и сообщения, в которых подводились итоги исследований в области различных отраслей сорабистики: языкознания, литературоведения, истории, фольклора, этнографии, связей лужицкой культуры с культурами других народов и т.п. Семинары помогают объединить усилия сорабистов многих стран для решения актуальных проблем сорабистической науки³².

Важное значение для развития украинской сорабистики имеют связи с научными центрами в Германии, в частности с Сербским институтом в Будишине, с которым Львовский университет подписал Договор о сотрудничестве³³. Эти многолетние связи установились ещё в начале 60-х годов. Ныне Договор о сотрудничестве между Львовским национальным университетом им. И.Франка и Сербским институтом в Будишине не только регламентирует и координирует научные, учебные и иные связи между Львовом и Будишином, но и плодотворно влияет на все проявления украинско-лужицких контактов как в Украине, так и в Лужице (например, связи по линии творческих организаций, “Матицы Сербской” и Научного общества им. Т.Шевченко, издательств “Веселка” (Киев) и “Домовина” (Будишин) и т.п.).

³¹ *Горецький А.* Сербська Лужиця і ми // *Всесвіт*. 1973. №2; *Трофимович К.* Малий наш народ, але в нашій мові велика сила // *Пам'ятки України*. 1993. №1–6; *Мовчанюк Г.* Про них промовляють і Страбон, і Тацит, і Птолемей // *Хочу все знати*. Вінниця, 2000, 17 травня и др.

³² *Šolta D.* Znowa we Lwowje // *Serbske nowiny*. 1999, 12.XI; Е.Р. Ukrainsko-serbske kontakty pohľubšili // *Serbske nowiny*. 1999, 29.X; *Давид О.* Слов'янський острів // *Каменяр*. 1999. №10; *Сайчук А.* Найзахідніші слов'яни // *Поступ*. 1999, 29 жовтня; *Мартин І.* Що нас єднає з лужичанами // *Аудиторія (Львів)*, 1999. №30; *Татаренко А.* На межвузовском семинаре сорабистов // *Советское славяноведение*. 1986. №2; *Gajewski Z., Siatkowska E.* Dwa głosy ze Lwowa // *Zeszyty Łużyckie*. Т.29. Warszawa, 2000.

³³ *Trofimovič K.* Sowjetska sorabistika po l. 1945 a zhromadne dželo sowjetskich sorabistow z Institutom za Serbski ludospyt // *Lětopis*. 1992. №2, Официально Договор о сотрудничестве был подписан 16 сентября 1993 года на пять лет до 1997 года. 9 октября 1998 года он был продолжен на последующие пять лет до 2002 года. См. оригинал договора в Международном отделе Львовского университета.

Результаты усилий украинских сорабистов и их лужицких коллег в 60–90-е годы были достаточно эффективными, о чём свидетельствует, например, издание в Украине целого ряда книг, знакомящих украинскую научную общественность и широкий круг читателей с Лужицей, её народом, культурой и литературой.

В 1971 г. в Киеве издана “Поезія лужицьких сербів” – антология лужицкой поэзии (ей предшествовали публикации переводов в украинских журналах “Всесвіт”, “Прапор”, “Жовтень”), в которой были помещены 250 переводов на украинский язык произведений 40 лужицких авторов, а также образцы серболужицкого народнопоэтического творчества. Составили антологию В.Лучук и К.Трофимович, который написал также предисловие к книге – “Слово мужності і боротьби”. Киевское издательство “Дніпро” в 1984 г. выпустило в свет антологию лужицкого рассказа “Дивна любов”, в которой опубликовано 17 рассказов лужицких прозаиков. Составителями и авторами предисловия (“Слово нової Лужиці”) были львовские сорабисты К.Трофимович и В.Моторный. Переводы произведений лужицких поэтов и прозаиков осуществили литераторы-переводчики, сорабисты-учёные – Л.Первомайский, В.Лучук, О.Сенатович, Р.Лубкивский, Р.Иванычук, Г.Кочур, М.Петренко, И.Сварнык, Р.Братунь, Д.Павлычко. А.Волошак, Е.Осечкин, Р.Кудлык, М.Павлюк, К.Трофимович, Я.Кравец, О.Албул и другие. Эти две антологии, по существу, представляли украинскому читателю лучшие образцы классической и современной литературы Верхней и Нижней Лужицы (Ю.Мень, Г.Зейлер, Я.Барт-Чишинский, Я.Радысерб-Веля, Ф.Роха, Я.Скала, Ю.Брезан, Ю.Кох, К.Лоренц, Бено Будар, М.Виткойц, Ю.Новак и др.). Несколько позже В.Лучук в сборник переводов молодых поэтов Германии (“Зелений Гарц”, 1985) включил поэтическую антологию младшей генерации современной лужицкой литературы.

К.Трофимович и В.Лучук были также составителями и переводчиками антологии детской поэзии Лужицы (“Ластівка з Лужиці”. Киев, 1969). В 1989 г. в издательстве “Веселка” увидела свет авторская антология лужицкой детской литературы В.Лучука “Пташине весілля”. Оба сорабиста опубликовали также сборник лужицких пословиц и поговорок, где собрано свыше 800 образцов народной мудрости – “Серболужицькі прислів'я та приказки” (Киев, 1988). В Украине в эти годы вышел также сборник лужицких сказок “Лучинний П'єтр” (Киев, 1973), составителем и переводчиком которого был Д.Меденций и ряд других изданий.

Полезную инициативу в деле пропаганды в Украине лужицкой литературы проявила также редколлегия журнала “Всесвіт”, выпустив в 1982 г. специальный номер (№2), посвящённый Лужице. Отдельными изданиями вышли также переводы лужицких авторов (например, Ю.Брезана “Чорний млин” в 1976 г., а несколько позже его известная трилогия – “Гимназисты”, “Семестр потерянного времени”, “Пора зрелости”).

Таким образом, в 60–90-е годы лужицкая литература, благодаря украинским сорабистам, получила в Украине широкий резонанс.

Эти годы были “насыщены” также научно-популярными изданиями, из которых украинский читатель мог узнать об истории, культуре, языке, литературе, фольклоре, обычаях серболужичан. В 1997 г. во Львове опубликовано пособие по народоведению “Лужицькі Серби”, написанное совместно украинскими и лужицкими учёными. Это первый обстоятельный труд в постсоветском славяноведении, в котором впервые по-новому освещены многие вопросы общественной и культурной жизни лужицких сербов. Особое место в монографии отведено украинско-лужицким связям от их истоков до нынешнего времени. Книга получила признание международной общественности³⁴.

Среди изданных в Украине книг, посвящённых лужицкой литературе, следует назвать два издания, в которых впервые детально исследована история лужицкой словесности. Первая – “Нариси історії серболужицької літератури” (Львов, 1970) – представила украинским читателям историю малоизвестной ему литературы от её народных истоков и до 70-х годов XX века. Через несколько лет вышло второе, дополненное издание – “Серболужицкая литература: история, современность, взаимосвязи” (Львов, 1987), в котором характеристика лужицкого литературного процесса дана до 80-х годов. Монографические разделы книги посвящены творчеству выдающихся лужицких авторов (Ю.Меня, Г.Зейлера, Я.Барта-Чишинского, М.Андрицкого, М.Виткойц, Я.Скалы, Ю.Хежки, Ю.Брезана, К.Лоренца, Ю.Коха и др.). Отдельная глава раскрывает связи серболужицкой литературы с литературами России, Украины, Белоруси. Монография получила положительную оценку как в Лужице, так и за её пределами, а её авторы (К.Трофимович и В.Моторный) были удостоены литературной премии “Домовины”³⁵.

Лужицкой литературе и культуре посвящены: обзор литературного процесса в Лужице, написанный В.А.Моторным и К.К.Трофимовичем для восьмитомной “Истории всемирной литературы”³⁶, главы об истории литературы с подробной библиографией, помещённые в пятитомном издании – “Українська література в загальнослов'янському та світовому

³⁴ *Мушинка М.* Енциклопедія про лужицьких сербів // За вільну Україну. 1998, 22 січня; *Кріль М.* Сербський люд українською мовою // Народознавчі зошити (Львів), 1997. №6; *Mudra J.* Лужицькі серби // *Česko-lužický věstník*. 1998. ?4.

³⁵ Ср., например, *Nowa Doba*. 1988. №232. Рецензии на книгу см. *Völkel M.* Wo serbskich literarnych stawiznach // *Předznamenak*. 1987, 29 VIII; *Ермакова М.* История серболужицкой литературы на русском языке // Информ. бюллетень ЮНЕСКО. Вып. 21. Москва, 1990 и др.

³⁶ *Трофимович К., Моторный В.* Серболужицкая литература // История всемирной литературы. Т.6. Москва, 1989. Т.8. Москва, 1994.

літературному контексті»³⁷, брошура, изданная Львовским университетом, о развитии серболужицкой культуры в XVIII-XIX ст.³⁸, раздел в фундаментальном издании о славянских культурах, посвященный Лужице и т.п.³⁹. Статьи об украинско-лужицких литературных и культурных связях, опубликованные в различных славистических изданиях, впервые приоткрыли занавес над контактами в этой области между Украиной и Лужицей. Авторы этих публикаций – В.Лучук, К.Трофимович, В.Моторный, О.Лазор и др.⁴⁰ – привели в своих работах новые факты и материалы, обнаруженные ими в архивах, свидетельствующие о многогранности контактов между украинским и лужицким народами. Безусловно, культурное сотрудничество и связи между Украиной и Лужицей – это путь в двух направлениях. В предлагаемом обзоре приведены лишь некоторые сведения, касающиеся восприятия лужицкой культуры, жизни Лужицы в целом в Украине. За пределами обзора остались многочисленные факты, иллюстрирующие интерес лужицких сербов к жизни украинского народа, к его культуре, литературе, языку. Этот пласт сорабистики очень значителен и о нём в последнее время писали как украинские, так и лужицкие учёные⁴¹.

Обзор достижений украинской сорабистики был бы неполным без обозначения – хотя бы пунктиром – ближайших планов сорабистов Украины. В рамках Договора о сотрудничестве между Львовским национальным университетом им. И.Франко и Сербским институтом в Будишине началась подготовка к проведению IX Международного сорабистического семинара, который состоится во Львове в октябре 2001 года. Группа сорабистов с Украины заявила своё участие в международной конференции, посвящённой 50-летию Сербского института (Будишин, май 2001 г.). К этой дате Львовские сорабисты готовят к изданию “Каталог лужицких книжочек у фондах львівських бібліотек та в приватних книгозбірнях”. Выявлено более 2000 книжных изданий, среди которых целый ряд раритетных. Особенно богатые собрания лужицких книг хранятся в фондах библиотеки им. В.Стефаника НАН Украины, в Научной библиотеке Львовского универси-

³⁷ Українська література в загальнослов'янському і світовому літературному контексті. Т.2, 4, 5. Київ. 1987–1994.

³⁸ Моторний В., Трофимович К. Історія серболужицької культури (XVIII–XIX ст.). Львів, 1991.

³⁹ Трофимович К., Моторний В. Серболужицкая культура // Становление национальной классики и культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Москва, 1991.

⁴⁰ Українська література в загальнослов'янському і світовому літературному контексті. Т.4–5. Київ, 1994; Українська та російська сорабістика XIX–XX ст. Харків, 1993.

⁴¹ В книзі “Лужицькі Сербі”. (Львов, 1997) приведена бібліографія цих публікацій.

тета, в Областной научной библиотеке, в коллекциях К.Трофимовича, В.Лучука, В.Моторного и др. К сожалению, не удалось включить в каталог уникальное книжное собрание профессора И.Свенцицкого (его библиотека ещё полностью не разобрана) и некоторые другие собрания учёных-славистов. Издание каталога, несомненно, активизирует научные исследования в области сорабистики.

Сорабисты Института славистики Львовского университета и Сербского института в Будишине приступили к работе над новым проектом – сборником документов, отражающих украинско-лужицкие контакты во всех областях политической и культурной жизни. В это издание войдут прозаические и поэтические произведения лужицких и украинских авторов, посвящённые Украине и Лужице, переписка украинских и лужицких деятелей культуры, заметки в украинской и лужицкой прессе о жизни в Украине и Лужице и т.п., а также архивные материалы (например, документы, относящиеся к жизни в Лужице из архива генерал-губернатора Саксонии в 1813–1814 гг. Н.В.Репнина, архив которого хранится во Львове, и другие документы).

Немаловажную роль в дальнейшем укреплении украинско-лужицких связей играет подготовка молодых кадров сорабистов в Украине. Сорабистический центр при Институте славистики Львовского университета уже издал несколько учебных пособий по лужицкому языку и литературе, вышли из печати и словари (например, Украинско-лужицкий К.Трофимовича в 1993 г.) и т.д. Всё это позволило с 90-х годов ввести для славистов-филологов учебные курсы по серболужицкому языку и литературе (С.Адаменко, В.Чорний, В.Моторный, О.Лазор, Н.Вус). В университете защищены дипломные работы по сорабистике (Н.Гончарова, Н.Вус, О.Савка). В Украине осуществляется подготовка сорабистических кадров высшей квалификации: в 1999 г. защищена кандидатская диссертация С.Адаменко, посвящённая верхнелужицкому языку (руководители Г.Фаска и В.Моторный), готовится к защите во Львовском университете кандидатская диссертация О.Лазор об украинско-лужицких научных и культурных связях (руководители В.Чорний, В.Моторный), кандидатскую диссертацию, посвящённую сорабистике, пишет аспирантка кафедры славянской филологии О.Савка и пр.

Большую помощь в подготовке сорабистов в Украине оказывает Львовскому университету Сербский институт в Будишине. Благодаря этой помощи, в Лужице имели возможность стажироваться и работать в библиотеках и архивах украинские слависты К.Трофимович, В.Моторный, С.Адаменко, О.Лазор, В.Чорний, М.Гнатюк, А.Моторный, О.Савка, Н.Вус и другие, что, несомненно, способствовало активизации сорабистических исследований в Украине. Всемирную помощь украинским славистам оказывают профессор д-р Д.Шольце (Сербский институт), д-р М.Фелькель (Матица Сербская),

Б.Дырлик (Круг сербских деятелей искусства, редактор газеты “Serbske powiny”), учёные, деятели культуры, писатели Г.Фаска, М.Каспер, Я.Шолчина, И.Шеракова, Бено Будар, Кито Лоренц, Ю.Кох, Х.Адам, К.Кравц, Л.Бударева и многие другие. Творческое сотрудничество связывает украинских сорбистов с “Матицей Сербской”, членами которой являются А.Ивченко и В.Моторный.

Таким образом, украинско-лужицкие контакты в послевоенные годы активно развиваются по разным линиям, охватывая всё новые и новые области культуры и общественной жизни обоих народов, что даёт нам право надеяться на плодотворное развитие этих связей в будущем.

Sorbistik in der Ukraine: Geschichte und Aktualität

Zusammenfassung

Im vorliegenden Beitrag werden die Quellen und Entwicklung der wissenschaftlichen Forschungen in der Ukraine im Bereich Geschichte, Sprache und Literatur der Lausitzer Sorben charakterisiert. Der Begriff „Sorbistik“ wird im Beitrag nicht im engen rein wissenschaftlichen Sinn verwendet sondern in einem viel breiteren: er umfaßt einen ganzen Problemkreis – wissenschaftliche Publikationen, Übersetzungen der lausitzer Autoren ins Ukrainische, Kontakte und Mitarbeit der ukrainischen und lausitzer Vertreter der Wissenschaft und Kultur. Anschließend wird die Bibliographie der wichtigsten ukrainischen Veröffentlichungen über Lausitz angeführt.

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА,
ОБРАЗУЮЩАЯСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
(экспериментальное исследование)

Введение. Овладение вторым (иностранном) языком не происходит сразу. Вторая языковая система не появляется в одно мгновение, рядом с системой родного языка. Как известно, процесс затягивается надолго. В методике преподавания иностранных языков отмечается несколько этапов: начальный этап в овладении иностранным языком, средний этап, продвинутый этап, высший этап. На каждом из этих этапов (исключая, возможно, последний, который предназначен сигнализировать о том, что система второго языка уже сложилась), учащийся пользуется не «настоящим» иностранным языком, а языком, который всего лишь называется иностранным языком. В иностранном языке, на котором говорит учащийся (пробует говорить), присутствует много элементов от родного языка. В то же время совершенно ясно, что это и не родной язык, ведь, все-таки, на этом языке учащийся может общаться с представителями иностранного языка. Приходится признавать, что это - третий язык, система которого обладает свойствами (и элементами) как родного, так и изучаемого иностранного языка.

Проблема «третьего языка» была предметом обсуждения в лингвистической литературе. (Краткий обзор этой литературы см. Федосов 1998). Данный язык назывался по-разному: «промежуточный язык», «интерь-язык», «язык-посредник», «переходная система», «система-посредник», «аппроксимативная система» и т.д. Нами употребляется термин «переходная система», кратко: ПС.

Применительно к венгерско-русскому двуязычию, вопрос о промежуточной системе (ПС) (и о методике работы с ней при обучении иностранному языку), по-видимому, впервые поставил Ф. Папп. Он писал: «Система с ошибками – это тоже система, в нашем случае русско-венгерская система (произношения, порождения форм, порождения фраз и т.д.). «Исправлять ошибки» – это не что иное, как постепенно приближать эту русско-венгерскую систему к собственно русской системе. Соответственно, «объяснять какое-то явление русского языка» означает в практике преподавания русского языка иностранцам не объективное изложение данной части русской грамматики, а изложение этой части русской грамматики с учетом постоянного воздействия русской грамматики на сознание учащихся» (Папп 1968: 7).

Специально описание русско-венгерской промежуточной системы (ПС), применительно к фонетической ее части, была предпринята нами (Федосов 1997). Способы воздействия на эту систему, в целях приближе-

ния ее к системе изучаемого русского языка, составляющие лингвометодическую основу преподавания русского языка (в частности, фонетики русского языка) в венгерской аудитории, исследовались в диссертации автора (Федосов 1999).

1. Составные части эксперимента.

Особенности лингвометодического эксперимента. Экспериментальное исследование промежуточной системы (ПС), образующейся у носителя венгерского языка, изучающего русский язык, до сих пор не производилось. Что касается других языков (не венгерского), то тоже, как кажется, специальных экспериментов, тем более оформленных строго по процедуре эксперимента, со статистическими выкладками, с лингвистическим, системным анализом материала (ведь надо доказать и то, что образующаяся у студента “промежуточная система”, - это система, а не случайное скопление языковых элементов) – тоже не проводилось.

То, что мы ниже называем экспериментом, является обыкновенным “методическим экспериментом” (Леонтьев 1969; Гурвич 1970; Экспериментальные следования 1975; Штульман 1976; Готтсданкер 1982) - со всеми его, к сожалению, недостатками, из которых самым главным является невозможность в условиях обучения последовательно изолировать переменные, составляющие гипотезу; освободить независимую и зависимую переменные от влияния на них многих других, посторонних факторов.

При исследовании проблемы ПС приходится иметь дело с целым комплексом переменных, которые тесно переплетаются друг с другом, из которых, однако, не все представляют интерес для исследования. Прежде всего отметим следующие переменные:

1. русские	→ система русского языка
2. венгры	→ система венгерского языка
3. венгры, изучающие русский язык	→ венгерско-русская ПС
4. русские, изучающие венгерский язык	→ русско-венгерская ПС

Из данных двух множеств переменных (из которых первое, независимое множество отражается во второе, зависимое множество) надо выделить только одну составную часть, а именно: “венгры, изучающие русский язык → венгерско-русская ПС”, которая, однако, тоже представляет собой отражение одного множества в другое, а именно: множество венгерских студентов во множество ПС, так как ПС от одного студента к другому несомненно варьирует, например:

1. венгерский студент 1 -> 1-ый вариант ПС

2. венгерский студент 2 -> 2-ой вариант ПС
3. венгерский студент 3 -> 3-ий вариант ПС и т.д.

Надо, однако, полагать, что, применительно к одному и тому же студенту, на начальном этапе обучения имеет место одна ПС, на среднем этапе - другая, на высшем - третья, а значит:

1. начальный этап -> ПС1
2. средний этап -> ПС2
3. высший этап -> ПС3

Однако наиболее важный характер имеет то отношение, которое касается непосредственно элементов ПС, их взаимоотношения друг с другом в системе. В этот состав отображаются элементы сразу двух систем - родного языка студента и изучаемого языка, причем отображение это происходит в следующей последовательности: сначала система родного языка (независимая переменная) отображается в систему иностранного языка (зависимая переменная), затем результат этого отображения (как независимая переменная) отображается в ПС (зависимая переменная). Разобраться в этих отношениях, последовательно их изолируя друг от друга, а также от многих других, сопутствующих отношений, в методическом эксперименте нелегко.

Трудно быть строго уверенным и в статистической стороне методического эксперимента: сколько надо привлечь испытуемых, сколько лингвистического материала надо “задействовать”, чтобы получить гарантированные выводы. Эта сторона методического эксперимента тоже остается в методике малоработанной.

Однако методический эксперимент несомненно полезен в том отношении, что его логическая форма помогает более обстоятельно проанализировать проблему, а используемый в эксперименте фактический материал (разложенный “по полочкам”) помогает хорошо проиллюстрировать проблему.

Если провести проблему ПС по всем этапам, по которым должен проходить методический эксперимент (выдвижение гипотезы, уточнение понятий, выявление независимой и зависимой переменных, анализ уровня подготовки студентов, анализ их ошибок при использовании языка, проведение контрольных работ, анализ этих работ, анализ статистических выкладок и пр.), то проблема (гипотеза) действительно может оказаться детально проанализированной и в значительной мере доказанной, причем - как в теоретическом отношении (с использованием логики эксперимента), так и в практическом отношении (с использованием большого количества фактического материала). Возможные неточности в результатах можно

оправдать тем, что исследуемый предмет, в силу его особой природы, не поддается точным измерениям.

Задача эксперимента. Задачей эксперимента было исследование **фонетической ПС** у венгерского студента на начальном этапе изучения русского языка. Конкретнее, задача состояла в исследовании двух частей фонетической системы - ПС гласных звуков и ПС согласных звуков. Предварительно формулировались две соответствующие гипотезы, “предсказывающие” состав этих двух подсистем.

В задачу эксперимента входило также и то, чтобы выявить ПС в двух ее **субъективных вариантах**: 1) ПС с точки зрения восприятия ее русским слушателем (для чего привлекался информант с родным русским языком); 2) ПС с точки зрения осознания ее венгерским говорящим (для чего привлекается информант с родным венгерским языком). В большинстве случаев эти два варианта ПС совпадали - в таком случае ПС обнаруживалась в своем объективном варианте. В случае же расхождения субъективных вариантов, следовало бы привлечь для использования специальную технику (осциллографы и пр.) для того, чтобы установить, какой из субъективных вариантов соответствует “объективной действительности”. Для экспериментальной фонетики это имеет принципиальное значение. Для методики преподавания иностранных языков принципиальное значение имеют субъективные варианты, ведь язык используется говорящими (в том числе и учащимися, и даже преподавателем, общающимся с учащимся) в соответствии с их субъективным восприятием языка, так же, как это имеет место в естественных условиях общения - между “рядовыми” говорящими.

Испытуемые. В качестве испытуемых в эксперименте принимали участие венгерские студенты 1-ого курса (первого семестра), только что поступившие (1998 г.) в Педагогический вуз г. Ньиредьхаза (Восточная Венгрия, см. *Федосов 1998-в*) изучать русский язык, чтобы через 4 года получить диплом преподавателя русского языка в школе.

В эксперименте участвовало 24 студента - примерно одинакового (как показывало предварительное тестирование, которое здесь, в работе не представлено) уровня владения русским языком.

Экспериментаторы. В качестве экспериментатора выступал автор настоящей работы, он же - преподаватель практической фонетики в охарактеризованной выше группе венгерских студентов - испытуемых. Родным языком экспериментатора является русский, что позволяло ему использовать себя в качестве информанта в данном исследовании. Правиль-

ность-неправильность русского произношения венгерских студентов естественным образом оценивается только русским слушателем.

Но подобно тому, как венгерские студенты, говоря по-русски, находятся под влиянием родного венгерского языка, - русский слушатель, при восприятии русской речи венгерского студента, тоже находится под влиянием своего родного русского языка, который не всегда позволяет ему точно услышать то, что произносится венгерским студентом. Преподаватель не составляет исключения, несмотря на то, что в процессе преподавания фонетики, он, конечно, приобретает неплохой фонетический слух. Встречаются такие фонетические позиции в русском слове (о них будет идти речь ниже), которые, произнесенные венгерским студентом под влиянием родного венгерского языка, русскому слушателю, под влиянием родного русского языка, трудно правильно воспринять. В таком случае экспериментатор должен привлекать на помощь технические средства, например осциллограф и пр. Но дело в том, что в естественных условиях общения, да и в искусственных условиях обучения, осциллографы при восприятии речи не применяются. Общение осуществляется по законам субъективной фонетики. Эту субъективную фонетику и надо исследовать. Чтобы описать ПС в двух субъективных вариантах и требовался еще один информант - с родным венгерским языком.

Если русский информант оценивал произношение венгерского студента с точки зрения **восприятия** его речи русским слушателем, то венгерский информант (им был преподаватель русского языка д-р К.Кишш) мог оценить произношение венгерского студента с точки зрения **производства** этой речи венгром. В большинстве случаев оценки (квалификации) двух информантов совпадали. Например, русский информант слышал, что венгерский студент в русском слове *стол* произносит не русское [Л], а венгерское [L], и венгерский информант подтверждал этот факт. Но иногда в небольшом числе случаев оценки двух информантов расходились. Так, в слове *если* русский информант слышал уже не венгерское [L], а русское мягкое [ЛГ], в то время как венгерский информант считал, что студент и здесь произносится венгерское [L]. Русский слушатель услышал в слове *если* мягкое [Л] потому, что находился под влиянием законов русского языка: перед [И] любой русский согласный произносится мягко, тем более что венгерский [L] по твердости-мягкости находится не строго посередине между [Л] и [ЛГ], а ближе к [ЛГ]. Венгерский же информант услышал в слове *если* свое венгерское [L] - именно то, что намеревался произнести венгерский студент (в венгерском языке согласные перед [И] не смягчаются).

Экспериментальный материал. Венгерским студентам было предложено прочитать на русском языке текст, насыщенный трудными для

венгра русскими звуками речи. Эта трудность определялась не путем предварительных “экспериментальных срезов”, а с учетом опыта экспериментатора - преподавателя практической фонетики (автора настоящей работы), который преподавал данный учебный предмет венгерским студентам в течение долгого времени. Материал для данного эксперимента взят из фонетических упражнений двух учебных пособий, составленных автором и проверенных им в процессе преподавания фонетики (Федосов 1988; Федосов 1997). Впрочем, текст для эксперимента можно было использовать совершенно любой, однако, насыщенный соответствующими фактами, да еще упорядоченный по определенным группам, он проще анализировался.

В текст были введены повторы одних и тех же слов (с одними и теми же звуками речи), чтобы предупредить случайное произношение звуков речи студентами, а самое главное - случайное восприятие произнесенного звука информантами.

Ниже приводится полностью этот текст. Первый абзац текста насыщен трудным для венгра гласным звуком [Ы], второй абзац - трудными согласными звуками Л и [Л], третий абзац - трудными мягкими губными согласными, четвертый - с шипящими [Ж], [Ш]. Разумеется, в тексте употребляются все русские гласные и согласные.

Если бы не “бы”, выросли бы грибы, да все белые бы. Если руки мыли вы, если руки мыли мы, если руки вымыл ты, значит, руки вы-мы-ты. С нами - вы, вы, вы, с вами - мы, мы, мы.

Ул-ул-ул, вот стол, а вот стул. Оль-оль-оль, поднесли гостям хлеб-соль. Король - орёл, орёл - король. Я долго думал, думал, ветер дунул, я забыл, о чем думал.

Пёк, пёк, пёк - и пирог испёк; пёк, пёк опять - испёк еще пять. Как говорит кошка: мё-мё или мяу-мяу? Кошка говорит: мяу-мяу. Петя пил пил пил пень. Опять пять ребят нашли пять опят. На языке мед, а под языком лед. Спят ли волки? - Спят, спят. - Спят ли дети? - Спят. Спят. Все на свете спят, спят.

Дружба дружбой, а служба службой. Чужим умом долго не проживешь. Поспешишь - людей насмешишь.

Экспериментатор, раздав текст студентам (испытуемым), предварительно прочитал его, обратив внимание студентов на написание букв, слов и др., чтобы предупредить неверное чтение этих слов, букв. Затем студенты, без дополнительного чтения и изучения текста, прочитали этот текст на магнитофон (каждый студент на свой магнитофон в лингафонном кабинете), в том темпе, в каком могли прочитать. О том, что они участвуют в эксперименте, им не сообщалось. Было обычное занятие по практической фонетике (второе занятие в семестре). Студенты предварительно не прохо-

дили корректировки звуков речи. Экспериментатор затем переписал магнитные записи со студенческих магнитофонов на свой магнитофон и, вместе с венгерским информантом, занялся их расшифровкой, по несколько раз прослушивая записи и отражая в протоколе произношение каждым венгерским студентом всех звуков речи во всех словах текста.

Процедура работы с материалом. Процедура работы с экспериментальным языковым материалом вытекала из особенностей гипотезы о фонетической ПС - ведь надо было доказывать эту гипотезу.

В соответствии со сказанным выше, гипотеза о фонетической ПС венгерского студента, изучающего русский язык на начальном этапе, формулировалась следующим образом. Фонетическая ПС состоит 1) из звуков речи, **общих** для двух фонетических систем (ядро ПС), а также 2) из **венгерских** звуков речи, которыми венгерский студент заменяет русские звуки речи (периферия ПС).

Это значит, что если предложить венгерскому студенту читать русский текст, то 1) одни звуки речи в этом тексте он, с точки зрения информантов, будет произносить без изменения - так же, как их произносит русский (эти звуки являются общими для двух систем и входят в ядро ПС); 2) другие звуки речи студент, с точки зрения информантов, будет заменять иными звуками: либо общими звуками (из ядра ПС), либо венгерскими звуками (из периферии ПС).

Процедура работы с материалом, таким образом, была следующая. В русском тексте, прочитанном венгерскими студентами, выделялись 1) звуки речи, которые произносились **без изменения** и 2) звуки речи, на месте которых студент произносил **другие звуки**, 3) эти последние фиксировались в сопоставлении (рядом) с замененными русскими звуками. В фонетическую ПС затем должны были включаться 1) звуки речи, оставшиеся без изменения, а также 2) те из зафиксированных в произношении венгерских студентов звуков, которые не относились в 1-ым звукам.

Результаты эксперимента

Организация данных эксперимента. Протокол, в котором регистрировались результаты эксперимента, представлял собой таблицу, в которой слева перечислялись слова, в которых специально выделялись буквы (звуки), произнесенные студентом не так, как их произнес бы русский. Иначе говоря, были выделены буквы (звуки) которые были заменены у венгерского студента другим звуками. Эти последние регистрировались посредством венгерских букв, которые записывались рядом с замененными русскими буквами (звуками). Сверху таблицы по горизонтали, в строку слева направо, назывались студенты, производившие эти замены. С

использованием данного протокола можно было изучать варьирование ПС от одного студента к другому (кстати, варьирование очень незначительное, свидетельствующее о том, что, на заданном этапе изучения иностранного языка, ПС у разных студентов является в основном тождественной).

Однако сначала необходимо было изолировать “студенческую” переменную, усреднив студенческие ответы с использованием статистики (процентов). **Независимой** переменной необходимо было сделать множество русских слов - как их произносит русский (в таблице слова записывались русскими буквами). **Зависимой** переменной должно быть множество тех же русских слов, но - в произношении венгерских студентов (записывались слова венгерскими буквами), но не целиком, а в той их части, которая была произнесена венгерским студентом не так, как ее произнес бы русский, обычно - это отдельные звуки (буквы). Именно это отображение двух множеств (а не весь протокол) и представлен ниже в качестве результатов эксперимента, на материале которого и обсуждаются затем проблемы ПС.

Заметим, что слова в левом столбце - это слова, в которых выражается русская фонетическая система, а слова в правом столбце - слова, выражающие ПС, которой руководствовался венгерский студент, произнося русские слова. Незримо присутствует здесь и третья система - венгерская, которая предварительно отобразилась в русскую систему, оставив в качестве результата - ПС студента. Выводы о составе ПС можно делать только с учетом всех этих отображений.

Ниже в левом столбце перечисляются русские слова – с выделением в них букв, которые венгерскими студентами были произнесены неправильно. Сразу после каждого из этих слов указывается правильное произношение выделенных букв.

В правом столбце называются венгерские звуки речи, посредством которых венгерские студенты заменяли, в своем произношении, правильные русские звуки. Здесь же указывается процент студентов, произведших эту замену, - сначала по свидетельству русского информанта («рус.»), а затем – по свидетельству венгерского информанта («вен.»).

Например в слове *если* (см. слово под номером 1) венгерские студенты неправильно произносили русскую букву Л, которая здесь по-русски звучит как мягкий согласный [Л'] (см. сразу после слова). Вместо данного русского звука венгерские студенты произносили свой, венгерский («средний» по твердости-мягкости) согласный [L], который записан в таблице сразу после русского звука. Здесь же указывается, что русский информант («рус.») отметил эту замену у 16.7% венгерских студентов, что означает, что остальные студенты (83.3%) произнесли правильно [Л'] (процент правильных ответов в таблице специально не регистрируется). Венгерский информант («вен.») – у всех венгерских студентов (100 %)

отметил произношение венгерского звука [L]. Расхождение в показаниях двух информантов объясняется субъективизмом в восприятии ими произносимого студентами звука. Дело в том, что в русском языке любой согласный перед гласным [И] всегда является мягким – русский слушатель поэтому всегда «готов» услышать именно этот мягкий согласный, вследствие чего число венгерских студентов, произносивших русский согласный неправильно, у русского информанта сократилось. Напротив, венгерский информант, под влиянием родного венгерского языка, в котором согласный перед [И] не смягчается, «готов» услышать у студента венгерский звук [L], в результате чего число неправильных случаев произношения русского согласного у венгерских студентов, по свидетельству венгерского информанта, увеличилось. Заметим, что этот субъективизм возможен даже у тех информантов-венгров, которые хорошо владеют русским языком, и у тех информантов-русских, которые хорошо осведомлены в фонетике венгерского языка. Но в большинстве случаев, как можно видеть из таблицы, показания двух информантов совпадают.

Прокомментируем еще один пример. В левом столбце под номером 2 помещено русское слово «бЫ» – с выделением в нем буквы Ы, которая венгерскими студентами произносилась неправильно. Сразу же после слова записано русское произношение буквы – звук [Ы], а затем, напротив, в правом столбце, – венгерский звук [I], которым венгерские студенты заменяли русский звук [Ы]. Далее называется процент студентов, которым было свойственно такое произношение: по свидетельству русского информанта («рус.») – 90 % (остальные 10% студентов, по мнению русского информанта, произнесли правильно – [Ы]). Что касается венгерского информанта («вен.»), то он в этом случае давал разные показания: у одних студентов (в большинстве случаев) он отмечал произношение I (как и русский информант), у других – произношение [E], у третьих – [Ö, Ó], у четвертых – [Ü, Ú], что в процентах не дифференцировалось. Не исключалось, что венгерский информант правильное произношение [Ы] мог принять за [Ö, Ó], [Ü, Ú], а русский информант – произношение [Ö, Ó], [Ú, Û] мог принять за правильное произношение [Ы].

Сводная таблица результатов.

Русское произношение. Отступление в сторону венгерского произношения (произношение в промежуточной системе)

1. есЛи	[Л]	[L]	16.7% рус., 100% вен.
2. бЫ	[Ы]	[I]	90% рус., [I, E, Ö, Ü] вен.
3. не бЫ,	[Ы]	[I]	80% рус., [I, E, Ö, Ü] вен.
4. вЫросЛи	[Ы]	[I]	85.7% рус., [I, T, Ö, Ü] вен.;

	[Л]	[L]	71.4% рус., 100% вен.
5. бЫ	[Ы]	[I]	86.3% рус., [I, E, Ö, Ü] вен.
6. гРибЫ,	[Р]	[R]	18.2% рус., 100% вен.;
	[Ы]	[I]	81.8% рус. [I, E, Ö, Ü] вен.
7. да вСе	[С]	[SZ]	74.4% рус., 82.6% вен.+ [SZJ] 4.3% рус.вен.
8. БелЫе	[Б]	[B]	95.6% рус., 100% вен.;
	[Л]	[L]	100% рус. вен.
	[Ы]	[I]	39.1% рус., [I, E, Ö, Ü] вен.
9. бЫ	[Ы]	[I]	86.9% рус., [I, E, Ö, Ü] вен.
10. есЛи	[Л]	[L]	17.4% рус., 100% вен.
11. РуКи	[К]	[K]	26.1% рус., 100% вен.
12. мЫЛи	[Ы]	[I]	100% рус. вен.;
	[Л]	[L]	100% рус. вен.
13. вЫ	[Ы]	[I]	91.3% рус. [I, E, Ö, Ü] вен.
14. есЛи	[Л]	[L]	21.7% рус., 100% вен.
15. руКи	[К]	[K]	17.4% рус., 100% вен.
16. мЫЛи	[Ы]	[I]	100% рус. вен.;
	[Л]	[L]	100% рус. вен.
17. мЫ	[Ы]	[I]	95.6% рус., [I, E, Ö, Ü] вен.
18. есЛи	[Л]	[L]	21.7% рус., 100% вен.
19. руКи	[К]	[K]	13% рус., 100% вен.
20. вЫмЫЛ	[Ы]	[I]	95.6% рус. I 95.6% рус.;
	[Л]	[L]	100% рус. вен.
21. тЫ	[Т]	[t]	100% рус вен.;
	[Ы]	[I]	56.5% рус., [I, E, Ö, Ü] вен.
22. значИт	[Ч]	[CZ]	100% рус. вен.
23. руКи	[К]	[K]	21.7% рус., 100% вен.
24. вЫ	[Ы]	[I]	95.6% рус., [I, E, Ö, Ü] вен.
25. мЫ	[Ы]	[I]	100% рус. вен.
26. тЫ	[Т]	[t]	91.3% рус. 100% вен.,
	[Ы]	[I]	95.6% рус. [I, E, Ö, Ü] вен.
27. с наМи	[М]	[M]	13% рус., 100% вен.
28. вЫ, вЫ, вЫ	[Ы]	[I]	95.6% рус., [I, E, Ö, Ü] вен.
29. с ваМи	[М]	[M]	13% рус., 100% вен.
30. мЫ, мЫ, мЫ	[Ы]	[I]	95.6% рус. [I, E, Ö, Ü] вен.
31. уЛ, уЛ, уЛ	[Л]	[L]	100% рус. вен.
32. воТ стол,	[Т]	[t]	13% рус., 100% вен.;
	[Л]	[L]	100% рус. вен.
33. а воТ	[Т]	[t]	13% рус., 100% вен.;

34. стуЛ	[Л]	[L]	100% рус. вен.
35. оЛь, оЛь	[Л]	[L]	79.2% рус.вен., [J] 20.8% рус. вен.
36. поДнесЛи	[А]	[О]	4.1% рус. вен.;
	[Л]	[L]	45.8% рус., 100% вен.
37. гоСтям	[А]	[О]	8.3% рус. вен.
38. Хлеб	[Х]	[Н]	100% рус. вен.; [L] 100% рус. вен.;
	[П]	[В]	70.8% рус. вен.;
39. соЛь	[Л]	[L]	100% рус. вен.
40. коРоЛь	[А]	[О]	8.3% рус. вен.;
	[Л]	[L]	87.5 % рус. вен., [J] 12.5% рус. вен.
41. оРёЛ	[А]	[О]	8.6% рус. вен.;
	[Р]	[R]	39.1% рус. вен., [RJ] 60.9% рус. вен.
	[Л]	[L]	100% рус. вен.
42. коРоЛь	[А]	[О]	8.6% рус. вен.;
	[Л]	[L]	91.3% рус. вен., [LJ] 8.7% рус. вен.
43. я доЛго	[Л]	[L]	100% рус. вен.
44. думаЛ	[Л]	[L]	100% рус. вен.
45. думаЛ	[Л]	[L]	100% рус. вен.
46. Ветер	[В]	[V]	17.4% рус., 100% вен.
47. дунуЛ	[Л]	[L]	100% рус. вен.
48. я забЫЛ	[Ы]	[I]	100% рус., [I,E,Ö,Ü] вен.;
	[Л]	[L]	100% рус. вен.
49. о Чем	[Ч]	[CZ]	100% рус. вен.
50. думаЛ	[Л]	[L]	100% рус. вен.
51. Пёк, Пёк	[П]	[PJ]	56.5% рус.вен. [P] 43.5% вен.
52. и ПироГ	[П]	[P]	100% вен.вен.
	[К]	[G]	66.7% рус. вен.
53. исПёк	[П]	[PJ]	29.1% рус. вен.,[PO] 4.2% рус. вен., [P] 66.7% вен.
54. Пёк, Пёк	[П]	[PJ]	37.5% рус. вен., [P] 62.5% вен.
55. оПять	[П]	[PJ]	95.8% рус. вен, [P] 4.2% вен.
56. исПёк	[П]	[PJ]	41.7% рус. вен., [P] 58.3% вен.
57. еЩё	[Щ]	[S]	12.5% рус. вен., [CZ] 87.5% рус. вен.
58. Пять	[П]	[PJ]	79.2% рус. вен., [P] 20.8% вен.
59. говоРит	[Р]	[R]	100% вен.
60. коШка	[Ш]	[S]	100% рус. вен.
61. Мё-Мё	[М]	[MJ]	33.3% рус. вен., [M] 66.7% вен.
62. иЛи	[Л]	[L]	20.8% рус., 100% вен.
63. Мяу-Мяу	[М]	[MJ]	26.1% рус. вен., [M] 4.3% рус., [M] 73.9% вен.

64. коШка	[Ш]	[S]	100% рус. вен.
65. говоРит	[P̣]	[R]	100% вен.
66. Мяу-Мяу	[Ṃ]	[MJ]	26.1% рус. вен., [M] 73.9% вен.
67. Петя	[П̣]	[P]	69.6% рус., 100% вен.
68. ПиЛил	[П̣]	[P]	86.9% рус., 100% вен.;
	[Л̣]	[L]	100% рус. вен.
69. ПиЛой	[П̣]	[P]	95.6% рус., 100% вен.;
	[Л̣]	[L]	95.4% рус., 100% вен.
70. Пень	[П̣]	[P]	95.6% рус., 100% вен.
71. ОПять	[A]	[O]	4.3% рус. вен.,
	[П̣]	[PJ]	100% рус. вен.
72. Пять	[П̣]	[PJ]	100% рус. вен.
73. РеБят	[P̣]	[R]	100% вен.;
	[Б̣]	[BJ]	100% рус. вен.
74. наШЛи	[Ш]	[S]	100% рус. вен.;
	[Л̣]	[L]	43.5% рус., 100% вен.
75. Пять	[П̣]	[PJ]	100% рус. вен.
76. оПят	[П̣]	[PJ]	100% рус. вен.;
	[T]	[TY]	65.2% рус. вен.
77. на ЯзыКе	[ЙИ]	[JA]	4.3% рус. вен.;
	[Б̣]	[I]	100% вен.;
	[К̣]	[K]	8.7% рус. 100% вен.
78. МёД	[Ṃ]	[MJ]	39.1% рус. вен.,
			[M] 13.4% рус., 47.5% вен.;
	[T]	[D]	47.8 рус. вен.
79. пОд	[A]	[O]	8.6% рус. вен.
ЯзыКом	[ЙИ]	[JA]	4.3% рус. вен.;
	[Б̣]	[I]	100% вен.
79. ЛёД	[Л̣]	[L]	4.3% рус., 4.3% вен.,
			[LJ] 91.4% рус. вен.;
	[T]	[D]	47.8% рус. вен.
81. сПят	[П̣]	[PJ]	82.6% рус. вен., [P] 13% рус.,
			13.1% вен.; [SZJ] 4.3% рус. вен.;
	[T]	[TY]	13% рус. вен.
82. Ли	[Л̣]	[L]	100% вен.
83. воЛКи	[Л̣]	[L]	100% рус. вен.;
	[К̣]	[K]	100% вен.
84. сПят	[П̣]	[PJ]	81.8% рус. вен., [SZJ] 9.1% рус. вен.,
			[P] 9.1% вен.
	[T]	[TY]	36.4% рус. вен.
85. сПят	[П̣]	[PJ]	59.1% рус. вен., [SZ] 9.1% рус. вен.,

		[P]	13.6% рус., 31.8% вен.;
	[T]	[TY]	18.2% рус. вен.
86. Ли	[Л]	[L]	27.3% рус., 100% вен.
87. пЧеЛКи	[Ч]	[CS]	100% рус. вен.;
	[Л]	[L]	100% рус. вен.;
	[К]	[K]	100% вен.
88. сПяТ	[П]	[PJ]	72.7% рус. вен., [SZJ] 4.5% рус. вен.,
		[P]	4.5% рус., 22.8% вен.;
	[T]	[TY]	31.8% рус. вен.
89. вСе	[С]	[SZ]	4.5% рус., 100% вен.
90. на сВете	[В]	[V]	13.6% рус., 100% вен.
91. сПяТ	[П]	[PJ]	90.9% рус. вен., [P] 9.1% вен.;
	[T]	[TY]	50% рус. вен.
92. друЖба	[Ж]	[ZS]	100% рус. вен.
93. друЖбОй	[Ж]	[ZS]	100% рус. вен.;
	[А]	[O]	85% рус. вен.
94. слуЖба	[Ж]	[ZS]	100% рус. вен.
95. слуЖбОй	[Ж]	[ZS]	100% рус. вен.;
	[А]	[O]	75% рус. вен.
96. ЧуЖЫм	[Ч]	[CS]	100% рус. вен.;
	[Ж]	[ZS]	100% рус. вен.;
	[Ы]	[I]	100% вен.
97. умом доЛго	[Л]	[L]	100% рус. вен.
98. проЖИВёШь	[Ж]	[ZS]	100% рус. вен.;
	[Ы]	[I]	100% вен.;
	[В]	[VJ]	47% рус., [V] 53% вен.;
	[Ш]	[S]	100% рус. вен.
99. пОсПеШИШь	[А]	[O]	12.5% рус. вен.;
	[П]	[P]	100% вен.;
	[Ш]	[S]	100% рус. вен.;
	[Ы]	[I]	100% вен.;
	[Ш]	[S]	100% рус. вен.
100. Людей	[Л]	[L]	75% рус. вен., [L] 25% рус. вен.
101. насМеШИШь	[М]	[M]	100% вен.;
	[Ш]	[S]	100% рус. вен.;
	[Ы]	[I]	100% вен.;
	[Ш]	[S]	100% рус. вен.

Обсуждение результатов эксперимента применительно к промежуточной системе гласных звуков

Гипотеза о ПС гласных звуков. Для того, чтобы сформулировать конкретно гипотезу о ПС гласных звуков венгерского студента, изучающего русский язык, необходимо сопоставить системы гласных звуков двух языков путем “наложения” одной системы на другую. При выявлении общей и различных частей двух систем требуется **системный анализ** звуков речи - с точки зрения того, какие материальные (артикуляционные) различия между гласными звуками (дифференциальными признаками) являются функциональными (смыслоразличительными), а какие - не функциональными (несмыслоразличительными), при этом, поскольку речь идет о ПС, образующейся у **венгерского** студента, говорящего на **русском** языке (а не о ПС русского студента, говорящего по-венгерски), постольку функциональный (смыслоразличительный) характер звуков речи надо определять в **русских** (а не в венгерских) словах (с точки зрения слушателя-информанта).

Сравним последовательно все русские и венгерские гласные с учетом их 1) материальных (артикуляционных) и 2) функциональных (смыслоразличительных - в русских словах) признаков. Гласные двух языков будут считаться **общими** для двух систем (и включаться в ядро ПС), если они материально близки и функционально тождественны. В противном случае они будут составлять **различия** между языками (и, возможно, могут быть включены в периферию ПС).

Так, русский гласный [И] и венгерский гласный [I] близки друг к другу тем, что оба являются гласными переднего ряда (верхнего подъема). И хотя венгерский [I] имеет более переднюю артикуляцию, чем русский [И] (*Котлев-Пето 1984*), функционально они тождественны. Например, русское слово *ива* при венгерском “исполнении” гласного [И] не становится для русского слушателя (информанта) другим по смыслу словом.

Венгерский [U] и русский [У] тождественны потому, что оба являются гласными заднего ряда (верхнего подъема). И хотя венгерский гласный является более лабиализованным, чем русский, функционально они тождественны. От того, что венгерский студент произнесет в русском слове *тут* венгерское, сильно лабиализованное U, смысл слова (для русского слушателя) не изменится.

Аналогичное надо сказать о венгерском [O] и русском [О] – тождественных с точки зрения артикуляции (заднего ряда среднего подъема). Хотя венгерский гласный более лабиализованный, чем русский, функционально эти два гласных тождественны. Русское слово *тот*, произнесенное венгерским студентом с венгерским, более лабиализованным [O], для русского слушателя (информанта) смысла не изменяет.

Венгерское [E] и русское [E] тоже близки друг к другу материально: оба эти звука переднего ряда. И хотя венгерский [E] - нижнего подъема, а русский [E] – среднего, это артикуляционное различие не влияет на их функциональное тождество. Если венгерский студент произнесет русское слово *шесть* с венгерским [E] (нижнего подъема, широкое), то смысл слова (для русского информанта) не изменится.

Артикуляционно близки венгерский долгий [Á] и русский гласный [A]. Оба заднего ряда нижнего подъема. И хотя венгерский долгий гласный имеет более заднюю (и более нижнюю) артикуляцию, чем русский [A], смысловых различий, в связи с этим, не появляется. Если венгерский студент произнесет русское слово *там* с венгерским [Á] (более задним и более нижним, да еще и более долгим, чем русский [A]), то смысл слова для русского слушателя (информанта) останется прежним.

Совсем иное дело - венгерский краткий [A], который, в отличие от русского [A], является лабиализованным; русский слушатель (информант) воспринимает венгерский краткий [A] как русский [O]. Если венгерский студент произнесет вышеупомянутое слово *там* с венгерским кратким [A], то русский слушатель (информант) воспримет это слово как другое слово - *там*. То, что материально венгерский краткий [A] и русский [A] во многом тождественны (задний ряд, нижний подъем), оказывается, таким образом, несущественным перед функциональным различием этих гласных.

Материальный признак “долгота-краткость”, являющийся функциональным в венгерском языке, в русском языке таковым не является. Поэтому в общую зону (в ядро ПС) можно включать на правах вариантов как долгий, так и краткий венгерский гласный. Главное, чтобы количественное различие у гласных не связывалось с качественным различием, какое, например, имеется между долгими и краткими гласными в венгерских парах [E-É], [A-Á]. В общую зону включается тот венгерский гласный (независимо от того, долгий он или краткий), который по артикуляции ближе к соответствующему русскому гласному и функционально от него не отличается.

Так, русский [A], как уже сказано, ближе по артикуляции к венгерскому долговому [Á] - этот последний и включается в общую зону, тем более, что и функционально они тождественны. Из венгерской пары по долготе - краткости [E-É] в общую зону включается краткий гласный [E], несмотря на отмеченное выше различие по артикуляции от русского [E]. Венгерский же долгий [É] воспринимается русским слушателем (информантом) как русское [И]. Если вышеупомянутое русское слово *шесть* венгерский студент произнесет с венгерским [É], то это слово для русского слушателя (информанта) прозвучит как непонятное по смыслу “*шисть*”.

В тех случаях, когда внутри венгерских пар по долготе-краткости нет качественного (по артикуляции) различия, а именно [I-Iː], [O-Ó], [U-Ú],

в общую зону (ядро ПС) включаются оба звука, образующие пару, несмотря на их количественное различие. Функционально в русских словах эти звуки тождественны. Каждое из слов *Tut, tot, тут* русский слушатель (информант) воспринимает как одно и то же, независимо от того, долго или кратко прозвучит в них гласный.

Что касается венгерских гласных [Ö-Ő], [Û-Ű], то их материальное отличие от русских гласных настолько существенное, что русский слушатель не узнает в них ни одного русского гласного, а если узнает, то – совсем не те, которые можно было ожидать. Так, когда венгерский студент, не умея произнести русский гласный [Ы], произносит вместо него в русском слове гласный [Ö-Ő] (потому, что на месте [Ы] венгерский студент слышит [Ö-Ő]), то русский слушатель (информант) этот звук либо не воспринимает, либо, воспринимая, отождествляет его вовсе не с [О], а с [И] или [Ы]. Короче, не только материально, но и функционально данные венгерские гласные остаются вне общей зоны языков, составляя отличительную зону венгерского языка - вместе с рассмотренными выше гласными [É], [А]. Отличительную же зону русского языка составляет только один гласный – [Ы]. Сравнительный анализ двух систем см. на таблице 1.

Таблица 1 Сравнение русских и венгерских гласных
Венгерский язык

Передний ряд		Средний ряд	Задний ряд	
[Ö]	[É]	[I=I']	[U=Ű]	
[Û]	[Ő]	[E]	[O=Ó]	[A]
	[Ű]		[Á]	
		[Ы]		
Русский язык				

На основе анализа двух фонетических систем надо предполагать, что гласные, входящие в общую зону, составляют ядро ПС, а гласные, образующие отличие языков, могут войти в периферию ПС. Однако гласный [Ы], составляющий отличие русского языка, на начальном этапе изучения языка, может не войти в ПС; периферию ПС могут составить только венгерские гласные - те, с которыми венгерский студент отождествляет [Ы], а именно [Ö=Ő], [Ű=Û]. Венгерские гласные [É], [А] скорее всего не могут войти в периферию ПС, так как с ними венгерский студент не может отождествить [Ы], да и для русского слушателя (информанта) они предстают не как [Ы], а как (соответственно) [О], [И]. Впрочем, вместо гласного [Ы]

венгерский студент может употреблять и один из общих гласных - из ядра ПС, например [I=I'].

Короче, гипотеза о ПС гласных звуков венгерского студента, изучающего русский язык на начальном этапе, формулируется следующим образом.

Ядро ПС состоит из 5 гласных [I=I'], [O=Ó], [U=Ú], [E], [Á], а периферия ПС - из 2 гласных [Ö=Ő], [U=Ú].

Подчеркнем еще раз, что как ядро ПС, так и периферия ПС состоят из гласных, которые на начальном этапе изучения артикуляционно являются венгерскими гласными, но функционально эти гласные - всегда русского языка.

Гипотеза о ПС гласных в потоке речи. Наряду с парадигматикой звуков существует и синтагма тика звуков, выражающая употребление звуков в потоке речи.

Изменения в потоке речи зависят прежде всего от того, с какой скоростью этот поток протекает. Если, например, русский говорит быстро, то изменения гласных звуков могут происходить существенные, в том числе и качественного характера; если - медленно, то изменений может быть меньше. Применительно к преподаванию русского языка как иностранного можно выделить: 1) быструю (нормально быструю) речь, в которой появляются редуцированные гласные [Ъ] (очень краткий [Ы]) и [Ь] (очень краткий [И]); 2) медленная (нормально медленная речь), в которой редуцированные [Ъ] и [Ь] не появляются. Венгерский студент, говоря по-русски, тем более - на начальном этапе, говорит медленно. В соответствии с таким темпом, в его русской речи закономерно не появляются редуцированные гласные. Значит, изменения типа [И - Ъ], [О - Ъ], [А - Ъ] в русской речи венгерского студента могут исключаться, и ниже они не рассматриваются.

Применительно к русскому языку, в связи с изменением гласных в потоке речи, необходимо выделить две позиции: 1) “ударный - безударный”, 2) “после твердого согласного - после мягкого согласного”. В русском языке в этих позициях в слове гласные могут качественно заменяться, в то время как в венгерском языке - остаются без изменения. В этом отношении в двух языках тоже выделяются общая и различные зоны.

В общую зону включаются гласные, которые во всех позициях в слове в обоих языках не изменяются. Это следующие гласные: [I=I'], [Á], [U=Ú]. Отличительные зоны двух языков составят: [E], [O], которые в венгерском языке качественно не изменяются, а в русском - изменяются: 1) после твердых согласных имеют место изменения: [O-A] (*ст[о]л - ст[а]лы*), [E-Ы] (*ш[э]сть - ш[ы]сти*), а после мягких согласных - изменения: [O-И] (*п[о]к - п[и]ки*), [E-И] (*б[е]л - б[и]леть*). В ядро ПС должны входить общие для двух языков свойства гласных - неизменение глас-

ных; периферию могут составить свойства как русских гласных (их изменение), что на начальном этапе изучения языка маловероятно, так и свойства венгерских гласных (их неизменение), что более вероятно.

В итоге гипотеза о синтагматической части ПС венгерского студента, изучающего русский язык на начальном этапе, формулируется следующим образом.

Ядро ПС состоит из качественно не изменяющихся в русских словах 3 гласных: [I=I'], [Á], [U=Ú], а периферия ПС - из качественно неизменяющихся в русских словах 2 гласных: [E], [O=Ó].

Таким образом, гипотеза о ПС гласных складывается из двух частей: 1) гипотеза о парадигматической ПС гласных, 2) гипотеза о синтагматической ПС гласных. Доказываются эти гипотезы вместе, так как парадигматические и синтагматические свойства гласных тесно связаны друг с другом.

Результаты проверки гипотезы о ПС гласных. Каждый из 24 испытуемых прочитал (произнес) свыше 100 русских слов. Следующие гласные произнесены ими в 100% случаев без изменения (как после твердых, так и после мягких согласных):

[И] - в словах: ел[и], выросл[и], гр[и]бы, рук[и], мыл[и], знач[и]т, с нам[и], с вам[и], п[и]рог, [и]спек говор[и]т, [и]л[и], п[и]л[и], п[и]лой, нашл[и], волк[и], л[и];

[Е] - в словах: [е]сли, вс[е], б[е]лые, П[е]тя;

[О] - в словах: в[о]т ст[о]л, с[о]ль, кор[о]ль, д[о]лго, пир[о]г, к[о]шка, в[о]лки, пч[о]лки, п[о]к, исп[о]к;

[А] - в словах: дум[а]л, з[а]был, [а]п[а]ть, п[а]ть, м[а]у, Пет[а], н[а]шли, н[а], сп[а]т, дружб[а], служб[а];

[У] - в словах: ст[у]л, д[у]мал, д[у]нул, мя[у], др[у]жба, сл[у]жба, ч[у]жим, [у]мом.

Это значит, что перечисленные 5 гласных присутствуют в ПС студента, которая “работала” у него, когда он произносил русские слова. Реализовывались эти гласные не в русском варианте произношения, а в венгерском, именно как гласные [I=I'], [E], [Á], [O=Ó], [U=Ú] (3 гласных могли выступать как в долгом, так и в кратком варианте, что не имело смысловых последствий в русских словах). Произношение русского и венгерского вариантов в произношении в функциональном плане - в русских словах - не являлось релевантным. Создается только акцент (венгерский) в произношении русских слов (не влияющий на смысловозначение).

Единственный русский гласный, который заменялся в русских словах со смысловыми последствиями, - это гласный [Ы]. Замена эта происходила в подавляющем большинстве случаев. Русский информант замечал эту замену как замену [Ы] на [И].

Так, слово *в[ы]* встретилось в тексте 5 раз, и в 89.6% случаев венгерские студенты, с точки зрения русского информанта, заменили [Ы] на [И]. Слово *м[ы]* тоже встретилось в тексте 5 раз, и в 96.9% случаев венгерские студенты заменили [Ы] на [И]. Слово *т[ы]* тоже встретилось в тексте 5 раз, и в 76.6% случаев [Ы] было заменено на [И]. Слово *б[ы]* встретилось 4 раза - в 86.8% случаев [Ы] было заменено на [И]. См. замены [Ы] на [И] в других словах: *заб[ы]л* 100%, *м[ы]ли* 100%, *в[ы]м[ы]л* 95.6%, *в[ы]росли* 85.7%, *гриб[ы]* 81.8%.

Почему в некоторых случаях замена [Ы] на [И] происходит не во всех 100% случаев? Возможны две причины.

Во-первых, иногда студент произносит [Ы] правильно (не заменяя [Ы] на [И]), особенно в местоимении *т[ы]*, так как эти слова употребляются очень часто, и студенты стремятся произнести их правильно. Во-вторых, в некоторых фонетических позициях, например после “широких” венгерских [З], [С], например в словах *на яз[ы]ке, под яз[ы]ком* (в безударном положении) русский информант не слышит замены [Ы] на [И], т.е. слышит [Ы], хотя венгерский студент, по свидетельству венгерского информанта, здесь не произносит [Ы]. В слове *бел[ы]е* русский информант тоже иногда не слышал замену [Ы] на [И] (услышал только в 39.1% случаях).

Заметим, что указанные выше проценты - это, как сказано, свидетельство русского информанта. В некоторых случаях венгерский студент, по свидетельству венгерского информанта, произносил не [I=I'], а [E], [Ö=Ö], [Û=Û].

В целом же нет сомнения в том, что русский гласный [Ы], составляющий отличие русской системы, пока не входит в ПС гласных “усредненного” венгерского студента (у отдельных студентов эпизодически [Ы] входит в периферию ПС).

Что касается синтагматической части ПС “усредненного” венгерского студента, то в нее, в ее периферию, уже вошли основные правила русской синтагматики. Так, в 100% случаев в словах *[а] чем, [а] пять, долг[а], г[а]в[а]рит, не пр[а]живешь* гласный после твердого согласного в безударном положении редуцировался в [А]. В словах же *выр[а]сли* (4.8%), *п[а]днесли* (4.1%), *г[а]стям* (8.3%), *[а]рел* (4.3%), *к[а]роль* (8.3%) *п[а]д языком* (8.6%), как можно видеть, переход [О] в [А] осуществлен в подавляющем большинстве случаев, что применительно к “усредненному” студенту надо рассматривать как факт вхождения этого правила в ПС.

Аналогичное наблюдается в речи студентов и с безударными гласными после мягких согласных. В словах *вет[и]р, на свет[и], [йи]ще* правильное произношение [И] вместо [Е] отмечено в 100% случаев, в слове *на [йи]зыке* - 95.7% ([И] вместо [А]).

Исключение составляют два слова *дружб[ъ]й, служб[ъ]й*, в которых [О] не изменяется в [А] в большинстве случаев - соответственно 85%

и 75%, возможно – потому, что этот переход относится не к основе слова, а к его окончанию, что косвенно свидетельствует о том, что редукция русских гласных в безударном положении слова усваивается иностранцами не как фонетический закон (для всех слов), а – применительно к каждому отдельному слову.

Выводы о ПС гласных звуков. Результаты эксперимента доказывают справедливость выдвинутой выше (на основе обстоятельного предварительного анализа двух систем) гипотезы о ПС гласных звуков.

Как и было сказано в гипотезе, ядро ПС гласных, на начальном этапе изучения языка, образуется из 5 венгерских гласных: [E], [I=I'], [U=Ú], [O=Ó], [Á] (различие гласных по долготе не является фонологическим). Периферия ПС, в отличие от ядра ПС, является “размытой”, в нее возможно вхождение венгерских гласных [Ö=Ő], [Û=Ű], заменяющих русский гласный [Ы] у тех студентов, которые еще не усвоили [Ы] (в большинстве случаев [Ы] заменяется гласными [I=I'], [E], входящими в ядро ПС). У студентов, усвоивших [Ы], этот гласный и составляет периферию ПС.

Поскольку речь идет о ПС студента, постольку ее надо формулировать, прежде всего, с позиции студента. С этой точки зрения ПС на начальном этапе в основном состоит из венгерских гласных. Но продукты речи, произведенные студентом с помощью ПС, предназначены прежде всего для русского слушателя, поэтому ПС надо формулировать также и с позиции русского слушателя. В этом случае в периферийной части ПС студента могут оказаться венгерские гласные, например [Ö=Ő], [Û=Ű], которые русским слушателем будут восприниматься как гласные из ядра ПС - как, например, [И]. На таблице 2 представлена ПС венгерского студента с его собственной позиции. ПС венгерского студента с позиции русского слушателя выглядит несколько иначе, в ней нет гласных [Ö=Ő], [Û=Ű], а гласный [E], возможно, является не нижнего, а среднего подъема. Впрочем, все гласные ПС венгерского студента воспринимаются русским слушателем в русском варианте. Правда, иногда он слышит и венгерский вариант, и тогда он говорит об акценте в произношении венгерского студента.

Таблица 2 Промежуточная система гласных.

Подъем:	Передний ряд		задний ряд	
Верхний	[I=I']			[U=Ú]
Средний		[Ö=Ő], [Û=Ű]		[O=Ó]
Нижний	[E]		[Á]	
	нелаб.	лабиал.	Нелаб.	Лабиал.

В синтагматической части ПС ядро, по данным эксперимента (как это и формулировалось в гипотезе), образуется из гласных, которые при изменении слова в потоке речи качественно не изменяются: [Á], [I=I´], [U=Ú]. Периферия синтагматической ПС образуется уже не из венгерских правил изменения гласных, а из русских: безударное [O] после твердых согласных изменяется в [A], а безударные гласные [E], [A] после мягких согласных изменяются в [И] (возможно, что это касается только основы слов, в окончаниях же слов действует венгерское правило - отсутствие указанных изменений гласных).

Обсуждение результатов эксперимента применительно к промежуточной системе согласных звуков.

Гипотеза о ПС согласных звуков. Если основываться на высказанных в предшествующих разделах положениях о ПС, то гипотезу о ПС согласных звуков у венгерского студента, изучающего русский язык на начальном этапе, надо сформулировать так. Ядро ПС согласных состоит из общих для двух языков согласных, а периферия ПС - из согласных, присутствующих венгерскому языку.

Чтобы сформулировать конкретно гипотезу о ПС согласных венгерского студента, изучающего русский язык, необходимо сравнить системы согласных двух языков - “наложить” одну систему на другую, так чтобы обнаружились общая и различные части в этих системах.

Таблица 3. Сравнение русских и венгерских согласных.

	Венгерский язык			
			Тверд.	Мягк.
Губные				
				[B´]
				[П´]
				[M´]
				[B´]
Зубные (рус.), альвеоляр.(венг.)	[F]			[Ф´]
	[D]	[GY]		
	[T]	[TY]		
	[N]	[NY]		
	[Z]			[З´]
	[SZ] [C]			[C´]

	[L]			[Л]	[Л]
Переднеязычные		[R] [S] [ZS]			[P̣] [Щ̣]
			[Ч]		
Среднеязычные			[Ж]		
Заднеязычные (венг. Н гортан.)		[G] [K] [H]			[Г̣] [К̣] [Х̣]

Русский язык

Приведем таблицу 3 сравнения русских и венгерских (таблица приведена в книге: Федосов 1997. Описание сравнения русских и венгерских гласных см. в книгах: Федосов 1988, 1997-а), которое сделано с учетом дифференциальных признаков, в отношении которых обнаруживаются наиболее важные различия между языками, прежде всего с учетом признака “твердость - мягкость”. В таблице указано на различие между языками также в отношении признаков “зубной - альвеолярный” (русские зубные соответствуют венгерским альвеолярным согласным), “язычный - гортанный” (русский [X] - язычный, венгерский [H] - гортанный). Но, в отличие от признака “твердость - мягкость”, выполняющего в русских словах смысло-различительную роль, другие названные признаки являются несмыслоразличительными в русских словах

Такие признаки согласных, как “звонкость - глухость”, “смычность – фрикативность”, “лабиальность - нелабиальность” при сравнении двух систем специально не учитывались: в обоих языках они представлены одинаково.

Отождествление русских и венгерских согласных с последующим включением их в общую зону осуществлялось не только с учетом их 1) материальной (артикуляционной) близости, но, самое главное, с учетом их 2) функциональной роли в русских словах. Если в русском слове употребленный вместо русского согласного венгерский согласный не производит смысловых изменений (для русского слушателя слово остается тем же самым), то данные два согласных, русский и венгерский, считаются тождественными и включаются в общую зону. Ср. *том* – [t]om. Несмотря на то, что русский [Т] - зубной, а венгерский - альвеолярный, тем не менее русское слово, произнесенное венгром, воспринимается русским слушателем как одно и то же слово - вследствие чего русское [Т] и венгерское [Т] включаются в общую зону. Ср. еще: [x]op - (h)op; несмотря на то, что русский [X] заднеязычный, а венгерский [H] - гортанный согласный, произне-

сенное венгерским студентом русское слово воспринимается русским слушателем без смыслового изменения – вследствие чего звуки двух языков отождествляются: [X=H].

На основе сравнения двух систем согласных (см. таблицу 3) гипотеза о ПС согласных звуков венгерского студента, изучающего русский язык на начальном этапе, формулируется следующим образом.

Ядро ПС образуется из согласных звуков, общих для двух языков, произносимых, однако, в венгерском варианте (вследствие чего обозначенных на таблице венгерскими буквами). Это следующие согласные: губные [B], [P], [M], [V], [F], альвеолярные [D], [T], [N], [Z], [SZ], [C], переднеязычные [R], [S], [ZS], заднеязычные [G], [K], гортанный [H]. Периферия ПС состоит только из одного согласного [L].

Материально ПС согласных (на начальном этапе изучения языка) - это несомненно венгерская система (звуки произносятся по-венгерски), но функционально - это русская система, так как ПС выполняет у венгерского студента коммуникативные функции русского языка (в русских словах). В целом же (поскольку язык - это не просто система знаков, а функциональная система) ПС согласных - это действительно третья система, наряду с русской и венгерской системами.

Гипотеза о ПС согласных звуков в потоке речи. В потоке речи согласные, как и гласные, изменяются. (Сравнение изменений согласных русского и венгерского языков описаны в: Федосов 1997, 1997-а). Если изменения согласных в русском и венгерском языках совпадает, тогда эти изменения относятся к ядру ПС. Таковым изменением является ассимиляция согласных по звонкости и глухости: рядом в слове могут стоять только звонкие или только глухие согласные. Однако есть изменения согласных, которые в двух языках различаются: 1) в русском языке в конце слова звонкие согласные оглушаются, в венгерском языке - не оглушаются; 2) в русском языке согласные перед *И* всегда смягчаются, в венгерском языке - не смягчаются. Эти различия между языками составляют периферию ПС. На начальном этапе обучения в периферию ПС войдут следующие отличия. Присущие венгерскому языку: 1) в конце слова звонкие согласные не оглушаются, 2) перед гласным *И* согласные не смягчаются.

Таким образом, гипотеза о ПС согласных в потоке речи формулируется так: **ядро ПС - это ассимиляция согласных по звонкости или глухости, периферия ПС - неоглушение звонких согласных в конце слова, несмягчение согласных перед *И*.**

На начальном этапе обучения ПС венгерского студента материально - это венгерская система, но функционально - это русская система, выполняющая коммуникативные цели с использованием русских слов, причем, заметим, благодаря неоглушению звонких согласных в конце слова,

выполняющая эти функции лучше, чем с использованием непосредственно русского языка (сверхдифференциация смысла). Так, в произношении венгра слова типа *рог* - *рок* различаются по смыслу, в то время как у самих русских здесь имеется омонимия: *ро[к]* – *ро[к]*, с возможным непониманием того, о чем идет речь.

Результаты проверки гипотезы о ПС согласных. Как и ожидалось в соответствии с гипотезой, русские **твердые** согласные произносятся венгерским студентом без замены их на другие венгерские согласные - в венгерском варианте произношения, не влияющем на смысловое различие русских слов.

Примеры русских слов с твердыми **губными** согласными, произнесенными без их замены в 100% случаев, например в словах: [Б] – [б]ы, гри[б]ы, за[б]ыл, друж[б]а, служ[б]а; [П] – [п]однесли, [п]челки, [п]роживешь; [М] – [м]ы, [м]ыли, вы[м]ыл, гостя[м], ду[м]ал, о че[м], под языко[м], чужи[м], у[м]о[м]; [В] – [в]ыросли, вы, [в]ымыл, с [в]ами, [в]от, го[в]орит, [в]олки.

Твердые **зубные** согласные тоже произносились венгерскими студентами без замены их на другие согласные почти в 100% случаев, например в словах: [Д] – по[д]несли, [д]ружба, [д]олго, [д]умал, [д]унул, по[д] языком; [Т] – говори[т], [т]ы 93.3%, во[т] 13%; [Н] – з[н]ачит, с [н]ами, ду[н]ул, [н]ашли, [н]а свете; [З] – [з]начит, [з]абыл, на я[з]ыке, под я[з]ыком; [С] – выро[с]ли, [с]оль, [с] нами, и[с]пек, [с]пят, [с]лужба, на [с]вете, е[с]ли.

Русские зубные согласные в “исполнении” венгерских студентов являются не зубными, а альвеолярными. Однако различие между признаками “зубной” и “альвеолярный” русскому слушателю заметить трудно. Только в некоторых случаях русский информант замечал альвеолярный характер согласного [Т]. Так, в слове *ты* альвеолярность согласного [Т] отмечена русским информантом в 93.3% случаев, а в слове *вот* - 13%. Венгерский информант тоже в большинстве случаев не замечал разницы между признакам “зубной” и “альвеолярный”, отчасти по той же причине: и в венгерской фонетике эти признаки несмысловозначительные.

Переднеязычный твердый русский согласный [Р] в произношении венгерских студентов не заменялся другими согласными в 100%, например в словах: п[р]оживешь, [р]уки, вы[р]осли, д[р]ужба, пи[р]ог.

Так же последовательно, в 100% случаев, не заменялись на другие согласные и русские твердые **заднеязычные** согласные, например в словах: [Г] – [г]остям, дол[г]о, [г]оворит; [К] – [к]ороль, не[к], испе[к], [к]а[к] [к]ош[к]а, под языком. Согласный [Х] произносился венгерскими студентами не как заднеязычный, а как гортанный (в соответствии с венгерской фонетикой), что отмечалось русским информантом во всех слу-

чаях. Однако эта артикуляционная замена не является функциональной - не отражалась на смысловом различии русских слов.

В венгерском языке отсутствует большинство **мягких** согласных, и при произношении русских слов с мягкими согласными венгерские студенты в эксперименте последовательно заменяли их на соответствующие твердые согласные.

Исключение составляли только 3 русских мягких согласных [Д], [Т], [Н], так как в венгерском языке имеются соответствующие мягкие согласные [Gy], [Ty], [Ny]; ими венгерские студенты заменяют русские [Д], [Т], [Н]. Характер смягчения у венгерских согласных иной, чем у русских (венгерские фонетисты пишут, что для венгерских [Gy],[Ty],[Ny] свойственна “палатальность”, а для русских [Д], [Т], [Н] - “палатализованность”, см. Болла-Пал - Папп 1968), но русский и венгерский информанты этой разницы не замечали. Противопоставление русского и венгерского вариантов в произношении этих звуков не связано со смысловым различием русских слов. В эксперименте замена русского варианта венгерским вариантом этих звуков не замечалась, например в словах: [Д] – [d`]ети; [Т] – гост[т`]ям, вет[т`]ер, Пет[т`]я, опят[т`]ь, ня[т`]ь, на све[т`]е; [Н] – под[н`]если, не[н`]ь, [н`]е.

К названным трем мягким русским согласным надо отнести еще один мягкий согласный – [Ж], который тоже, при произношении венгерскими студентами, не заменялся на другой согласный, например в словах: [йа], на [йи]зыке, под [йи]зыком.

Замена русских мягких согласных венгерскими твердыми согласными происходила тогда, когда в венгерском языке не находилось соответствующего мягкого согласного. В разных фонетических условиях эта замена обнаруживалась по-разному. При этом показания русского и венгерского информанта нередко расходились.

Так, в положении перед [И] русский информант обычно отмечал мягкий согласный, следовательно - отсутствие замены русского мягкого согласного венгерским твердым, например в словах: [н`]ирог, гово[р`]ит, ру[к`]и, вол[к`]и, пчел[к`]и. Русский информант готов был делать вывод о том, что венгерский студент уже усвоил правильное произношение в этих словах русского мягкого согласного, но венгерский информант свидетельствовал, что студент по-прежнему произносит свой венгерский твердый согласный: [н]ирог, гово[р]ит, ру[к]и, вол[к]и. В некоторых других словах и русский информант слышал перед [И] твердый согласный, например в слове [н]и[л]ил (89.9%).

В позиции перед [Е] в большинстве случаев происходила, с точки зрения русского информанта, замена русского мягкого согласного венгерским твердым, например в словах: [б`]елые 95.6%, на с[в]ете 13.6%, на язы[к]е 8.7%, в[с]е [sz] 22%+ [szj] 4.3%, ср., однако: [р`]е[б`]ят, где

русский информант не услышал твердого согласного перед Е, хотя венгерский информант свидетельствовал, что и здесь, как во всех вышеприведенных примерах, венгерский студент произносил твердый (свой) венгерский согласный: [p]e[б]ят.

В положении перед [О] (Ё) картина с согласными была аналогичной. Русский информант во многих случаях замечал замену русского мягкого согласного венгерским твердым, чаще всего в сочетании его с последующим йотом, посредством которого венгерский студент стремился смягчить согласный, например в словах: [n]ёк [PJ] 37.5%, uc[n]ёк [PJ] 41.7%, [m]ё-[m]ё [MJ] 33.3%, прожи[в]ёшь [VJ] 64.7%, o[p]ёл [R] 39.1% + [RJ] 60.9%. Как можно видеть из статистических данных, русский информант не во всех случаях замечал замену русских мягких согласных венгерскими твердыми, которая имела место (по свидетельству венгерского информанта) во всех случаях.

В положении перед [А] (Я) замена русского мягкого согласного венгерским твердым (с последующим йотом или без него) осуществлялась, с точки зрения русского информанта, регулярно. Показания русского и венгерского информантов в этих случаях почти полностью совпадали, например в словах: pe[б]ят [BJ] 100%, [n]ять [PJ] 93%, o[n]ять [PJ] 100%, o[n]ят [PJ] 100%, c[n]ят [P] 10.1% + [PJ] 77.4%, [m]яу-[m]яу [M] 4.3% + [MJ] 26.1%.

Особо надо говорить о венгерском согласном [L], заменявшем в русских словах (у венгерских студентов) не только мягкий, но и твердый русский согласный [Л]. В большинстве случаев это делалось студентами последовательно - в 100% случаев (при совпадении показаний русского и венгерского информантов), например в словах: мы[l]и 100%, вымы[l] 100%, y[l]-y[l]-y[l] 100%, сто[l] 100%, o[l]ь-o[l]ь-o[l]ь 100%, x[l]еб 100%, оре[l] 100%, до[l]го 100%, дума[l] 100%, дуно[l] 100%, ни[l]и[l] 100%. Во[l]ки 100%, пче[l]ки 100; c[l]ужба 100%. Сюда же можно отнести и слова: бе[l]ые 95.6%, вырос[l]и 71.4%.

Спорными оказались случаи, когда [Л] находился в слове в позиции перед [И]. Русский информант не во всех случаях воспринимал в этой позиции замену русского мягкого [Л] венгерским [L], например в словах: ec[l]и 19.4%, u[l]и 20.8%, наш[l]и 43.5%, [l]и 27.3%, поднес[l]и 45.8%. В остальных случаях (процентах) в приведенных словах русский информант слышал мягкий [Л] и мог заключать, что венгерский студент (применительно к этим словам) уже научился правильно произносить русский мягкий [Л], хотя венгерский информант свидетельствовал, что и в этих случаях венгерский студент произносит тоже свое венгерское [L]. Очевидно, что на восприятие русского слушателя действовала позиция согласного перед [И], в которой в русском языке может стоять только мягкий согласный.

Желая смягчить согласный [Л], венгерский студент прибегает к использованию йота, в результате чего русский [Л] заменяется у него не просто на [L], а на [LJ]. В венгерском же языке сочетание [LJ] произносится как [J] (без [L]), в результате чего очень часто в русских словах [Л] заменяется у венгерских студентов на [J], например в словах: *коро[л]ь* [L] 89.4% + [J] 10%; *[л]ёд* [L] 4.3% + [J] 4.3% + [LJ] 91.4%.

Необходимо сказать о произношении венгерскими студентами русских шипящих согласных: твердых [Ж], [Ш], мягких [Ч], [Щ]. Эти согласные во всех 100% случаев у венгерских студентов заменяются соответствующими венгерскими шипящими: русские твердые шипящие - произносятся мягко (смягченно), а русские мягкие шипящих - твердо, например в словах: [Ш] – *ко[ш]ка, на[ш]ли, про[ж]иве[ш]ь*; [Ж] – *дру[ж]ба, слу[ж]ба, чу[ж]им, про[ж]иве[ш]ь*; [Ч] - *о [ч]ем, п[ч]елки, [ч]ужим*; [Щ] – *е[щ]е* [S] 12.5%, [S] 87.5%. Смысловых различий между русским и венгерским вариантами в произношении шипящих не появляется. Так, если в слове *дружба* венгерский студент произнесет [Ж] по-венгерски, то нового смысла у слова не появится. Однако различия между русским и венгерским вариантами произношения шипящих настолько существенные, что замечаются русским слушателем во всех случаях (в 100%). В таблице, содержащей результаты эксперимента, эти замены отражены (как и замена некоторых русских зубных согласных альвеолярными), но надо иметь в виду, что эти замены не являются фонологическими. В ПС русские и венгерские варианты произношения представляют собой одну и ту же фонему, которая на начальном этапе обучения реализуется в венгерском варианте, а к концу обучения - может реализоваться и в русском варианте.

Что касается синтагматической части ПС согласных звуков, то в эксперименте она обнаружилась точно в том виде, как она предсказывалась в гипотезе. Никаких замен в свойствах слов, касающихся ассимиляции согласных по звонкости и глухости в русских словах венгерскими студентами не производилось. Например, в русском слове *[в]се* звук [В] произносился студентами как [Ф]. Замена ожидалась в отношении оглушения звонких согласных в конце слова - и это ожидание подтвердилось: названное свойство заменялось у венгерских студентов другим свойством - неоглушением звонких согласных в конце слова, например (по данным русского информанта): *хле[n]* [B] 70%, *пиро[k]* [G] 66.7%, *ле[m]* [D] 47%.

Предсказывалось в гипотезе и то, что в ПС студента согласные перед [И] не будут смягчаться - что тоже подтвердилось. Вышеприведенный материал вполне это доказывает.

Выводы о ПС согласных звуков. Итак, ядро ПС венгерского студента, изучающего русский язык (на начальном этапе), состоит из следующих согласных: губных – [В], [Р], [V], [F], [М]; альвеолярных (не зубных, как в

русском языке) – [T], [D], [N], [N], [SZ], [C]; переднеязычных - [R], [ZS], [S], [CS] (из которых шипящие однофокусные, а не двухфокусные, как в русском языке); среднеязычного – [J]; заднеязычных – [G], [K]; гортанного (а заднеязычного, как в русском языке) - [H]; лишь три пары согласных по твердости-мягкости входят в ядро ПС: [D-GY], [T-TY], [N-NY]. Периферию ПС составляет венгерский согласный [L]. См. таблицу 4 (чтобы не усложнять таблицу, согласный [L] помещен в графу “мягких” согласных - на том основании, что он, являясь “средним”, ближе к русскому [Л], чем к [Л]).

Подтвердилась в процессе эксперимента и гипотеза о синтагматической части ПС согласных венгерского студента. Ядро ПС составляет ассимиляция согласных по звонкости и глухости, а периферию ПС - неоглушение согласных в конце слова.

Если оценивать употребление (результаты употребления) фонетической ПС венгерского студента в сравнении с употреблением фонетической системы “настоящего” русского языка, выражая это в понятиях “правильного” или “неправильного” русского языка, то надо отметить следующее.

Используя **парадигматическую** часть своей ПС, венгерский студент в случаях употребления в русских словах твердых согласных, заменяет русский вариант их произношения на венгерский вариант, допуская ошибку **фонетического** (несмыслового) характера - обнаруживая 1) либо **сильный акцент** в своей русской речи, как, например, при произношении русских твердых шипящих (произнося их “мягко”), 2) либо **слабый акцент**, как, например, при произношении русских твердых зубных согласных (произнося их как альвеолярные согласные), 3) **либо без акцента**, как, например, при произношении русских твердых губных согласных. В случае употребления в русских словах мягких согласных, венгерский студент заменяет русские мягкие согласные венгерскими твердыми согласными, допуская ошибки **фонологического** (смыслового) характера - не различая смысла слов типа *мер - мэр* (недодифференциация смысла). Поскольку венгерский студент одновременно заменяет русский вариант произношения твердого согласного венгерским вариантом, то одновременно он допускает в этом случае и ошибку фонетического (акцентного) характера.

Таблица 4. Промежуточная система согласных.

	Твердые		Мягкие	
	звонкие	Глухие	Звонкие	глухие
Губные	[B]	[P]		
	[V]	[F]		
	[M]			

Альвеолярные	[D]	[T]	[GY]	[TY]
	[N]		[NY]	
	[Z]	[SZ]		
		[C]		
			[L]*	
Переднеязычные	[R]			
	[ZS]	[S]		
				[CS]
Среднеязычные			[J]	
Заднеязычные Гортанный	[G]	[K]		
		[H]		

Используя **синтагматическую** часть своей ПС, венгерский студент в случае применения законов ассимиляции согласных по звонкости и глухости (из ядра ПС) не допускает ошибок в употреблении русских слов. Применяя же закон неоглушения звонких согласных в конце русского слова (из периферии ПС), венгерский студент допускает ошибки фонологического (смыслового) характера – различая в русских словах больше смысла, чем сами русские, ср.: *газ (газовый) - гас (гаснуть)* (сверхдифференциация смысла).

В целом ПС венгерского студента существенно отличается от русской системы. И прежде всего тем, что ПС студента не содержит последовательного сопоставления согласных по твердости-мягкости, как это свойственно русской системе. Поэтому утверждать (имея в виду систему согласных), что венгерский студент, изучающий русский язык, говорит на русском языке, было бы большой натяжкой. Он говорит на ПС.

Заключение. Изложенная выше ПС звуков речи представлена с позиции венгерского студента - именно в том виде, как он ее осознает, использует (в эксперименте - с позиции венгерского информанта). Но поскольку общаться венгерскому студенту придется с русскими, то его ПС должна быть одновременно представлена и с позиции русского слушателя (в эксперименте - русского информанта). В большинстве случаев ПС предстает и венгерскому студенту, и русскому слушателю одинаково. Но, как свидетельствуют факты, ПС может “раздваиваться” на варианты. В некоторых фонетических позициях, например в положении перед [И], согласные ПС для венгерского студента существуют как твердые, а для русского слушателя - как мягкие, в связи с чем в периферию ПС (если ее формулировать также и с точки зрения русского слушателя), необходимо включать и некоторые мягкие согласные, связывая их с определенными фонетически-

ми позициями. (О вариантах промежуточной системы специально: Федосов 1998).

Поскольку развитие ПС происходит в сторону системы языка-цели, то в процессе этого развития ПС в варианте “для слушателя” опережает ПС в “студенческом” варианте. Студент, создавая ПС, смотрит на нее с позиции родного языка - и сдерживает ее продвижение вперед, в то время как представитель изучаемого студентом языка, общаясь со студентом, воспринимает ПС студента с позиции этого языка - и “подтягивает” ПС студента к языку-цели. Получается, что ПС в варианте “для слушателя” постоянно находится ближе к системе языка-цели, чем ПС в “студенческом” варианте.

Главные выводы, которые надо сделать из проведенного эксперимента, состоят в следующем: 1) ПС у студента - **существует**; 2) именно ПС является для студента той **реальностью**, с которой он имеет дело, общаясь с представителем иностранного языка (а не система иностранного языка, которая выступает для студента лишь целью, иногда очень отдаленной); 3) ПС студента может быть **сконструирована** на основе сопоставительного анализа двух языковых систем; 4) общая часть двух языков составляет **ядро ПС**, а различные части - **периферию ПС**, которая на начальном этапе изучения языка состоит из отличий родного языка, а на завершающем этапе - из отличий изучаемого языка; 5) **преподаватель**, желающий “интенсивно” обучать студента, должен иметь представление о ПС студента - чтобы на нее воздействовать и приближать ее к системе языка-цели.

Литература

1. Болла К., Палл Э., Папп Ф. *Курс современного русского языка*. Budapest, 1968.
2. Готтсданкер Р. *Основы психологического эксперимента*. Перев. с англ. Москва 1982.
3. Гурвич П.Б. *Теория и практика эксперимента в методике преподавания иностранных языков*. Владимир 1970;
4. Леонтьев А.А. *Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания*. Москва 1969;
5. Папп Ф. *Предисловие к книге: Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка*. Budapest 1968.
6. Федосов В.А. *Методическая характеристика ошибок в русском произношении венгерских студентов*. Владимир, 1987.
7. Федосов В.А. *Материалы для работы над ошибками в русском произношении венгерских студентов*. Владимир 1988
8. Федосов В.А. *Венгеризмы в русском произношении венгерских студентов*. Nyiregyháza 1997.
9. Федосов В.А. *Венгерско-русские языковые контакты. Преподавание языка в речевой среде с учетом родного языка студентов*. Nyiregyháza 1997-а.
10. Федосов В.А. *О промежуточной языковой системе, образующейся при изучении иностранного языка, о вариантах этой системы*. – VI. Nemzetközi Szlavisztikai Napok. Knyjga 3-2, Sambotel – Pecuh 1998.
11. Федосов В.А. *Лингвометодические основы обучения русскому языку как иностранному с учетом факторов языковой среды и родного языка студентов (на материале обучения венгерских студентов-филологов)*. Диссертация... доктора педагогических наук. Москва, 1999.
12. Штульман Э.А. *Методический эксперимент в системе методов исследования*. Воронеж, 1976.
13. *Экспериментальные исследования в методике преподавания русского языка как иностранного*. Ред. О.Д. Минотрофанова. Москва, 1975.

К ЭТИМОЛОГИИ УКРАИНСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА *ДАТИ ДУБА*
'УМЕРЕТЬ'

Начиная с середины XIX в., эта фразеологическая единица (далее – ФЕ) зафиксирована в паремиологических и лексикографических источниках практически по всей территории Украины, кроме Закарпатья, со значением 'умереть, погибнуть': *дуба дав* [Волынь, Левобережная Украина, Ном., с. 159], *дуба дати* [г. Збараж, Фр. 1907, с. 53]. В словаре под ред. Б. Гринченко, без указания места записи или литературного источника, приводится выражение *дав йому дуба* 'убил его' [Гр. 1, с. 451]. Для современных записей характерно варьирование глагольного компонента, ср.: *врізати дуба* [Волинская обл., Корз., с. 88], *вдарити дуба* [Луганская обл., Ужч., с. 39]. Как элемент военного аргота украинских солдат в российской, а позже в советской армии первой половины XX в. варианты этого фразеологизма рассматривает О. Горбач, ср.: *дати дуба, врізати дуба* [2, с. 80] (что выглядит весьма сомнительно, учитывая их ареальную и хронологическую характеристику в источниках).

Начиная с Г. Квитки-Основьяненко [Сл. Кв. 1, с. 326], эта ФЕ широко используется в литературном языке [ФСУМ I, с. 221].

В белорусских источниках фразеологизм представлен исключительно в современных записях, ср.: *урэзаць дуба* [Туровщина, ТС 2, с. 43], *даць дуба* [Могилёвская обл., Юр. 1972, с. 183].

Выражение широко употребляется в современном русском литературном языке, ср. *дать дуба* [ФСРЯ, с. 127; ФСРЛЯ, с. 139] (любопытно, что в обоих словарях приводятся иллюстрации только из писателей советского периода, примеров употребления в текстах XIX века не обнаружено). Отсутствует оно и в словаре русской фразеологии XVIII в. М. Палевской, что может свидетельствовать о его относительной новизне для русской литературной речи. Его ареальная характеристика в русских диалектах неизвестна ни в синхронии, ни в диахронии. Интересно, что российские лексикографы XIX века локализовали выражение *дать дуба* или в контактных с украинскими южнорусских говорах, или вообще считали его заимствованием из украинского языка. Так, у В. Даля эта ФЕ имеет помету *юж.* [см. Даль I, с. 498], которой он обозначал лексемы и фразеологизмы, зафиксированные как в южнорусских говорах, так и на украинской этнической территории. В этимологическом словаре А. Преображенского выражение представлено формой *дать дубу* и рассматривается как заимствование из украинского [10, с. 200].

В литературе известно несколько этимологических гипотез происхождения этого фразеологизма. Условно их можно разделить на две группы: культурно маркированные и культурно немаркированные.

Культурно маркированные интерпретации исходят из того, что в мифологических представлениях древних славян «С помощью образа дуба моделировались также представления о смерти и уход человека из жизни...» [11, с. 144] и происхождение фразеологизма связывают с различными версиями похоронных обрядов древних славян. Так, автор этимологического словаря белорусской фразеологии И. Лепешев возводит возникновение ФЕ *даць дуба* к древнему славянскому погребальному обряду: “Существовало поверье, что пристанищем души после смерти человека становится дерево. Во время захоронения преимущество отдавалось дубу. Дно ямы выкладывалось дубовыми листьями, памятники на могиле делались из дуба. Такие памятники в виде лодки встречаются до настоящего времени на Волыни и в Брестской области” [6, с. 46]. Российский фразеолог Ю. Гвоздарев считает, что выражение возникло на юге России и высказывает предположение о связи фразеологического образа с гипотетической традицией хоронить умерших под дубом [1, с. 31]. Н. Толстой, комментируя русский фразеологизм *дубовыми досками пахнет* ‘находится при смерти’, связывает его со “старинным обычаем хоронить на дубовой доске, а иногда и покрывать ею” и попутно указывает на связь ФЕ *дать дуба* с этой же традицией [12, с. 17]. Л. Невская считает, что компонент *дуб* в этом фразеологизме имеет значение ‘выдолбленная из дерева лодка’ и связывают возникновение выражения с архаическим способом погребения в дубовой лодке [8, с. 213]. Эту же мысль развивает польская исследовательница М. Марчевская, говоря о гипотетической связи нашего фразеологизма с языческой традицией древних славян изготавливать из дубовых пней гробы в виде лодки, на которых души умерших уплывали в мир иной. Она же высказывает мысль о возможной связи с этими верованиями польского фразеологизма *dać dęba* со значением ‘убежать’ [17, с. 132].

Интересную попытку привлечь новый фразеологический материал с компонентом *дуб* предприняла Л. Невская. Рассматривая эндемическую пару выражений: лит. *nat úgnies dúoda* – біл. *jak dúba dajé*, которые употребляются для выражения максимальной интенсивности действия (состояния), автор связывает балто-славянский корпус лексем и фразеологизмов, характеризующих круг представлений *огонь – дуб – смерть* (через семантический множитель интенсивности) с русским выражением *дать дуба* [8].

Совсем недавно О. Михайлова и Н. Якименко обнаружили новую культурно маркированную версию, согласно которой исконной формой фразеологизма необходимо считать *дать дубу*, а первичной мотивировкой – ‘принести жертвоприношение божеству’. Эта несомненно оригинальная

гипотеза базируется на предложенной В.Илличем-Свитычем ностратической реконструкции значения слова *дуб* как 'жертва, жертвоприношение' [7, с. 121]. Авторы этой статьи настолько увлечены своей «придумкой», что считают излишней не только дискуссию со своими предшественниками, но даже не упоминают об их существовании. Стремление «копнуть поглубже» не позволяет им задуматься над причиной отмеченного ими же активного употребления и варьирования этого фразеологизма в современном русском жаргоне, ср.: *дуба врезать (секануть), дубаря врезать (секануть), нарезать дубаря* [7, с. 122].

Авторы культурно немаркированных гипотез также не отрицают, что в ФЕ *дати дуба* речь идет о *дубе*, но о *дубе*, так сказать, вторичном (каламбурном), а не первичном (виде дерева), и ни в коем случае – о мифологическом. Так, авторы «Опыта этимологического словаря русской фразеологии» считают, что выражение возникло на русской почве в результате расщепления глаголов *задубеть, задубенеть* 'остыть, потерять чувствительность, сделаться твёрдым' на аналитическое словосочетание перифрастического типа [14, с. 41]. Польская исследовательница И.Дашчинская так прослеживает деривационный процесс возникновения русского фразеологизма: *задубеть* 'остыть, затвердеть' – о теле покойника – *дать дуба* 'умереть' [15, с. 53]. В. Ужченко говорит о каламбурном происхождении украинского фразеологизма *дати дуба* в результате расщепления глаголов типа: *задубіти, одубіти, здубитися* и первичной внутренней форме «стать неподвижным, как дуб, выпрямиться, остыть» [13, с. 127].

Как видим, оба подхода выглядят весьма убедительно, хотя и не дают ответа на вопрос, в каком языке возник анализируемый фразеологизм (украинском, русском, белорусском или во всех славянских одновременно). Тем более, без ответа остается вопрос о его архаичности или инновационности, социальных корнях (территориальный диалект или жаргон?). Единственное, в чем не сомневаются все участники «дубового» дискурса, это в том, что фразеологизм «свой» (т.е. славянский), а не калькированный.

Как нам кажется, общим недостатком имеющихся версий является атомарный подход к этимологии ФЕ укр. *дати дуба* – рус. *дать дуба* – бел. *даць дуба*. Поэтому рассмотрим существующие гипотезы с учетом закономерностей мотивировки и фразеобразования семантического ряда 'умереть'.

А. Кжижановская в своей монографии «Польская и французская фразеология смерти» разделяет ФЕ со значением 'умереть' прежде всего на метонимические, метафорические и эвфемистические [16]. Изложенные выше гипотезы позволяют трактовать анализируемый нами фразеологизм двояко. Если согласиться с культурно маркированными прочте-

ниями его внутренней формы, а это: «оказаться под дубом», «оказаться в дубовом гробу, который может иметь форму лодки», «принести жертвоприношение», то можно говорить о эвфемистической природе этого выражения и характеристике смерти в культурном аспекте. Необходимо, в таком случае, согласиться с архаическим характером этой ФЕ и, естественно, с её сельскими диалектными корнями. Если же принять точку зрения сторонников культурно немаркированного прочтения его внутренней формы «остыть, затвердеть», «стать неподвижным», то необходимо говорить о метонимической природе этого выражения и характеристике смерти в аспекте биологическом. Архаический характер ФЕ становится, в этом случае, более чем сомнительным, а поиски социальных корней приводят нас в город, к жаргонам и аргю.

Посмотрим, насколько предложенные этимологами прочтения образной структуры ФЕ *дати дуба* реализуются в славянской фразеологии. Обычай хоронить под деревом в лесу, позднее в саду (на котором построена гипотеза «оказаться под дубом»), известен в различных регионах Славии и широко отражен в украинских и русских диалектах: укр. *завратися у вишеньки* ‘умереть’ [Винницкая обл., Дол., с. 145], *перебратися у вишеньки* ‘т. с.’ [Луганская обл., Ужч. с. 25]; рус. *в берёзовый сад пойти* ‘умереть’, *в зелёный сад пойти* ‘т. с.’ [Сибирь, ФСРГС, с. 142], *уйти под елку* [Новгородская обл., 9, с. 71]. Как видим, они являются реализацией мотивационной модели «перебраться в лес (сад) = умереть», к которой, совершенно очевидно, не принадлежит ФЕ *дати дуба*.

Вторая мотивационная модель «оказаться в дубовом гробу» во фразеологии восточнославянских языков начисто отсутствует. Однако А. Кжижановская приводит польские эвфемистические ФЕ с идентичной мотивировкой, но с несколько отличной образностью, ср.: *sprawić sobie drewnianą jesionkę* (досл. приобрести себе деревянную курточку), *sprawić sobie dębowe wdzianko* (досл. приобрести себе дубовую одежду), где *drewniana jesionka* и *dębowe wdzianko* эвфемизмы слова ‘гроб’ [16, с. 85]. Любопытно, что эти фразеологизмы отмечены исключительно в современных жаргонных системах.

Фразеологизмы, которые можно было бы соотнести с третьей мотивационной моделью «принести жертвоприношение богу», нам не удалось обнаружить ни в одном из славянских языков, что свидетельствует о её малоубедительности.

Гипотезы, связанные с расщеплением глагола на аналитическое словосочетание, а именно: «остыть, затвердеть», «стать неподвижным», также нуждаются в критическом комментировании. Подобный способ фразеобразования действительно широко представлен в отдельных семантических рядах (кстати чрезвычайно активных именно в жаргонах и аргю): «убежать», «ударить», «заснуть», в которых значительное количе-

ство ФЕ образованы по модели «дать + имя существительное, образованное вследствие расщепления глагола» [см. 5, с. 63–64]. Однако, для семантического ряда «умереть» вышеназванная деривационная модель нехарактерна. В славянских языках нам известна единственная ФЕ, образованная в результате расщепления глагола – укр. *хронки дати* ‘умереть’, о её этимологии см. [5, с. 244–245]. Следует отметить, что в восточнославянских языках нам не удалось разыскать ни одного фразеологизма с внутренней формой «остыть, затвердеть», «стать неподвижным», что делает проблематичным подобное прочтение. Исключением является русская ФЕ, относящаяся к другому семантическому ряду, вероятно арготического или жаргонного происхождения, ср.: *дать дубаря* ‘сильно замерзнуть’ [г. Братск, Иркутская обл., ФСРГС, с. 53]. ФЕ и лексемы с подобной мотивацией приводит А. Кжижановская в польском и французском языках, ср. фр. *être raide* (досл. быть выпрямленным), пол. *ostygnąć* [16, с. 49]. Любопытно, что все эти выражения функционируют в современных жаргонах. Таким образом, можно предположить, что и в восточнославянских языках мы имеем дело с фразеологизмами жаргонного происхождения. Однако, нетипичная синтаксическая модель побуждает нас к поискам иного, чем расщепление глагола, объяснения возникновения ФЕ *дати дуба*.

Как нам кажется, в основе украинской ФЕ *дати дуба* лежит структурно-семантическая модель «дати + дуба» (где *дуба* является причастием в значении ‘вверх ногами’) с первичным значением ‘упасть вверх ногами’. Лексема *дуба* с этим значением известна большинству славянских языков [см. ЕСУМ 2, с. 138]. Что касается синтаксической модели, то она является типичной для фразеологизмов именно семантического ряда ‘упасть вверх ногами’, ср.: *сторчача дати* [Сл. Кв. 1, с. 326], *дати стовбула* [с. Яблочное, Великописаревский р-н, Сумская обл., КА] и т. д. Остаётся вопрос о реальности семантической модели «упасть вверх ногами → умереть», на которой основывается наша гипотеза.

Мотивационная модель «упасть вверх ногами → умереть», достаточно продуктивна в восточнославянских и западнославянских языках, ср.: укр. *пійти задерти* [Львовщина, Фр. 1907, с. 612], *задерти ноги, задерти копита* [Львовщина, Фр. 1907, с. 146], рус. *задрать лапы, дрыгалы задрать* [4, с. 44], в.-луж. *nohy zwrócic* [Кр., с. 303], чеш. *být vzhůru nohama* [Заог., с. 249], *být hore kopyty* [Заог., с. 175], что делает вполне вероятной, предложенную нами версию прочтения внутренней формы ФЕ *дати дуба* ‘умереть’.

Таким образом, процесс образования фразеологизма *дати дуба* ‘умереть’ представляется нам в таком виде. На базе глагола *дати* и причастия *дуба* возникла безобразная ФЕ. Процесс народноэтимологического сближения лексем *дуба* ‘вверх ногами’ и *дуб* ‘название дерева’ привел не только к повышению экспрессивности этой ФЕ (благодаря переходу её из

безобразных единиц в образные), но и к появлению новых вариантов глагольного компонента, связанных, в частности, с обработкой дерева, ср.: укр. *врізати дуба*, рус. *врезать дуба*, *секануть дуба*, *нарезать дубаря*.

А возникла эта фразеологическая единица, вероятнее всего, в семинарско-бурсацкой среде на Украине (о чем свидетельствует ареальная и хронологическая характеристика) в конце XVII – начале XVIII веков, откуда и распространилась через городские жаргоны и просторечие по необъятным просторам Российской империи.

Литература

1. Гвоздарев Ю.А. Пусть связь речений далека...: *Очерки по русской фразеологии*. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1982. – 208 с.
2. Горбач О. *Арго українських вояків* // Наукові Записки Українського Вільного Університету. Філософічний факультет. – Мюнхен, 1963. – Ч. 7. – С. 138–173.
3. *Етимологічний словник української мови* / Голов. ред. О.С.Мельничук. – Київ: Наукова думка, 1982–1989. – Т. 1–3.
4. Ивашко Л.А. *Очерки русской диалектной фразеологии*. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 111 с.
5. Івченко А. *Українська народна фразеологія: ономазіологія, ареали, етимологія*. – Харків: Фоліо, 1999. – 304 с.
6. Лепешаў І.Я. *Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў*. – Мінск: Народная асвета, 1981. – 160 с.
7. Михайлова О.А., Якименко Н.Я. *Какой карачун дал дуба?* // Слово во времени и пространстве. К 60-летию профессора В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 2000. – С. 120–126.
8. Невская Л.Г. *Об одном эндемическом фразеологизме: лит. pat úgnies díoda – бел. jak díba daje* // Славянское и балканское языкознание: структура малых фольклорных текстов. – М.: Наука, 1993. – С. 211–215.
9. Подюков И.А. *Народная фразеология в зеркале народной культуры*. – Пермь: ПГПИ, 1990. – 127 с.
10. Преображенский А.Г. *Этимологический словарь русского языка: В 2 т.* – М.: ГИС, 1959.
11. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5-ти т.* / Отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Международные отношения, 1999. – Т. 2. – 700 с.
12. Толстой Н.И. *Славянская фразеология sub specie этнографии* // *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej IV*. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Ossolineum, 1988. – S. 15–25.

13. Ужченко В.Д., Авксентьев Л.Г. *Українська фразеологія*. – Харків: Основа, 1990. – 167 с.
14. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*. – М.: Рус. яз., 1987. – 240 с.
15. Daszczyńska I. *O pierwotnej derywacji frazeologicznej (na materiale rosyjskich i polskich frazeologizmów substantivejnych // Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej VI*. – Warszawa: SOW, 1994. – S. 51–64.
16. Krzyżanowska A. *Polska i francuska frazeologia śmierci*. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1999. – 120 s.
17. Marczevska M. *Dąb – drzewo zmarłych (z rozważań nad językowo-kulturowym obrazem dębu) // Etnolingwistyka: problemy języka i kultury*. –9/10. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1998. – С. 121–134.

Джерела

- Гр. – Словарь української мови / Упор. з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. – Київ: Вид-во Академії Наук Укр. РСР, 1958. – Т. 1–4.
- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Гос. изд.-во иностр. и нац. словарей, 1955. – Т. 1–4.
- Дол. – Доленко М.Т. Материалы для словаря диалектных фразеологизмов Подолья // Вопросы фразеологии VIII. – Самарканд, 1975. – С. 131–161.
- КА – Картотека автора.
- Корз. – Корзонюк М.М. Матеріали до словника західноволінських говірок // Українська діалектна лексика: Зб. наук. праць. – Київ: Наукова думка, 1987. – С. 62–267.
- Ном. – Українські приказки, прислів'я і таке інше. /Спорудив М. Номис. – СПб., 1864. – 304 + XVII с.
- Сл. Кв. – Словник мови творів Г. Квітки-Основ'яненка / Відп. ред. М.А. Жовтобрюх. Ред. Л.В. Веневцева. – Харків, 1978–1979. – Т. 1–3.
- ТС – Тураўські слоўнік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1985. – Т. 1–4.
- Ужч. – Ужченко В. Матеріали до фразеологічного словника східнослобожанських і степових говірок Донбасу. – Луганськ, 1993. – 112 с.
- Фр. – Франко І. Галицько-руські народні приповідки / Зібрав, упорядкував і пояснив Іван Франко. – Львів, 1901–1910. – Т. 1–3.
- ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири. – Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.
- ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в.: В 2т. / Под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – Т. I. А–Н. – 340 с.

- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Сост.: Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. Под ред. А.И. Молоткова. – Изд. 3-е, стереотип.– М.: Рус. яз., 1978. – 543 с.
- ФСУМ – Фразеологічний словник української мови. – Київ: Наукова думка, 1993. – Т. 1–2.
- Юр. 1972 – Юрчанка Г.Ф. І коціцца і валіцца. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – 288 с.
- Kr. – Kral J. Serbsko-němski słownik hornjołužiskeje serbskeje řeče = Sorbisch-deutsches Wörterbuch der Oberlausitzer Sorbischen Sprache / Fotomech. Neudruck mit einem Vorwort von Helmut Jentsch. – Bautzen: Domowina-Verlag, 1986. – II; XXXII, 968 s.
- Zaor. — Zaorálek J. Lidová rčení. – Praha: Nakladatelství Československé akademie Věd, 1963. – 779 s.

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ АНТУРАЖ УКРАЇНСЬКОЇ ПОЕЗІЇ

Більш звично було б говорити про слов'янський **контекст** української поезії. Але слово **антураж** видається нам більш придатним для даного сюжету. Хоча поняття **контекст** і **антураж** є явищами одного порядку, та між ними існує посутня різниця. Адже контекст обов'язково вимагає зв'язку (безпосереднього, опосередкованого чи уявного), натомість антураж такого зв'язку зовсім не вимагає, зв'язок і взаємозв'язок для нього не є обов'язковими. Антураж є середовищем, оточенням, навколишньою обстановкою. Спільними для антуражу і контексту є варіабільність часового і просторового маневрування, а також можливість поєднання найбільш спорідненого і зовсім непоєднуваного. А різнить контекст і антураж в першу чергу відсутність чи наявність внутрішніх чи зовнішніх зв'язків. Правда, антураж теж здатен на тісні зв'язки, а контекст теж є середовищем. Як контекст, так і антураж може служити для пізнання світу.

Слов'янський світ не є якоюсь химерою чи надуманою структурою. Це є реальність. І тоді, коли ще існувала праслов'янська єдність зі спільною для всіх слов'ян мовою, і тепер, коли існує цілий масив слов'янських державних утворень та функціональних слов'янських літературних мов, — існувало та існує поняття слов'янського світу. Проте важливими і завжди актуальними залишаються критерії окреслення цього слов'янського світу. Ці критерії можуть мати політичні, культурні, релігійні, етнічні чи мовні аспекти. Якщо ми маємо історичні свідчення про єдність слов'янського етносу і про окрему мову слов'ян ще з I–II ст. (Пліній Старший, Тацит, Птолемей) та з VI–VII ст. (Прокопій Кесарійський, Йордан), то це ще не дає достатніх підстав вирішити проблему власне слов'янської самосвідомості та слов'янської мови; ця проблема може надаватися до вирішення лише на основі власне слов'янських свідчень, тобто від часу виникнення і функціонування слов'янської писемності¹. Предки слов'ян могли мати антропологічні відмінності, в різних слов'ян могли бути фундаментальні розбіжності в політичному, культурному чи релігійному плані, — тому головним критерієм означення слов'янської єдності є мова, тобто: саме рідна мова вказує на приналежність людини (народу, спільноти) до слов'янського світу². Абсолютного розриву слов'янської єдності не зміг спричинити навіть розподіл після 1054 року світу *Slavia Orthodoxa* і світу *Slavia Latina*, так само до розриву не змогли призвести і чисельні внутрішньо-

¹ Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С.128.

² Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 24.

слов'янські війни — від давніх часів аж до наших днів. Входячи віддавна до *Pax Slavia Orthodoxa*, ми мали часткову унію з *Pax Slavia Latina*, потужні контакти з неслов'янськими (хоча б тюркським чи германським) світами, та завжди, як і всі решта слов'яни, належали до слов'янського світу. Природнім та закономірним був процес виокремлення народних (національних) слов'янських утворень (на рівні самосвідомості, з точки зору політичного, культурного та мовно-літературного розвитку). Вже з першої половини минулого століття слов'янська єдність найбільш сприйнятливою може вважатися в розрізі т. зв. слов'янської взаємності.

Якщо ми сприйматимемо українське слово “взаємність” в тому тлумаченні, яке подає академічний одинадцятитомний Словник української мови (“взаємне почуття дружби, кохання або почуття у відповідь на дружбу, кохання і т. ін.”)³, то якась дружба (чи кохання) в даному контексті видається зовсім недоречною, зате в нас залишається широкий простір “і такого іншого”. Звичайні так би мовити слова, після проходження через відповідну авторську дистиляцію, внаслідок перенесення значення чи конкретного виокремлення якогось певного контекстуального значення, можуть ставати термінами (якщо, звичайно, на це будуть працювати час і адекватне сприйняття). Багато ніби звичайних слів Платона чи Арістотеля відстоялися як терміни і через відповідне калькування перейшли зокрема і в нашу мову. Безумовно, не кожне слово здатне перерости в термін, та що стосується нашого слівця “взаємність”, то воно вже давно переросло себе. Згадаймо хоча б трактат Яна Коллара «Про літературну взаємність між слов'янськими племенами і наріччями» (1836), з якого вже термін “взаємність” (по-чеськи: *vzájemnost*) Іван Франко переніс в українську мову і науку (стаття «Слов'янська взаємність в розумінні Яна Коллара і тепер», 1893)⁴. Для Франка тепер — то був кінець XIX століття. Для нас же тепер — це вже кінець минулого — початок нового століття, і заодно тисячоліття. Щоб краще сформулювати свою взаємність, варто все ж поглянути — яка вона в Коллара, і відповідно — у Франка. Колларова концепція “слов'янської взаємності” має для нас той сенс, що сприймається не сама по собі, а перепущена крізь українську призму: спершу “слов'янський федералізм” кирило-мефодіївців, а пізніше — критичну адаптацію І. Франка. Про кирило-мефодіївців у цьому контексті говорив сам Франко, а про ідейні стосунки Франка і Коллара писалося вже раніше і достатньо⁵. Якщо

³ Словник української мови: В 11 т. К., 1970. Т. I. С. 345.

⁴ Франко І. Слов'янська взаємність в розумінні Яна Коллара і тепер // Зібрання творів: У 50 т. К., 1981. Т. 29. С. 51—76.

⁵ Див. хоча б: Зв'язки Івана Франка з чехами та словаками / Упоряд. М. Мольнар і М. Мундяк. Братіслава, 1957; Мраз А. Іван Франко про Яна Коллара // З історії чехословацько-українських зв'язків. Братіслава, 1959. С. 74—80; Гольберг М.Я. Іван Франко і українсько-сербські культурні зв'язки. Львів, 1991. С. 50—52.

говорити про лінію Коллар–Франко, то мається на увазі не їхня тотожність в ідейному плані (такого, зрозуміло, і не могло бути), а традиційність сприйняття певної ідеї. Очевидно, між “слов’янською взаємністю” Коллара і славістичною концепцією Франка є суттєві розбіжності, і зумовлені вони часовими чинниками: якщо Коллар на початку минулого століття визнавав можливість розвитку тільки для чотирьох слов’янських народностей (“русских”, поляків, сербів і чехів), довкола яких мали б купчитися інші слов’янські племена, то наприкінці того ж століття не тільки для одного Франка була очевидною хибність такого погляду Коллара. Проте не треба забувати, і про це нагадає Франко, що саме Коллар був тим, хто перший вказав на т. зв. “слов’янський партикуляризм”, тобто, що “правдива спільність слов’янська можлива тільки на основі високо розвитих, а не придушених слов’янських партикуляризмів, то є слов’янських племінних і мовних індивідуальностей”⁶. До такої думки приходять Франко, протиставляючи дві думки інших учених — професора славістики Новоросійського університету О. Кочубинського і чесько–словенського етнографа М. Мурка; перший з них розглядає “слов’янську взаємність” як “романтичну думку”, котрій протистоїть дійсність; для другого — це “реальний ґрунт, по котрому від часів Коллара аж дотепер, хоч звільна, та невпинно, йде слов’янська праця і наука”⁷. Говорячи про слов’янську взаємність, Франко підсумовує, що “Кочубинський бачить в ній нездоровий і у многому шкідливий романтизм, реакцію проти іншої, давнішої і, по його думці, здоровішої форми слов’янської взаємності чи навіть спільності, реакцію слов’янських партикуляризмів проти тій спільності, яку давнішим слов’янам (щоправда, тільки східно–полудневим) давала мова церковнослов’янська, невідлучна від православія; Мурко вважає сю реакцію конечною і здоровою”⁸. Отож, Ян Коллар своєю концепцією слов’янського єднання окреслював цілковито не те, що пізніше дістало назву “панславізму”, а єднання слов’ян на культурній основі, коли всі вони, слов’янські народи, розвинуть свою власну — окремішню, партикулярну — культуру. Взаємність не мусить бути єднанням. Це може бути просто симпатія, або взаємне знання чи навіть лише процес взаємного пізнання. Хоча, коли йдеться про поняття і локального, і світового масштабу, то без певної єдності все ж не обійтися.

У глобальному масштабі взаємність поезії української та світової мала б полягати у взаємній присутності. Якщо українська поезія присутня у процесах світового поетичного розвитку, то і сам цей розвиток зі своїми багатограними процесами мав би на неї якимось впливати. Візьмімо наразі хоча б ассіро–вавілонську поезію. Шумеро–аккадські поетичні тексти

⁶ Франко І. Слов’янська взаємність... С. 55.

⁷ Там само.

⁸ Там само.

записувалися клинописом на глиняних табличках ще за тисячоліття до «Іліади»⁹. Та з часом вони забулися і законсервувалися на довгі роки і навіть тисячоліття. Нове життя ассіро–вавілонської поезії почалося лише минулого століття, коли були дешифровані клинописні аккадські тексти¹⁰. Виглядає на те, що заледве якихось сто років ассіро–вавілонська поезія могла бодай опосередковано впливати на українську (яко старша на молодшу). Та чи насправді це є лише так? Тут варто прислухатися до Івана Франка, який фактично першим відкрив ассіро–вавілонську поезію для новітнього українського реципієнта: “Ся поезія, що стала доступна новочасній цивілізованій людськості тільки завдяки науковим відкриттям та досліддам другої половини ХІХ в., важна також для нас, українців, не тільки сама собою, як продукт прастарої цивілізації далекого від нас і чужого нам народу, але головню тим, що в ній мусимо бачити джерело того релігійного духу, який сплотив старосврейське письменство, доховане до наших часів у т. зв. Біблійних книгах Старого завіту, а спеціально його поетичну часть, репрезентовану збіркою гімнів і молитов, що має назву «Псалтир» і якої авторство пізніша єврейська традиція приписала старосврейському цареві Давидові. Ся книжка мала величезний вплив на сформування того релігійного культу, що на єврейській основі виріс у могутне дерево християнства, і в перекладі на церковнослов’янську мову мала також значний вплив на сформування душі українського народу”¹¹. Вплив був нехай опосередкований, зате вже не сто, а десь тисячу років. Добру тисячу років триває і процес поетичного перекладу України–Русі¹². Перекладацьке мистецтво є абсолютно необхідним для взаємності та взаємозв’язку. З перекладацького доробку видно, наскільки поезія світова була присутня в нашій поезії протягом останнього історичного тисячоліття. Дуже багато залежало і від знань, зацікавлень і уподобань конкретних українських поетів, які займалися перекладом. З цілої маси суб’єктивностей все ж вимальовується об’єктивна картина: на українську мову творів світової поезії перекладалося достатньо кількісно і достатньо якісно, щоб не виникло жодного сумніву щодо присутності світової поезії в нашому поетичному житті. І в зворотньому порядку — українська поезія перекладалася мовами різних народів світу. Можемо сміливо стверджу-

⁹ Дьяконов І. Найдавніша література Близького Сходу // На ріках вавілонських: З найдавнішої літератури Шумеру, Вавілону, Палестини / Упоряд. М.Н. Москаленко. К., 1991. С. 5.

¹⁰ Иванов Вяч. Вс. О поэзии древнего Двуречья // Восток вечности: Ассирио–вавилонская поэзия / В пер. В.К. Шилейко. М., 1987. С. 7–8.

¹¹ Франко І. Вавілонські гімни й молитви // Зібрання творів: У 50 т. К., 1977. Т. 8. С. 7.

¹² Тисячоліття: Поетичний переклад України–Русі / Упоряд. М.Н. Москаленко. К., 1995.

вати, що українська поезія в перекладах на світові мови, менш поширені та екзотичні мови нехай доволі скромно, але все ж присутня практично в цілому обширі існування світової поезії. І коли, наприклад, нігерійський поет Гебріел Окара у своєму вірші «Тамтами і фортепіано» алегорично називає свою національну поезію «тамтамами», а поезію світову «фортепіано»¹³, то можемо себе тішити думкою і впевненістю, що ми таки теж є тим фортепіано. Бо коли, скажімо, Тараса Шевченка перекладають у тій же Африці чи ще десь — то не обов'язково лише як національного поета України, але як «вершинне явище» поезії світової. Тобто, ми самі для себе є національною поезією, а все решта для нас є вже поезією світовою (враховуючи і зональні, континентальні чи якісь інші проміжні комплекси). Так само і ми для всіх решта будемо складовою поезії світової.

А тепер нам слід визначити — що ж ми вкладаємо в поняття поезії української та поезії слов'янської. Поезією в даному випадку ми наречемо певну сукупність зафіксованих виражень поетичної творчості. І що ж таке тоді українська поезія? Питання ніби архібанальне й найвне, та ще й, здавалося б, з елементарною та однозначною відповіддю. Але тут є нюанси. Можемо сказати, що українська поезія — це поезія українського народу (або ж: сукупність поетичних творів, випродукованих представниками української нації). Але ж, по-перше, поезію творить не весь народ (а вона таки належить цілому цьому народові); по-друге, українську поезію можуть творити і неукраїнці; і по-третє, українці можуть творити і якусь іншу поезію. Можна сказати ще й так: українська поезія — це поезія, писана (творена) українською мовою. Нехай в давніші часи книжною мовою, нехай подекуди діалектами, та все ж по-українськи (мотиви з церковно-слов'янщиною залишаємо поки що поза увагою; хоча навіть антологія поетичного перекладу України–Русі «Тисячоліття» відкривається саме старослов'янськими Кирило–Методіївськими перекладами зі Святого Письма¹⁴). Але ж українська поезія творилась не тільки українською мовою. Є сенс говорити про багатомовність (або чужомовність) функціонування української поезії (згадаємо наразі хоча б давніших латиномовних українських поетів). То що ж тоді є українська поезія? Хоча не безсенсовними є думки про якусь специфічну українську ментальність¹⁵ (з амплітудою від богообраності до авторасизму), але не це є мірилом визначення поняття української поезії. Цим мірилом є *мова*. Тому-то українська поезія — це поезія українською мовою. А те, що її можуть творити іноетнічні елементи, а теж те, що українці можуть віршувати чужими мовами — це вже деталі.

¹³ Поезія Африки: Антологія / Упоряд. В. Ткаченко. К., 1983. С. 160—170.

¹⁴ Тисячоліття... С. 40—113.

¹⁵ Див., напр.: Онацький Є. Українська емоційність // Українська душа. К., 1992. С. 36—47 (або й інші статті з цього ж видання).

Аксіоматично, що українська поезія твориться не тільки в Україні, хоча головне ядро її тут, бо була і є така країна Україна. І зараз є така держава. Але це ще не означає, що коли Україна майже цілком чи частинами належала до інших державних утворень, то й українська поезія мусила відповідно номінуватися. Адже ми не кинемося відстоювати думку, що українська поезія була поезією Речі Посполитої чи Московського царства, чи ще чогось тимчасовішого. Українська поезія була і є українською поезією. Якщо Тарас Шевченко писав і в Петербурзі, і на Косаралі, все ж він не був поетом Російської імперії. А Іван Франко, живучи в Австро–Угорській монархії, не був же ж австрійським поетом¹⁶.

Ми є слов'янами. Ми, себто українці. Ми належимо до слов'янської спільноти, яка відповідно в мовному плані входить до індоєвропейського комплексу, а в географічному — до європейського (різні стики з іншими мовними сім'ями, розселення слов'ян в Азії чи Америці віднесемо до розряду деталей). В культурному плані слов'янство належить до європейського культурного масиву. Отже, Європа є культурною батьківщиною слов'ян і основним простором розвитку їхнього матеріального та духовного потенціалу, а слов'янські мови є навіть “більш індоєвропейськими”, ніж романські, кельтські, германські чи мова грецька, бо загальнослов'янська (праслов'янська) мова продовжувала безперервно розвиток загальноіндоєвропейської мови, на відміну від вже згаданих груп мов, для розвитку яких були властиві раптові зміни, що суттєво вплинули на їх формування¹⁷. Спільнослов'янська мовна єдність розпалась значно пізніше I ст., але й значно раніше IX ст. н.е. Найвірогідніше буде припустити, що вже до VII ст. загальнослов'янська мова розділилась на окремі мови (діалекти чи протомови), і приблизна картина тодішнього розподілу збереглась в основному й до нашого часу (враховуючи й те, що деякі мови зникали, занепадали, переформовувались, відроджувались чи навіть виникали).

Задекларований нами предмет поезієзнавства (на відміну від літературознавства в цілому) розглядає строго поезію і все, що тільки може її стосуватися¹⁸. Коли ж наш підхід є поезієзнавчим, то автоматично напрошується якщо не ідентифікація, то бодай порівняння поезієзнавства з поетикою. І якщо основними складовими літературознавства є теорія та історія літератури (літературну критику наразі не будемо зачіпати), то виглядає на те, що маємо до справи саме з теорією літератури. Бо саме теорія

¹⁶ Правда, Франко як австрійський громадянин міг писати: “für uns Österreicher”, що поряд з іншими фактами дало підстави Г. Витженсу назвати його австрійським письменником. Див.: Wytzens G. Zum literarischen Schaffen Frankos in deutscher Sprache // Іван Франко і світова культура: Матеріали міжнарод. симпоз. ЮНЕСКО: У 3 кн. К., 1989. Кн. I. С. 51—59.

¹⁷ Мейє А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 1—14.

¹⁸ Лучук І. Триєдине поезієзнавство. Львів, 1998.

літератури (за Р. Веллеком і О. Ворреном) ототожнюється з поетикою, або навіть з поетикою в розширеному смислі слова (за М.Л. Гаспаровим) чи з поетикою в широкому розумінні (за В. В. Івановим). Та поезієзнавчі дослідження не можуть обмежуватися лише сферою поезики (у всіх трьох її ланках: теоретичній, описовій та історичній), а стосуються безпосередньо також історії літератури, з виходами в інші гуманітарні науки — мовознавство, психологію, філософію, естетику, герменевтику тощо. Поезієзнавство в принципі існує з давніх–давен. Чи не найдавнішою пам'яткою його є «Поетика» Арістотеля (не слід забувати і про певні місця в Платонових діалогах). Але більш ніж імовірно, що поезію бралися пояснювати і в давніші часи — хоча б у Вавілонії чи Єгипті. Протягом останніх двох з лишком тисячоліть поезієзнавчі роздуми та висновки були присутні у відповідних текстах в різних країнах та землях. Це стосується й Горацієвого «Послання до Пісонів», і цікавих з цього огляду пластів античних риторик, і неолатинських європейських поетик (зокрема, фундаментальної «Поетики» Ю.Ц. Скалігера), і «Мистецтва поетичного» Н. Буало і «Досліді про критику» А. Поупа, і «Лаокоона» Г.Е. Лессінга, і ще цілих масивів фрагментарних та цілісних свідчень. Це стосується і середньовічних арабських, перських та індійських (санскритських) праць про поезію, і ще багато чого іншого. У нашому ж письменстві найдавнішою поезієзнавчою роботою слід вважати перекладену статтю з Георгія Херобоска «О образіх» в першому Изборнику Святослава (1073)¹⁹. Українські латиномовні поетики спричинилися до ширшого зацікавлення поезієзнавчими матеріями в нас на батьківщині. На другу половину минулого століття припадає діяльність найвидатнішого нашого поезієзнавця — Олександра Потебні²⁰.

Коли існувала загальнослов'янська спільність з єдиною мовою, тоді справді була єдина слов'янська поезія (в усній формі, безумовно, і деякі її пласти надаються до реконструкції внаслідок виокремлення і монтування найархаїчніших фольклорних тем і моделей, — так само, як змогла бути реконструйована праслов'янська мова завдяки порівняльному аналізу слов'янських мов). Але після виникнення і в процесі формування окремих слов'янських мов (і народів, які органічно були носіями цих мов),

¹⁹ Хрестоматія давньої української літератури / Упоряд. О.І. Білецький. К., 1967. С. 10—11; Изборник Святослава 1073 г. М., 1983.

²⁰ Стосовно історії поезієзнавства тут запрошується невимушена аналогія щодо стилю записок і лекцій з теорії словесності О. Потебні з викладом (нотуванням чи способом фіксації) «Поетики» Арістотеля. Якщо корпус «Із лекцій з теорії словесності» було підготовано до публікації за копією авторизованого стенографічного запису однієї зі слухачок Потебні, то корпус «Із записок з теорії словесності» було сформовано учнями–послідовниками Потебні з записів і заміток, якими він користувався при читанні лекцій. (Див.: Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 602—604). Арістотелівська «Поетика» теж справляє враження “записок до лекцій”.

творилися вже різні (відмінні один від одного) поетичні масиви. Тому далі слід говорити вже не про слов'янську поезію, а про поезію слов'ян тобто про поезію окремих слов'янських народів. Хоча побутують думки про те, що всім слов'янам притаманні якісь спільні риси (мало не на рівні спільної окремішньої ментальності), які можуть бути визначальними і для виправдання аргументації щодо існування протягом останнього тисячоліття єдиної слов'янської поезії, проте так чи інакше ніде подітися від об'єктивної диференціації слов'янського світу на окремі частини. І кожна з цих частин, тобто кожен слов'янський народ, має свою поезію. А визначальним моментом ідентифікації кожного слов'янського народу є його мова. І в зворотньому порядку — нагадаємо ще раз — саме рідна мова кожного слов'янського народу свідчить про приналежність цього народу до слов'янського світу. Отже, наразі ми можемо відмовитися від загального поняття слов'янська поезія, але ми не зможемо відхреститися від того, що поезія кожного слов'янського народу є слов'янською. Отож, поезію слов'ян можна назвати поезією, писаною (твореною) слов'янськими мовами (тобто, вона є сукупністю слов'янських національних поетичних масивів). Це припущення, схоже на твердження, виглядає досить прозорим. Але в ньому є маса нюансів. Деякі з них ми затокнемо при цій нагоді.

От хоча б: йшлося вже про те, що деякі слов'янські мови зникали, деякі виникали. Так, для прикладу — полабська мова існувала до кінця XVIII ст., поки ще жили останні її носії. Але той народ, що розмовляв полабською мовою, не залишив по собі поезії, бо сам зник з історичної арени і не збереглося жодної зафіксованої його поетичної пам'ятки. Перший факт: існував слов'янський народ, рідною мовою якого була полабська, і він не міг не культивувати бодай усної поезії. І другий факт: ми не маємо підстав розглядати бодай якусь полабську поезію, бо її для нас не існує, хоча граматична будова мови полабів відтворена²¹. Другий факт перекриває перший (першого). І не знати — чи тут справа у войовничій германізації, чи в історичній долі, бо ж поставлені в подібні умови лужицькі серби зберегли себе серед німецького моря. Тут же принагідно впливає ще одна проблема: лужицькі серби вважаються одним народом, а поезія їхня творена двома мовами: верхньолужицькою та нижньолужицькою. А тепер декілька слів про ті мови, які виникали. В даному випадку маються на увазі т. зв. слов'янські літературні мікромови. За О. Дуліченком їх нараховано дванадцять (практично стільки ж, як і сучасних функціональних слов'янських мов): югославо-русинська, молізьсько-хорватська, градищансько-хорватська, чакавська, кайкавська, прекмурсько-словенська, банатсько-болгарська, кашубська, ляхська, карпаторусинська, східносло-

²¹ Супрун А. Е. Полабский язык. Минск, 1987.

вацька, резіянська²². Деякі з цих мов спалахнули і згасли, деякі розвинулися в повноцінні літературні мови. Наприклад, інспірована Ондрою Лисогорським ляхська мова проіснувала зовсім короткий час, але нею було написано чимало справді поетичних творів — в основному пера її інспіраатора. З деяких хорватських діалектів розвинулися літературні мікрмови, що мали чимало своїх поетів (потужніші з них — кайкавська і чакавська). Є приклади й певного типу мішанок: так, русинська літературна мікрмова русинів–українців Воєводини і Хорватії створена на основі українських закарпатських діалектів переплетених зі східнославацькими говорами, та й сербохорватській вплив там суттєво відчутний. Десятки поетів писали і пишуть русинською мовою, та для українського читача їх вже треба подавати в перекладі, зрештою, як і для словацького, сербського чи хорватського. І ще варто згадати про одну мову, що виникла чи то сформувалася як літературна лише в першій половині XIX століття. Це “наймолодша” слов’янська літературна мова — македонська. І хоча старослов’янська мова, яка у свій час виконувала функцію практично загальнослов’янської літературної мови, була створена на основі саме македонських діалектів, та власне македонська літературна мова сформувалася аж у відносно недавній час, і то чималою мірою завдяки діяльності поетів.

Якщо у випадку з лужицькими сербами існує ситуація, коли фактично один народ має дві поезії, тобто, поезію, творену двома мовами, то можуть існувати й діаметрально протилежні ситуації, коли навпаки — декілька народів мають певні спільні поетичні пласти. Бо як же бути з народною поезією сербів, хорватів, чорногорців, твореною одною сербохорватською мовою (нехай і з суттєвими діалектними відмінностями). Скажімо, якщо в чотиритомнику Вука Стефановича Караджича «Српске народне пјесме» є пісні не лише з території власне Сербії, але й з Чорногорії, Герцеговини, Боснії, Далмації тощо, то це можна пояснити тим, що серби жили там віддівна або ж переселялися туди за певних обставин. Але ж і хорватські народні пісні, створені на базі “штокавштини” (яка лягла в основу сербохорватської чи хорватськосербської літературної мови), теж належать до цього поетичного масиву. Щодо Чорногорії, то її досить сміливо можемо сполучати з сербським поетичним утворенням, адже навіть найбільший чорногорський поет Петар Петрович Негош усвідомлював і утверджував своє місце строго на “сербському Парнасі”. Далматинська

²² Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки: Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981. Є інформація О. Дуличенка і про ще одну, західнополіську літературну мікрмову (див.: Кантакты і дьялогі. Мінск, 1996. № 7–8. С. 42). Невже, чортова дюжина? Та й тим краще, бо збалансовується кількісна паритетність, бо ж за найновішими даними сербська і хорватська мови за взаємною наполегливою згодою вважаються вже абсолютно окремими мовами, а не лише варіантами однієї мови.

ренесансна поезія (зі зміщеним на південь дубровницьким ядром) була писана латинською, італійською та хорватськосербською мовами (що свідчить про багатомовність її функціонування, і до цього аспекту ми ще повернемося, але вже в українському варіанті), — і ця поезія творить окрему гілку хорватського поетичного утворення (щоправда, раніше досить часто дубровницьку по–сербохорватськи писану поезію розглядали в контексті історії поезії сербської). А далматинські (зокрема дубровницькі) поети, що у своїй творчості використовували рідну (хорватськосербську) мову, — дуже часто були патриції (власцела), а ці патриції дуже часто в свою чергу були з глибокого походження романізованими греками та іллїрами. Тут ми стикаємося з питанням про етнічне походження представників деяких слов'янських поезій²³ (загальні ж етнічні характеристики окремих слов'янських народів залишаємо наразі поза увагою). Красномовним прикладом тут може служити Олександр Пушкін, поет–символ Росії, з походження (нехай лише по матері) арап (негр, африканець чи як буде завгодно). Та є й випадки навпаки: коли слов'яни ставали яскравими представниками поезії неслов'янських народів. Візьмемо тих найвидатніших. Славний угорський поет Шандор Петефі насправді мав прізвище Петрович і з походження був: по матері — словак, а по батькові — серб. Або не менш славний румунський поет Міхай Емінеску насправді мав прізвище

²³ Коли вже йдеться про етнічне походження представників тої чи іншої слов'янської поезії, то стосовно поезії української варто згадати і про те, що деякі її представники теж мали іноетнічне походження. Заторгнемо тут лише “французький аспект”. Оксана Лятуринська мала по батькові французький родовід і українізоване прізвище *ля Тур* (див.: Ільницький М. Від «Молодої Музи» до «Празької школи». Львів, 1995. С. 255). А Володимир Сосюра мав по батькові французьке коріння і знову ж таки зукраїнізоване прізвище *де Сосюр*, мати ж його була серблянкою (див.: Сосюра Б. Третя Рота: Роман. К., 1988. С. 5—6). Відповідно, і українці можуть належати до інших поетичних масивів; особливо, коли вони відірвані від своєї мови і від своєї землі (все це об'єктивні факти і дуже показовими вони є саме в нашому столітті). Наведемо тут лише декілька прикладів. Гелена Колодій, роджена в Бразилії, але по батькові і по матері українка, стала бразилійською (португаломовною) поетесою (див.: Заграва: Із світової поезії ХХ сторіччя. К., 1989. С. 56). Чи Борис Гамалія, батько якого був українцем, а мати — креолкою, став чільним (франкомовним) поетом Реюньйону (див.: Поезія Африки: Антологія. К., 1983. С. 253). Або Андреас Окопенко, син українських емігрантів, який став яскравим представником австрійської поезії (див.: Золотое сечение / Der goldene Schnitt: Австрийская поэзия XIX–XX вв. (На нем. языке с параллельным рус. текстом. М., 1988. С. 782). Якщо вже мова зайшла про австрійську поезію, то як тут не згадати Пауля Целяна, єврея, родженого в Україні, який в Австрії був лише досить короткий час і видав там лише дебютну збірку, бо друкувався переважно в Німеччині, а жив і працював у Франції, де й кинувся з моста в Сену. Але Целян є все ж австрійським поетом, — визначальним моментом тут, певно, служить самоідентифікація.

Емінович і сербське коріння — по батькові, а українське — по матері. Згадаємо також авторку тексту сучасного австрійського національного гімну — Паулу фон Прерадович, яка була внучкою хорватського поета Петра Прерадовича. Буває й так, коли представник одного слов'янського народу стає видатним поетом іншого слов'янського народу. Наприклад, польський романтик Адам Міцкевич з походження був литвин (білорус). Трапляється, коли один поет з повним правом належить двом слов'янським народам. Як от Ян Коллар, словак, який писав чеською мовою, займає своє гідне місце як в чеській, так і в словацькій поезії. Існували навіть цілі періоди з багатим представництвом поетів, які належали до двох слов'янських літератур. Маються на увазі хоча б українсько-польські поети. І це пов'язано значною мірою з багатомовністю функціонування української поезії XVI–XVII століть. Українські поети тих часів могли послуговуватися різними мовами — і книжною українською, і церковнослов'янською, і латинською, і польською. Є цілий ряд поетів, яких ми називаємо українсько-польськими на конкретних підставах: або вони були українцями, а писали латинською чи польською мовою, або вони, не будучи українцями і пишучи цими мовами, тематично та ідейно тяжіли до українства, або і те і те вкупі. Не вникаючи глибше в диференціацію цих поетів, назвемо лише декотрих з них: Себастьян Фабіан Кленович, Симон Пекалід, Адам Чагровський, Ян Щасний-Гербурт, Симон Симонід, Симон і Бартоломей Зиморовичі (три останні, між іншим, львів'яни вірменського походження)²⁴. Можна теж виділити окремо українсько-білоруських поетів тих часів: з натяжкою до цього розряду можна зарахувати латиномовного Миколу Гусовського, без жодної натяжки — нашомовного Андрія Римшу, та деяких інших²⁵. Деколи буває так, що іноетнічні елементи можуть на певному етапі мало не формувати обличчя тієї чи іншої слов'янської поезії. Так сталося з польською поезією в нашому столітті, коли з'явилася ціла плеяда польських поетів єврейського походження: Л. Стафф, Ю. Тувім, С.С. Лец, А. Важик, М. Яструн та й інші²⁶. В російську ж поезію нашого століття влилася українська та єврейська кров, — для прикладу візьмімо чи не найкращих російських поетів першої половини XX ст.: В. Маяковського, В. Хлебнікова, Б. Пастернака, О. Мандельштама²⁷. Безумовно, при-

²⁴ Українська поезія XVI століття. К., 1987. С. 113, 195, 243; Українська поезія XVII століття (перша половина). К., 1988. С. 43—44, 53, 151.

²⁵ Українська поезія XVI століття... С. 71—72, 256.

²⁶ Тарнавський О. Літературний Львів, 1939–1944: Спомини. Львів, 1995. С. 37—38. (Інформацію про це можна почерпнути і з відповідних енциклопедично-довідкових видань).

²⁷ Лучук І. Українські та єврейські первні в російській поезії першої третини XX ст. // Ї: Незалежний культурологічний часопис. Львів, 1996. № 8. С. 79—91. У зв'язку з цим не зайвим буде навести один приклад, одну трохи розлогішу

аналогію. Володимир Маяковський свого часу в розмові зі співробітником газети «Prager Presse» розповідав про себе: “Родился я в 1894 году на Кавказе. Отец был казак, мать — украинка. Первый язык — грузинский. Так сказать, между тремя культурами” (Маяковский В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1961. Т.13. С. 232). Як бачимо, Маяковський усвідомлював свою приналежність до трьох культур чи то пак своє місце між трьома культурами: російською, українською та грузинською. Підтвердження цьому знаходимо і в його поезії (вірш «Нашему юношеству»):

Три / разных истока / во мне / речевых.

Я / не из кацапов-разинь.

Я — / дедом казак, / другим — / сечевик,

а по рожденью / грузин. (Маяковский В. ПСС. М., 1958. Т. 8. С. 18). Які ж то три “речевые истока”? Які ж то три начала? Задекларовано: “козацьке”, “січове” і грузинське. З грузинським ніби все ясно, “січове” мало б бути українським, а “козацьке” — російським. Українець по матері, Маяковський і батька мав українця, який походив з кубанських козаків, а кубанські козаки — які ж то з біса росіяни. Та його батько був офіційним російським службовцем і послуговувався офіційною російською мовою. Мова офіційного спілкування та освіти не могла, поруч з українською та грузинською, не належати до тих трьох мовних начал Маяковського. І саме ця мова дістала в особі Маяковського свого великого поета. І став поетом він, за власним признанням, завдяки Давидові Бурлюку — теж українцеві. Але реалізувався Маяковський в російській культурі, тільки в ній він уявляв своє існування, його амбіції міг задовільнити лише якийсь величезний ніби загальний центр, боротися йому хотілося з чимось глобально визначеним, з чимось ґрунтовно “білокамінно” усталеним. Питання: чому Маяковський став російським, а не українським поетом? — могло б виглядати тепер доволі дивно, якби не існували певні дуже характерні аналогії. Вибрати можна хоча б одну таку аналогію — показову, характерну та зовні дотепер майже непомітну. Мається на увазі доля українського поета Юрія Дарагана (1894–1926). Ми знаємо Юрія Дарагана як представника “празької школи” в українській поезії, знаємо його чудову збірку «Сагайдак» (1925), але як і коли він став українським (саме українським) поетом, нам практично не було відомо. Дуже цікаву автентичну інформацію можна почерпнути з листа Ю. Дарагана до М. Шаповала (орієнтовно 1925 р.), де поет стисло і емоційно викладає свою автобіографію: “Народился я 16 березня 1894 р. (а не 1893) у Єлисаветі на Херсонщині, але хутко був вивезений у Картвелію (т.т. Грузію, але слова «Грузія», “грузин” не знати звідки вицарапали кацапи?! Картвели у своїй мові звать себе “картавели”, а батьківщину свою «Сакартвелю». Ми чужі слова вимовляємо так, як вони звучать у себе вдома, тому гадаю, що нам треба було б не наслідувати кацапське каліцтво, а увести моду на “картвели” і «Картвелію», тим більш, що етнографія так таки і каже, що грузини належать до картвельського племені). І так я був вивезений до столиці Картвелії Тифлісу, де мене і хрестили. Батько мій був українець і крупний залізничний урядовець, але за три місяці до мого народження вмер. Мати була грузинка, чи то пак картвелка, але з закінченою гімназійною освітою (у тих краях це про багато казало). Батьків своїх прираховую до заможної інтелігенції, мали у Тифлісі власний 4-х поверхов. будинок. Мати виховувала мене яко росіянина... [...] З 1915 р. старшиною на фронті, був ранений,

належність цих поетів до тої чи іншої поезії визначається мовою, якою вони творили — певною модерною слов'янською літературною мовою.

А тепер звернімось до першої (найдавнішої) літературної мови слов'ян — старослов'янської (староцерковнослов'янської чи церковнослов'янської). Цією мовою були написані найраніші поетичні твори слов'ян (саме написані, бо про усну поетичну творчість зараз не йде мова)²⁸. Староболгарська поезія творилась цією мовою. В різних ізводах (або редакціях) ця мова використовувалась для творення поезії різних слов'янських народів. Ця мова побутувала паралельно або перепліталася з літературними (книжними) мовами деяких слов'янських народів. Так, в сербів до кінця XVIII ст.

революція захопила мене після ранення у Петербурзі. Вихований не чорносотенцями, а в душі здорового російського патріотизму, але знаючи твердо, що я “малорос” і нащадок запорожського сотника, у травні 1917 р. я вже був членом Петербурзької Української військової ради і розумом твердо рішив, що я мушу бути завжди у гурті тієї російської модифікації (як я тоді рахував малоросів), до якої я належу по крові, у кінці 17 року я вже був у Києві і думкою ні разу не зрадив українству, а серцем? Серцем українізувався поступово. Найбільш помагали наші пісні і наша історія, що часами наповнює тебе божевільною гордістю, а часами так нелюдськи бичує ганьбою і соромом. Тепер? Тепер я не в стані говорити про українство спокійно — реву при сторонніх людях, тепер бути не українцем я у жодний спосіб не зможу і що б зі мною не виробляли, я завжди зостанусь чи ув'язненим, чи розстріляним, чи помилованим, але завжди українцем.” (“Я завжди зостанусь... українцем”: Листи Юрія Дарагана до Микити Шаповала // Жива вода. К., 1996. № 4(56)). Як бачимо, розбурхана велетенськими катаклізмами свідомість навернула вродженого поета Дарагана до українства. А міг же ж він розвинутися в російського поета, адже (за свідченнями з того ж таки автобіографічного листа) він захоплювався не українською, а російською поезією, та й віршувати і друкуватися починав таки по-російськи: “Читав книжки ‘запоєм’, поезію любив до божевілья, я був віруючим підлітком і часто потай так молився: “Боже, зроби зі мною що хочеш, якщо треба замуч мене, покаліч, задуши, але дай мені стати великим признаним поетом”. В добу російського модернізму Брюсов, Бальмонт, Блок, Андреев, Сологуб, Городецький по черзі цілковито посідали мою душу, аж пізніше zostалися моїми кумирами Блок, норвежець Гамсун і англієць Уайльд [...] Перший російський вірш надрукував, коли мав 14 років у часописі «Закавказье». Пару років пізніше дав цикл віршів у альманах «Поросль» і 3 роки пізніше друкувався в альманасі «Иммортелі» і журналі «Хмель.» (Див.: “Я завжди зостанусь...”). Маяковський був більш етнічним українцем, ніж Дараган. Маяковський був грузином лише за місцем народження, а Дараган був грузином по матері. Маяковський від своєї матері перейняв українську мову, а Дарагана мати виховувала яко росіянина. Обоє мали амбіції на великих поетів, та слава Маяковського і забуття Дарагана знаходяться на діаметрально протилежних полюсах. І невже справа в тому, що долі було завгодно, щоб Маяковський став російським поетом, а Дараган українським?

²⁸ Старобългарски страници: Антология. София, 1968. С. 31—33.

література творилась т. зв. слов'яно–сербською мовою. Церковнослов'янська мова використовувалась українськими поетами або ж впливала на книжну українську мову теж до кінця XVIII ст. Церковнослов'янщина лягла в основу формування російської літературної мови. Якщо у випадку з українською літературною мовою (погляньмо для прикладу хоча б на мову творів Григорія Сковороди) був ризик поступової ідентифікації з російською літературною мовою, то для сербської літературної мови залишалася перспектива формування макаронічної мови (щось типу язичія)²⁹. Тому об'єктивно вже з самого початку XIX ст. і українська, і сербська літературні мови починають наново формуватися вже на основі живої народної мови. І все це відображається в поетичній творчості, або навіть надихається поетичною творчістю. А деколи для реформування (чи в даному випадку — відродження) національної літературної мови (або традиції) замало самого імпульсу від поетичної творчості, а треба трохи і благого лукавства — як це сталося з геніальною фальсифікацією Вацлава Ганки. Його «Краледвірський рукопис» вплинув не лише на відродження чеської літератури, але відобразився й на інших відродженнях. Вже в «Русалці Дністровій» поряд із перекладами сербських народних пісень є й Шашкевичеві переклади фрагментів з «Краледвірського рукопису». Взаємопереклади в слов'янських поезіях творять взагалі дуже динамічну і красномовну картину, в якій засвоєння тільки підкреслює окремішність. І ще одне “до речі” — про переклад. Тарас Шевченко перекладений всіма слов'янськими мовами (і не тільки), до того ж незліченну кількість разів. А цікаво — чи перекладав сам Шевченко? Його «Давидові псалми», ряд “подражаній” та інтерпретації фрагментів зі «Слова о полку Ігоревім» важко однозначно назвати перекладами. Зате він брався перекладати (в строгому розумінні слова) дещо з Міцкевича, та ніколи не докінчував і розривав почате на дрібні шматки, щоб і в пам'яті не залишилося: “Мабуть, сама доля не хоче, щоб я перекладав лядські пісні”, — казав Шевченко³⁰.

Отже, в слов'янському світі виникає і функціонує поезія слов'ян, тобто поезія слов'янських народів, які й складають цей слов'янський світ. Кожна окрема ланка поезії слов'ян в свою чергу поділяється на певні частини — аж до конкретного індивідуума, поета, людини–творця. І відповідно кожен слов'янський поет може знаходити своє місце як в національ-

²⁹ Макаронічною мовою (т. зв. “язичієм” — сумішшю церковнослов'янської, української та російської мов) в нас віршували на повному серйозі, та ці спроби виглядають досить комічно і тепер сприймаються не інакше як *poesia mascheronica*.

³⁰ Шевченко Т. Повне зібрання творів: У 12 т. К., 1990. Т. 1. С. 516.

ній поезії, так і в комплексі поезії слов'ян, а теж — в силу своєї вагомості та якості — і в світовій поезії. Українська поезія існує і в європейському, і в світовому контексті, та все ж найближчим (можна сказати, найріднішим) для неї є слов'янський антураж.

ТЕНДЕНЦІЇ РОЗШИРЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ
ТЕРМІНОЛОГІЧНОЇ НОМІНАЦІЇ
(у зіставленні з російською)

Дедалі помітніша увага до розширення номінативних можливостей мови зумовлює і вивчання синтагматичного розгортання слова в більшу або меншу конструкцію малого синтаксису. Аналіз цього явища засвідчує, що таке збільшення відбувається передусім завдяки приєднанню різних слів до переважно іменника, що вербально розширює, але семантично звужує терміноване поняття. Унаслідок цього виникають номінативні комплекси як різною мірою стійкі, так і різною мірою типові. Якщо зростання типових неоднослівних називальних одиниць ілюструє головню факт загальномовного зростання номінативних засобів, то нетипові, свіжі структури унаочнюють передусім певні тенденції розбудови окремих стилів мови.

Постійна увага до синтагматичних можливостей іменника засвідчує, що номінативний ресурс цієї частини мови невичерпний і водночас вивчений ще недостатньо. Так, під називальним кутом зору цікаві системні грані субстантива відкриває його сполучення з нетиповими детермінантами. Мовно-функційна непоширеність і, як результат, – мовознавча маргінальність сполучення іменника із, наприклад, постпозитивними різноструктурними атрибутивами показує кілька тенденцій розвитку української мови: загальне розгалуження синтагматичного потенціалу різних морфологічних класів слів, збільшення міжстильового порубіжжя не лише на лексико-семантичному, але й на граматичному рівні, залучення до спеціальної, зокрема термінологічної номінації конструкцій, які ще недавно не мали шансів поповнювати термінофонд, і под.

Одне із тлумачень терміноелемента, який, за словами авторитетних дослідників, "виокремлюють у результаті синтаксичного членування терміна-словосполучення" (15.–С.102), передбачає більшу чи меншу зручність його використання, а звідси – узвичаєність різних моделей терміносполучень (далі ТС). Типовість складених термінів – це передусім здатність не суперечити природному поєднанню слів у малому синтаксисі загальномовної мови, а тому будь-яке незбігання розцінюють як нетиповість, хоча, звичайно, воно не завжди порушення норми.

Різні тенденції до розширення діапазону термінологічної номінації, з одного боку, що їх описують й обгрунтовують Л.Алексеева, В.Даниленко, Т.Кияк, В.Лейчик, В.Прохорова, В.Татаринів і ін., і загальне послаблення обмежень і заборон до номінативних засобів на усіх лінгвальних рівнях, з другого, дає змогу вводити свіжі чи принаймні непоширені, але науково виправдані, а десь просто єдино можливі називальні засоби, як-от

знаки, символи, формули, багатокomпонентні ТС тощо, активно послуговуватися переносним значенням слів без ризику, що такі одиниці залишаються лише професіоналізмами чи напівтермінами, розширювати граматичний потенціал термінологічного називання і т.д. Ці та інші нетипові номінативні засоби дедалі повніше залучає також термінографія й опрацьовує теоретичне термінознавство. Сказане, отже, свідчить, що тенденції – це не лише напрямок, але й процес збагачення певного фрагмента мови.

Спроба типологізації завжди містить у собі ризик піднятися в узагальненнях і висновках до "типології типологій", коли у загальнонауковому, фундаментальному губиться окреме, або ж обмежитися студіями поодиноких фактів і ознак. І перше, і друге не сприяє досягненню результату. Аналізуючи типи у лінгвістиці, В.Гак підкреслює, що у їх межах цілком правомірний своєрідний собі "табелі про ранги", де "чинопочитання" природне і далеко не зайве: "Серед типів, які функціонують, можна виокремити такі, що трапляються частіше (домінантні) і менш звичні (рецесивні), більш досконалі (прогресивні) і менш досконалі (консервативні), вихідні (ядерні) і похідні (трансформовані)" (3.– С.331). Наявність типів на усіх мовних рівнях породжує суму різноаспектних типологій, кожна із яких може мати один і той же лінгвальний об'єкт у власному полі зору.

Словесно-знакове розширення терміна, передусім завдяки залученню різних формально-структурних засобів, природно розширює типологію термінної номінації. Чимраз помітніше здає позиції відомий "пакет вимог" до терміна Д.Лотте (однозначність, точність, систематичність, короткість, простота, зрозумілість), яким керуються термінологи упродовж півстоліття, хоча в цілому це ті кити, які продовжують тримати на плаву термінологію і як термінофонд, і як термінознавство. Саме вони й визначають типологічну стратегію термінів, яка в останнє десятиліття стає менш строгою і більш галузево суб'єктивною.

На загал поняття нетипових, а навіть ненормативних ТС достатньо широке. Це багатокomпонентні, а від цього функційно немобільні терміни (*гранично допустиме значення безпечного фактора пожежі*) і тавтологія в межах СС, яка при цьому трапляється (*відшкодування шкоди робітникам у разі пошкодження його здоров'я*)¹, і використання довжелезних нагромаджень, які складно назвати одним словом на зразок *уридиндифосфат-білорубінглюкоронідтрансфераза*. Це також скорочення ТС як повністю [*БЕМП (безпечний експериментальний максимальний проміжок)*] до того ж з елементами гри слів [*СПУСК (сетевое планирование управления строительством комплекса)*], так і їх частин (*нагрев СВЧ-током*), функціонування умовних позначень (*а-метилтріопентан; вероятность отсутствия*

¹ У художній літературі, зокрема у поезії, тавтологія, як відомо, є дуже бажаний художній прийом: *Лиш шум все шумів рясношумний* (П.Тичина).

аварии і-вида при воздействии на объект j-го фактора, V-образный двигатель) і наявність прислівників як відверто нетермінологічної частини мови (*нормативно очищенная возвратная вода*) і под. Нерідко це безсумнівні тропи (*біла гарячка, молочні зуби*) з елементами просторіччя чи т.зв. народної термінології (*заяча губа, сліпа кишка; куриная слепота, куриная грудь*) типові ілюстрації омонімії в термінології, як-от *стінка*, що є терміном в: 1) гральних видах спорту, 2) медицині (*стінка кишечника, стінка шлунка* і інших внутрішніх органів у вигляді порожнини), 3) інтер'єрі житла, принаймні на більшості пострадянського простору, 4) будівництві – як внутрішня перегородка приміщень тощо. Це також субстантивовані множинні прикметники на зразок *безхребетні, пасльонові* та більш звичні множинні іменники, як-от *анатоксини* та *діалізатори*, окремі із яких нерідко є сумою номенклатурних знаків. Водночас це активні у термінопрактиці наймення, які не лише "востребованы" фахівцями, але й узаконені термінографією. Таке строкате номінативне розмаїття свідчить, що чинною залишається відома винокурівська теза, згідно з якою – терміни це не особливі слова, а лише слова (і, як видно з прикладів, не тільки) в особливій функції. Мова, отже, на усіх своїх рівнях – це відкрита й саморегулятивна система. Номінація – у тому числі і термінологічна – в її межах є двоєдністю процесу та результату називання з неодмінною дотриманістю одноозначності термінованого поняття і називального засобу. А типізація останнього нерідко є лише справою часу.

Термінопрактика останніх десятиліть суттєво розхитує прокрустове ложе більш і менш строгих вимог до терміна, які *de jure* майже півстоліття продовжують бути актуальними, а *de facto* все помітніше здають позиції. Для надання різнокількісним і різноструктурним СС статусу термінологічного наймення набагато більше аніж рекомендації та заборони важить зв'язок кожного з них із термінованим поняттям. Немає підстав ставити під сумнів очевидну, хоча й недостатньо обгрунтовану у термінознавстві думку, що всі ТС – це більшою чи меншою мірою сталі й відтворювані словесні комплекси, які саме завдяки цим якостям можуть слугувати мовними відповідниками термінованих понять. Засади сталості й відтворюваності цілого ряду неоднослівних поєднань були обгрунтовані Р.Будаговим, Л.Булаховським, В.Виноградовим, О.Реформатським та ін. й узагальнені передусім В.Перетрухіним як лексикалізовані словосполучення. Сьогодні вони представляють величезний масив переважно бічленів, які перестали бути вільними або ж виникли а чи й утворені як спеціальні знаки, з одного боку, і водночас "не дотягають" до фразеологічних одиниць (ФО) – з другого. До цього ж у них помітна бодай рудиментарна підрядність, що єднає їх із одиницями "малого синтаксису", і більша чи менша переносність, що в'яже їх із ФО. В.Перетрухін підкреслює, що лексикалізовані СС виникають у результаті перетворення вільних СС у "застиглі формули,

члени яких втрачають колишню лексичну та синтаксичну самостійність” (12.– С.164).

Естафету дослідження комплексних номінантів (термін М.Федорової), під якими розуміють передусім двокомпонентні СС, підхопили лінгвісти 70-х років (В.Кодухов, В.Мигирин, И.Торопцев і ін.), кваліфікуючи їх СС, що подібні до фразем, але різняться від останніх нульовою експресивністю та нульовою (у тому числі й втраченою) метафоричністю (16.– С.135). І ще одна цікава подробиця: зазначаючи, що жоден із компонентів поєднань типу *грудная жаба, железная дорога* не відіграє головної ролі у межах СС, автор підкреслила, що одночасне функціонування СС і однослівних відповідників є унаочненням свого роду словесної компресії – доволі поширеного в номінації явища, як-от *оборонная промышленность – оборонка, товарный потяг – товарняк; бронированный жилет – бронежилет – броник* (приклади мої – Б.М.).

Переважна більшість подальших прикладів ілюструє лише один із різновидів лексикалізованих одиниць, названий граматикалізованими СС. Це теж сталі відтворювані блоки, у творенні й функціонуванні яких важливу роль відіграють певні граматичні категорії. Єдність лексичних значень двох і більше слів, підкріплена відповідними морфологічними одиницями і формами, витворює номінативно самодостатні семантико-граматичні блоки, про які свого часу згадували як про завершені конструкції, пор.: "питання про завершеність конструкції безпосередньо стикаються з питанням граматичної сполучуваності розрядів і форм слів (1.– С.111). А далі В.Адмони підкреслює, що конкретні граматичні форми певних слів більше ніж сприяють їх лексико-семантичній сполучуваності – вони зумовлюють, забезпечують її, бо вже в інших формах такі лексико-семантичні сполучення втрачають єдність: "У своєму найбільш загальному вигляді граматична сполучуваність – продовжує лінгвіст – це потенційна здатність певних розрядів і форм слів сполучатися з іншими розрядами чи формами слів" (1.– С.111).

В останні роки зацікавлення фраземною та синтаксичною маргінальністю, залучення до студій різного роду міжфраземно-міжсинтаксичних стійкостей, усталених словесних комбінацій з участю непочаткових граматичних форм, великої кількості службових слів засвідчило, що у поле зору лінгвістів потрапили цікаві й поки що мало досліджені блоки. Це суперсегментні просодичні моделі на зразок *враги сожгли родную мхату* і народнофразеологічні комбінації, які є реакціями на певні ситуації чи запитання і які В.Гак називає фразеорефлексами (*отстань, смола; рот закрой, кишки простудишь*), колоритні ілюстрації пізнього радянського і пострадянського мовного андеграунду, серед яких є відносно широковживані і більш зрозумілі комплекси, зокрема у вигляді порівняльних зворотів (*как папа Карло, как сопля в полёте, как фанера над Парижем*), і достат-

ньо специфічні, сленгізми, якими послуговуються вузькі і навіть закриті соціуми: *нал* ← *налик* ← *наличка* = *наличман* ← *наличные деньги*; (*Уехать в Нальчик* – спробувати роздобути готівку), *слёзы Мичурина* (дешево і неякісне вино), *писдом* (писательский дом, себто будинок творчості письменників), щось на зразок радянських передсвяткових, але спотворених закликів, як-от "*Заводы рабочим, землю крестьянам, "Волеу" – к подъезду*" і под. Це також неоднослівні службові частини мови на зразок *во что бы то ни стало*, *к тому же*, словосполучення з певним елементом номінативності, як-от *на время*, *под видом* і под. (7; 13; 14; 17; 18).

Спеціальна література двояко підходить до поняття граматикалізації:

1. Втрата словом лексичної самостійності у зв'язку з використанням його у службовій функції (як-от *намалювати коло* і *сяду коло тебе*). 2. Узагальнення, абстрагування слова або речення від конкретного лексичного змісту².

Грамматикалізація також в'яжеться із нетиповістю певної конструкції у тій чи іншій функції. Спостереження свідчать, що згадана нетиповість чи не найбільш властива деяким видам атрибутивів. Найприроднішими, а звідси і найпоширенішими, є атрибутиви у вигляді прикметників, дієприкметників, меншою мірою порядкових числівників чи їх компонентів у позиції до означуваного слова. Такі бічлени цілком придатні і для виконання спеціалізованих термінних завдань, як-от *надпровідний магніт*, *попереджуюче повідомлення*, *четырёхадресная команда* і под.

Порівняно із моделями СС типу А + S чи А + А + S, менш природним у функції атрибутива є іменник у родовому відмінку. Але бісубстантиви на зразок *висота споруди*, *набирання швидкості* та ін. не менш вдалі для спеціальної, термінної номінації. У них залежність постпозитива закріплена непрямым відмінком, а атрибутивна зазвичай функція не зовсім відповідає природному словоладові мови. Це, однак, не означає, що термінологи повинні спрямувати всі зусилля на добирання саме атрибутивно-субстантивних СС, оскільки заміна одних моделей іншими (*двигун з карбюратором* – *карбюраторний двигун*, *органы охраны правопорядка* – *правоохранительные органы*) можлива далеко не завжди.

Ще менше вписуються в узвичаєну препозитивність означень прийменниково-відмінкові комплекси, прислівники і навіть звороти, які є показником і певної конвенціональності фахівців, і їх зусиль, бо вони прагнуть і точно, і саме так, не особливо вникаючи в природу мови, називати терміноване поняття. Таке явище слід сприймати не як мовну хибу, а як реальний лінгвальний факт, засіб збагачення мови, розширення її називальних

² Ганич Д.І., Олійник І.С. Словник лінгвістичних термінів.– К.: Вища школа.– 1985.– С. 53.

можливостей, які проявляють себе, як правило, у вигляді чогось не цілком нового у мовній системі. *Кóжух* і *кóмпáс*, а не *кожу́х* і *ко́мпас* кажуть фахівці, і мовникам не залишається нічого іншого, як визнати правомірність існування таких варіантів із новим, спеціальним значенням і навіть зафіксувати їх у спеціальних словниках. "*Не имеет смысла этого делать*" замість "*нет смысла этого делать*" кажуть навіть "давно остепенённые и умудрённые опытом филологи", і на зацікавлений закид про порушення тут граматичної нормативності напівжартома-напівсерйозно відповідають приблизно так: "Это новые лингвальные поветрия, которые во многом определяют нормативность в лингвистике". І з цим важко не погодитись; тенденції – це радше не наукове припущення, а чи навіть очікуване передбачення, а те реально нове і незвичне, що, незважаючи на прогнози, все сміливіше заявляє про себе.

Грамадикалізація як різновид лексикалізації полягає у понятійно-номінативній двоєдиності двох і більше слів у конкретній незмінній, переважно прийменниково-відмінковій, рідше іншій формі. Ця сукупність проявляє більші чи менші морфолого-синтаксичні розходження в усіх стилях і в процесі функціонування закріплюється, звичайно, і в науковому з більшою чи меншою галузевою специфікацією.

Конструкції з грамадикалізованими атрибутивами у мові достатньо багато, і це дає підстави фахівцям виділити їх у окреме "делопроизводство". Саме це підтверджує і поняття т.зв. "ущербных парадигм" (звужених, неповних, розширених), які займають важливе місце у розумінні парадигматики, оскільки в них відсутні одна чи кілька словоформ. На це звертав увагу зокрема Р.Мурясов (10.– С.11). У прикладах, які я наводжу, радше присутня лише одна словоформа. Саме вона збігається з конкретним граматичним значенням. Інша річ, що такі атрибутиви краще чи гірше доповнюють і уточнюють означуване слово, з'єднуючись з ними в один називальний комплекс, відповідно, більше або менше придатний для виконання спеціальних термінологічних функцій. Правомірно, отже, говорити про певну градацію нетипової називальності, яка базується на більш чи менш узвичаєному словоладі мови взагалі і неоднослівних одиниць малого синтаксису зокрема. Під термінологічним кутом зору це свого роду "шкала предпочтительности", у межах якої є більш вдалі, придатні, узвичаєні для термінологічної функції одиниці, і менш природні. Останні, як правило, створені фахівцями конкретних галузей знань без особливого зважання не лише на типовість, але й на нормативність.

Найменш суттєву термінно-номінативну нетиповість порявляно з найпоширенішими класичними бічленами моделі А+S проявляють бісубстантиви типу S н.в. + S р.в.: *осердя котушки, центр кулі* і под. Це нетипова термінологічна атрибутивність, загальновідома в синтаксисі як різновид неузгоджених означень, що його суттєво розхитує очевидний мор-

фолого-синтаксичний синкретизм – а чи завжди постпозитивний субстантив є атрибутивом: *мікросхема замовлення, мікрофон напрямленості*? Роблячи спробу розширення можливостей термінологічної номінації, цілковито заплющувати очі на це суто граматичне запитання було б легковажно.

Серед неоднослівних нетипових наймень не найбільше також розхитують строгість термінологічної номінації терміни з атрибутивами, вираженими прийменниково-відмінковими комплексами. Прийменниково-субстантивний комплекс у граматичних теоріях і інтерпретаціях незмінно притягав до себе увагу лінгвістів. Під логіко-граматичним кутом зору його кваліфікували членом речення або словосполучення; з позицій структурно-семантичної теорії його розглядали як прислівний поширювач компонентів структурної схеми і навіть детермінант; із семантико-синтаксичної точки зору його розцінювали елементарною синтаксею; при формально-синтаксичному розгляді це була словоформа; функційний підхід давав змогу кваліфікувати його структурно-змістовим елементом і т.д. Деякі точки зору знаходили підтримку і подальший розвиток, інші зазнавали критики або ж не привертали до себе уваги (5; 6; 8).

До повновартісних термінологічних бічленів, як, наприклад, атрибутивно-субстантивні двокомпоненти моделі типу S н.в. + ргеп + S у різних відмінках “не дотягають” щонайбільше за двома показниками: нетиповою будовою, що для спеціальних наймень не є фатально, і зрідка невиправдано вузьким значенням, що наближає такі наймень до номенклатурних знаків, як-от *блуза з капюшоном, регенерирующий бальзам для тела, смягчающий лосьон для тела* і под. Переважна більшість же наймень із прийменниково-відмінковим постпозитивним комплексом однозначні, систематичні, точні, а також відповідають іншим вимогам, що їх висувають до неоднослівних термінів. У номінативному арсеналі таких наймень достатньо багато, щоб вважати їх одиничними чи випадковими засобами називання: *бої без правил, боротьба за виживання, будівництво під ключ, водка с ароматическими добавками, время "ч", друкування в розрядку, килим ручної роботи, крем под макіяж, обсуждение в рабочем порядке, постановка на учёт, продажа из-под полы, продажа с колёс, ресницы с удлиняющим эффектом, садіння під лопату, снятие с учёта, стрижка под бокс, товари під реалізацію, товариство з обмеженою відповідальністю, час пик* і ін. Ці та подібні комплекси, на мою думку, однаково добре представляють три стилі: офіційно-діловий, науковий і публіцистичний, пор.: “Недавно з трибуни Верховної Ради пролунало, що порушення вимог кримінально-процесуального законодавства щодо *утримання осіб під вартою* (курсив мій – Б.М.) в Україні стало масовим явищем” (Високий замок.– 24 березня 2000). Я далекий від думки стверджувати, що наведені та інші блоки завтра ж органічно увіллються у термінофонд. Ні, їх надовго затримають фахівці у термінному передпокої і, думаю, більша частина з них так і залишиться

ілюстрацією лише тенденції поповнення термінології у руслі загального розвитку мови. Деякі прийменниково-відмінкові блоки репрезентують і інші тексти: *в натуре, на зоне, на тюрме, на халяву, по жизни* і ін. Такі комплекси можна покласифікувати за прийменниково-відмінковими типами, що свідчать не лише про численність, але й системність і структурованість їх: *обговорення у пріоритетному порядку, обговорення в рабочем порядке, совещание в расширенном составе; изменение по этическим соображениям, оснащение по последнему слову техники, работа по совместительству* і т.д. Неоднослівні атрибутиви-обмежувачі можуть обходитися і без прийменника: *ранения различной степени тяжести, стрельба прямой наводкой, товары первой необходимости* тощо.

Цьому переважно препозитивно-флексивному тандему в числі інших прийменниково-відмінкових сукупностей продовжує приділяти багато уваги І.Вихованець. Досліджуючи розвиток аналітизму в граматичній структурі української мови, лінгвіст підкреслює єдність прийменника та відмінка не лише як зовнішній показник мовної системи, але й двоєдиність внутрішніх, структурно-семантично взаємообумовлених засад повної або часткової нейтралізації конкретної граматичної форми субстантива та використання її у функції аналітичного атрибутива чи прислівника, що, звичайно, для іменника нетипове (2.– С.182–189). Це дуже важливо і для суто граматичного, зазвичай навчального тлумачення неморфологізованих членів речення, і для легалізації та унаочнення розмаїтих детермінантів, і для терміної номінації, коли прийменниково-відмінкові блоки слугують хай не типовими, але й не поодинокими та цілком правомірними обмежувачами термінованого поняття.

Як свідчать приклади, переважна більшість цих і подібних блоків в українській і російській мовах досягає своєї семантичної цілісності й текстової відтворюваності не без участі переносності, до якої залучені й прийменники. Диференціюючи прийменникові конструкції (багато в чому, до речі, посилаючись на Н.Шведову) на структури з власне і не власне граматичним значенням і за – крім інших ознак – прямим і переносним значенням (*за високим деревом ≠ за межею бідності*), З.Іваненко писала: "Під не власне граматичним значенням прийменникової сполуки розуміють звичайно ті відношення, що формуються внаслідок складної взаємодії граматичних та лексико-семантичних значень і їх компонентів" (6.– С.8).

У цих і подібних СС значення прийменника достатньо вагоме. Дається взнаки, думаю, розсосередження номінативної спеціалізації цілого комплексу на усі наявні компоненти, а тому суттєва доля цієї спеціалізації припадає і на прийменник. Меншою мірою значення прийменника відчутне у ТС з більшою кількістю повнозначних слів, як-от *шкідливі викиди в атмосферу*. Це на загал природно, бо саме на прийменник як єдину тут

службову частину мови поширюється, якщо образно, залишковий принцип номінативності. Але назва **прійменниково-відмінковий блок** (далі ПВБ), що сформований з усіх складників словосполучення, чинна стосовно певної сукупності слів як у межах речення, так і в межах непередикативного поєднання (9.– С.113).

Прислівник, як відомо, не вельми термінологічна частина мови у зв'язку зі своєю незмінністю. Його звичне місце у складі ТС – на самому початку, і це переважно й дає йому можливість залишатися нерухомим: *дистанційно керована підстанція, однорідно розширена лінія, тривало допустимий струм провідника* тощо³. Наведені та інші прислівники багатоаспектні у своїй категоріально-частининомовній характеристиці за ознакою: локальність, тривалість, якість, інколи сукупно-кількісне значення та под. Ці та інші характеристики роблять прислівник суттєвим синтетичним компонентом ТС. Погляд на наведені й інші приклади із синтаксичної точки зору дає підстави кваліфікувати прислівник у функції означення, яке десь межує із модальною часткою. Навіть якщо така характеристика не зовсім переконлива, то препозиція у складі ТС все ж більше робить його атрибутивом аніж постпозиція, а тому він не настільки граматикалізований, аніж означення у наведених вище прикладах.

Постпозиція прислівника у складі ТС – явище малопоширене. Так, модель S +Adv представляє тип терміна, який зовсім не типовий порівняно з іншими: *кава по-турецьки, котлети по-львівськи, м'ясо по-гуцульськи, наклон вперед*. Мабуть, подібних прикладів є більше, але нетиповість полягає ще й у тому, що ці терміни межують з номенклатурними знаками, хоча ними не є. Відтопонімного походження прислівники мають явно “харчовий присмак” і вказують на спосіб приготування їжі. На рівні інших стилів, покладаючись передусім на слововжиток у звичайному мовному довіллі, теж, вважаю, більш природно було б залишати прислівник на своєму місці. Чому б не казати *совершенно жуткие слова* чи *совершенно чудные пейзажи*? Ні, воліють *жуткие совершенно слова* і *чудные совершенно пейзажи*. Щось подібне і в українській мові: *Він повернувся додому стомлений абсолютно* – без знака оклику, а отже й особливої потреби підкреслювати втому на межі із запамороченням. Така позиційна вільність теж розширює нормативні межі.

Поєднанням слів, які претендують на виконання функцій терміна, дуже складно якось обійти низку термінологічних вимог, якщо у їхньому складі є звороти. Це типові засоби ускладнення речень, оскільки вони

³ Ці та інші подібні приклади узяті із: Б.Рицар, К.Семенистий, І.Кочан. Російсько-український та українсько-російський словник з радіоелектроніки.– Львів: "Логос", 1995.– 607 с.

в'яжуться із потенційною предикативністю. Нерідко саме зі зворотами пов'язують понятійну напівпредикативність.

Із кількох чинних в українській і російській мовах синтаксичних засобів ускладнення найбільшу потенційну долю номінативності містить у собі дієприкметниковий зворот. Це не лише цікавий граматико-пунктуаційний комплекс, але й помітний семантико-інформаційний згусток. Саме постпозиція поширеного, а звідси відокремленого означення стосовно означуваного слова надає усій структурі помітної семантико-інформативної цілісності. Цим вдало і, гадаю, дуже природно послуговується передусім російська публіцистика, використовуючи морфологічну гнучкість дієслова: *источники, заслуживающие доверия; ответ, заслуживающий внимания; условия, приближенные к боевым* і под. В українській мові ставлення до таких структур двояке: позитивне, бо чому б не використовувати природних граматичних можливостей мови, і негативне, яке, до речі, переважає, оскільки активні дієприкметники, як вважають, ніби не є питомою українською дієслівною формою, а в десяткові слів на зразок *палюче (сонце), лежачий (хворий)* прикметниковість набагато переважає дієслівність, навіть витісняє її, як-от *відбивні* замість *відбивані*, коли ідеться про м'ясну страву. Більшість сучасної лінгвістичної літератури – наскільки вона мені відома, – переважно навчальної, воліє обходити мовчанкою правомірність слововживання активних дієприкметників теперішнього часу. Усвідомлюю, що заборони чи заохочення – не найкращий спосіб розв'язання наукової проблеми. Тексти української класичної літератури свідчать, однак, що за всяку ціну позбуватися таких форм не варто, пор.: *І де в світі тая сила, щоб в бігу її спинила, щоб згасила, мов огонь, розвидняючийся день?* (І.Франко). Навіть якщо зважити на час написання цього твору і особливості поетичного тексту.

На рівні інших стилів такі прояви необдуманого пуризму передусім дають матеріал для безпідставної масової заміни типу *куріння на паління* (але ж *курити фіміам; бреше, аж з-під носа куриться* і под.) і поживу для анекдотичних перекручень на зразок *зупинівка* чи *командирівка*.

Термінологія як розділ мовознавства не заохочує використання дієприкметникових зворотів як компонентів термінів, а сфера фіксації категорично не надає їм притулку у своєму складі. Та все ж вони наявні не лише у публіцистиці та науково-популярному підстилі (*газовый пистолет, переделанный под стрельбу боевыми патронами; тушь увеличивающая объём*), звідки, як уже зазначалося, шлях зовсім не закритий у науковий стиль, але й у наукових текстах: *мінерали, оборотні негативно; мінерали оптично позитивні; мінерали, не насичені кремнеземом* і под.⁴.

⁴ Три останні приклади узяті зі статті Н.Овчаренко (див. № 11).

Коли корінь зла цих і подібних термінів ховається саме у зворотах як морфологічній формі дієслова, то таких зворотів можливо позбутися шляхом зміни порядку слів на зразок *негативно оборотні мінерали* замість *мінерали, оборотні негативно*. Але головне, як на мене, не в цьому. Першопричина, думаю, в тім, що в межах терміна як цілісної номінативної одиниці недопустима кома. І друге – у таких комплексах, які вже граматично “налаштовані” вирватись з-під опіки означуваного слова, все ж присутня напівпредикативність. Тому заохочення таких термінів, легалізація їх у сфері фіксації з часом може призвести до їх же самознищення. Але це радше припущення з посиланням на сферу фіксації, аніж спроба заборонити такі наймення чи бодай якимось запобігти їм – без термінних шукань не було б розвитку термінології як науки. Ось як про такий факт свого часу писали Б.Головин і Р.Кобрин: “Очевидне різноманіття граматичних структур термінів: беручи участь у професійній комунікації, термінологічні одиниці намагаються до реалізації різних граматичних форм і категорій, властивих їм як одиницям мови” (3 – С.75).

І вже зовсім раритетом навіть при найм’якших вимогах до термінофонду є наведене Н.Овчаренко СС *гідроокис магнію, який містить нікель* (11). Формально це не СС як одиниця малого синтаксису і як відповідник термінованого поняття, а фрагмент складнопідрядного речення, що у функції спеціального наймення виглядає досить штучно. Гадаю, що такі терміни навіть не найближчим часом не мають шансів поповнювати термінофонд. У такому разі фахівцям нічого іншого не залишатиметься, як позбутися словесної зайвості та граматичної складності, використовуючи замість наведеного СС варіанти типу *гідроокис металомісткого магнію*. При цьому вони б не лише не руйнували, але й не збіднювали понятійного відповідника. Таке відхилення від узвичаєних спеціальних наймень зумовлене не структурою мови, а радше системою одного із її стилів. Маємо нормативно-стильове незбігання, яке, коли образно, не відповідає законам жанру.

На збільшення кількості та розширення типів неоднослівних термінів впливають закономірності та особливості номінації та малого синтаксису. Вони корегують розвиток і збагачення терміносполучень, не виходячи за межі словоладу мови і водночас зважаючи на специфіку називання в термінології.

Бісубстантиви, наприклад, хоча й не найбільш типові термінні двочлени, практично не порушують вимог до терміна. Та й непоширеність їх проявляє себе радше на суто синтаксичному рівні, аніж термінологічному. Прийменниково-відмінкові блоки у функції атрибутивів, теж не найтипівіші засоби термінного називання, слугують не лише добрими розширювачами доміантних компонентів ТС, але й прекрасним унаочненням їх сталості та відтворюваності – цих базових характеристик складених термінів.

Нетиповість, що межує з порушенням вимог до терміна, притаманна СС з атрибутивами-зворотами. Хоча, судячи з термінопрактики, це не є неприпустимим недоліком термінів. А от фрагменти складнопідрядних речень, що їх до виконання номінативної функції пристосовують, явно порушують вимоги до терміна і не мають шансів на розвиток.

Наведені та подібні комплекси свідчать не лише про лексикалізацію словникового складу, але й про лексикалізацію граматики, яка бере дедалі активнішу участь у розширенні сучасної термінономінації. Широкий діапазон невербальних номінативних засобів, достатньо смілива тропіка і нетипові одиниці малого синтаксису, зокрема прийменниково-відмінкові блоки, є визначальною рисою сьогоденішнього збагачення терміносистем.

Література

1. Адмони В.Г. *Завершённость конструкции как явление синтаксической формы* // Вопросы языкознания. – 1958. – № 1. – С.111–117.
2. Вихованець І.Р. *Система відмінків української мови*. – К.: Наукова думка, 1987. – 231 с.
3. Гак В.Г. *Языковые преобразования*. – Школа "Языки русской культуры". – Москва, 1998. – 763 с.
4. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. *Лингвистические основы учения о терминах*. – М.: Высшая школа, 1987. – 103 с.
5. Іваненко З.І. *Семантична структура прийменникових конструкцій* // Мовознавство. – 1968. – № 3. – С.13–22.
6. Іваненко З.І. *Система прийменникових конструкцій адвербіального значення*. – Київ; Одеса: Вища школа, 1981. – 143 с.
7. Івченко А.О. *Українська народна фразеологія: ареали, етимологія*. – Харків: "ОКО", 1996. – 158 с.
8. Кононенко В.І. *Прийменниково-субстантивний комплекс в аспекті синтаксису* // Мовознавство. – 1978. – № 3. – С.3–12.
9. Луцкай В.В. *Словоформи неповної синтаксичної спеціалізації в українській і російській мовах* // Лінгвістичні студії. Тематичний збірник наук. праць. Вип.1. (Наук. ред. А.П.Загнітко). – Донецьк, Дон. ДУ 1994. – С.113–119.
10. Мурясов Р.В. *К теории парадигматики в лингвистике* // Вопросы языкознания. – 1980. – № 6. – С.109–121.
11. Овчаренко Н.І. *Структурні різновиди номінативних словосполучень (на матеріалі мінералогічної термінології)* // Лінгвістичні студії. Тематичний збірник наук. праць. Вип.1. (Наук. ред. А.П.Загнітко). – Донецьк, Дон. ДУ 1994. – С.120–125.

12. Перетрухин В.И. *Введение в языкознание*. Курс лекций. – Белгород, 1968. – 359 с.
13. Рогожникова Р.П. *Словарь сочетаний, эквивалентных слову. Наречные, служебные, модальные единства*.– М.: “Русский язык”, 1983. – 144 с.
14. *Словарь структурных слов русского языка* (Под ред. проф. В.В.Морковкина).– М.: Лазурь, 1997. – 420 с.
15. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. *Общая терминология. Вопросы теории*.– М.: Наука, 1989.– 248 с.
16. Федорова М.В. *О типах номинации в русском языке // Вопросы языкознания*.– 1979.– № 3.– С.132–137.
17. *Фразеология в контексте культуры*. Отв. ред. В.Н.Телия.– М.: “Языки русской культуры”, 1999.– 333 с.
18. Юганов И., Юганова Ф. *Словарь русского сленга* (сленговые слова и выражения 60–90-х годов).– М.: Метатекст, 1997.– 304 с.

ОБРАЗ ПРП. МОИСЕЯ УГРИНА
В ПРОИЗВЕДЕНИИ XVII ВЕКА "СТИХ О ЗЛОЙ ТРАВЕ ШИХЕ"
И В КОММЕНТАРИЯХ В.В.РОЗАНОВА НАЧАЛА XX ВЕКА

Три брата, – прп. Моисей Угрин (ум. в 1043 г.), прп. Ефрем Новоторжский (ум. в 1053 г.) и мч. Георгий Угрин (ум. в 1015 г.), как известно, были венграми по происхождению. В некоторых древних рукописях прп. Ефрем также называется Угрином. Два старших брата – прп. Моисей и прп. Ефрем – стали широко чтимыми святыми еще в Древней Руси: прп. Ефрем является основателем первого Борисо-Глебского монастыря; прп. Моисею в Киево-Печерском патерике посвящено самое обширное Слово, основным источником для которого послужило не дошедшее до нас раннее житие прп. Антония Печерского (об этом сообщает сам автор Слова – черноризец Поликарп).⁵ Образ прп. Моисея Утрина в Киево-Печерском патерике в сравнении со службой ему (26 июля) проанализированы нами в отдельной статье (см. Лепахин 1995:45-55). Здесь мы вкратце напомним только основные эпизоды жития святого для последующего сравнения с указанным произведением XVII века и заметками В.В.Розанова начала XX века.

Во время борьбы за киевский престол между Святополком Окаянным и Ярославом Моисей был отведен пленником в Польшу.⁶ Одна вдова "знатная, красивая и молодая, имевшая богатство большое и власть" воспылила страстью к Моисею. Вначале она предлагает ему освобождение, но Моисей предпочитает и далее со смирением переносить рабство, ибо "Богу так угодно". Женщина предлагает ему себя и все свои поместья, но на это Моисей приводит такие эпизоды из Библии, в которых женщина стала прямой или косвенной причиной греха и зла: Ева – Адам, Далила – Самсон, жены-чужестранки и Соломон,⁷ Иродиада (ее дочь Саломея) и Ирод Антипа и др. (Здесь по-своему отдана дань популярной в древнерусской литературе теме "злых жен",⁸ хотя своими корнями она уходит еще в Ветхий Завет⁹).

⁵ Существует довольно обширная литература, посвященная трем братьям. Она приводится в конце статьи.

⁶ Описание его пребывания на чужбине имеет заметные черты сходства с библейской историей Иосифа Прекрасного, с которым он трижды сравнивается в службе.

⁷ В 3-ей Книге Царств рассказывается, что под старость Соломон "прилепился любовью" к чужестранным женам, и они развратили сердце его: Соломон не только разрешил строить капища и поклоняться чужим богам (Астарте, Молоху и др.), но и сам стал служить Астарте (3 Цар.11:1-8).

⁸ Возможный современник инока Поликарпа Даниил Заточник в своем Слове посвятил теме злых жен полторы страницы из восьми, т.е. чуть менее пятой части произведения.

Красавица-полячка предпринимает новую попытку. Она выкупает Моисея из рабства, освобождает от оков, приказывает одеть в дорогие одежды, кормить "сладкими кушаньями", только чтобы он ответил на ее страсть. Моисей же начинает еще "прилежнее молиться и изнурять себя постом". Тогда женщина решает уморить его голодом, но один из ее слуг тайно приносит Моисею еду. Другие пленники, видя страдания Моисея, пытаются уговорить его жениться. Они даже цитируют стихи из Евангелия и Послания апостола Павла о браке. Здесь впервые Моисей открыто говорит "доброжелателям" о своем призвании: "Если я живой избавлюсь от руки женщины этой, то монахом стану". Женщина предпринимает новую "лукавую" попытку. Она приказывает возить Моисея в сопровождении многочисленных слуг по своим поместьям, а людям говорит, что это ее муж и их новый господин, даже повелевает кланяться ему, как хозяину. В это время "по наставлению Божию" с Афона приходит иеромонах, который и постригает Моисея в иноки. После пострижения для Моисея начинаются новые испытания. Женщина, узнав о случившемся, подвергает Моисея тяжким истязаниям. Его бьют палками, так что "земля напиталась кровью" его, но и эти мучения прп. Моисей стойко переносит. По просьбе женщины в этом частном деле принимает участие польский король Болеслав, который "долго принуждал его (Моисея) взять за себя эту вдову", обещая ему власть, славу и честь. Но все было безуспешно. Вслед за этим начинается последний этап испытаний для Моисея. Женщина велит насильно укладывать его в свою постель, и когда не удастся привлечь его к себе, то приказывает давать ему по сто ударов палками каждый день, а потом отрезать тайные уды, говоря при этом: "Не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другие". Но в 1025 году Болеслав внезапно умирает. Спустя некоторое время в Польше поднимается мятеж, во время которого убивают и эту женщину. "Преподобный же Моисей, оправившись от ран, пришел к Святой Богородице, в святой Печерский монастырь, нося на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и воин Христов" (см. Библиотека 1997:416-427). Такова вкратце история прп. Моисея согласно Киево-Печерскому патерику.

* * *

Образ прп. Моисея получил несколько неожиданную интерпретацию и развитие в произведении XVII века "Стих о злой траве шихе" (см. Стих 1894:1-12).¹⁰ Согласно И.А.Гольшеву, который в конце XIX века

⁹ См., например, Прем.19:13, 21:9; Сир.25:18-29. Тема злых жен встречается в святоотеческой проповеди, например, у свт. Иоанна Златоуста.

¹⁰ Полное название произведения звучит так: "Стихъ о злой траве шихе, како отъ нея кто побеждается и всего добраго здесь лишается, а по смерти во адъ вселяется,

нашел и опубликовал это произведение, оно продолжает тему "злых жен", а ших-трава – это аллегорическое представление блуда, прелюбодеяния и некоторых других грехов (Стих 1894:3). М.Д.Каган отмечает, что ших-трава в произведении замещает иногда хмель-траву, а подчас выступает и в роли простого фольклорного рефрена (Каган 1998:505-506).¹¹

Можно обратить внимание и на другие особенности произведения. Не случайно, на наш взгляд, в названии Стиха цитируются в усеченном виде слова апостола Павла: "Прелюбодеи и блудницы и *пьяницы* Царства Божия не наследят" (ср. 2Кор.6:9; курсив наш – В.Л.). Как видим, уже в названии соединены темы мужского и женского блуда и пьянства.¹² Итак, что такое эта загадочная трава? В произведении ших-трава многолика и многообразна. Это и аллегория блудной страсти, которая с помощью красоты, обмана или хитрости – часто также с помощью вина – ввела в грех или погубила многих знаменитых ветхозаветных и новозаветных персонажей. Это и "злая жена". Это и некая безличная и безликая сила, устоять перед которой человек не в силах.¹³ Это иногда и некая дурман-трава, которая лишает человека разума и заставляет его совершать поступки, на которые он не способен в "трезвом" духовном состоянии. Это и змий-искуситель в раю. Это и грех прародителей ("ших трава исперва ко Адаму прививалася" – Стих 1894:11). Это и первородный грех в людях ("первородный грех его (Адама) на всех умножался" – Стих 1894:12). Это и олицетворение женщины-блудницы.¹⁴ Наконец, иногда ших-трава "действует" вместе с бесами или самим дьяволом (Стих 1894:5,9 и др.). Последствия воздействия ших-травы на человека также различны: изгнание из рая, смерть, идо-

Царства Небеснаго лишается, яко же рече Апостоль: прелюбодеи и блудницы и пьяницы Царствия Божия не наследят".

¹¹ В библиографии М.Д.Каган не указывает ни одного исследования, посвященного этому произведению, вероятно, потому что их просто нет, хотя Стих опубликован еще в 1894 году. В библиографии не указаны и последующие публикации произведения, вероятно, потому что их также не было. Составители двенадцатитомных "Памятников древнерусской литературы" также не обратили внимания на это произведение и не включили его в это солидное издание древнерусских текстов. М.Д.Каган отмечает, что словосочетания "ших-трава" нет в самых полных и известных словарях.

¹² Отметим, что в Послании апостола говорится о блудниках, а не о блудницах, а кроме того, называются идолослужители, воры, лихоимцы, злоречивые и др.

¹³ Далила сознательно стремилась погубить Самсона, но, например, для Давида ших-травой стала собственная похоть, поскольку Вирсавия его прямо не искушала.

¹⁴ "Глаза веселы являет, то есть шихъ трава. Лице вапами натираеть, красно являет, малоумныхъ прельщаетъ, то есть шихъ трава. Одеждою прелестною себя украшаетъ, веселозираеть, уста къ целованию протягаетъ, то есть шихъ трава" (Стих 1894:12).

поклонство, грех блуда или прелюбодеяния, заключение в тюрьму, ссылка, разделение мужа и жены, но страдающей стороной в произведении всегда выступает мужчина.

Так же, как в житии прп. Моисея Угрина, в Стихе упоминаются "пострадавшие" от ших-травы: праотец Адам, могучий Самсон, мудрый Соломон и Иоанн Предтеча. Но Стих называет кроме них Иосифа Прекрасного, царя Давида,¹⁵ а также свт. Иоанна Златоустого. Это краткая вступительная часть произведения. За ней следуют несколько развернутых эпизодов, связанных с означенной в заглавии темой. Они посвящены прп. Моисею Угрину, прп. Мартирию, св. Григорию Карфагенскому, св. Евгению, прп. Иоасафу-царевичу,¹⁶ а заканчивается Стих опять темой грехопадения Адама и его последствиями. Мы обратимся только к первой части Стиха, в которой говорится о прп. Моисее, и приведем ее полностью, поскольку произведение опубликовано единственный раз более ста лет назад (соблюдена орфография первой публикации).

Берегитесь, братіе, злыя травы шиха,
о, злое зло всего зла зл`е на вольномъ св`т`
злая трава шихъ...

Преподобнаго отца Моисея Угрина
прельстить умыслила,
то есть шихъ трава.¹⁷
И по многимъ селомъ своимъ его водила,
и все богатство ему вручала,
и господиномъ быти ему об`щала,
то есть шихъ трава.¹⁸
Онъ же т`мъ не прельщался,
горькой мук` от нея предавался,
то есть шихъ трава.
Еще она прельщала,
сладкія брашны и питія ему представляла,
то есть шихъ трава.
И саму себя въ любовь ему отдавала,
то есть шихъ трава.

¹⁵ Имеется в виду страсть Давида к жене Урии Вирсавии, из-за которой царь послал Урию в самое опасное место битвы, где тот был убит, а Давид взял себе его жену, за что его обличал пророк Нафан, как позже Иоанн Креститель Ирода за Иродиаду (2Цар.11:1-26; Мф.14:1-12).

¹⁶ Краткий критический разбор этих эпизодов содержится у М.Д.Кагана (см.: Каган 1998:504-506).

¹⁷ Здесь ших-трава – аллегория.

¹⁸ Здесь происходит контаминация женщины-искусительницы и травы.

Любить его об`щала,
то есть шихъ трава.
Мягкія постели постилала,
то есть шихъ трава.
На скверное см`шеніе призывала,
то есть шихъ трава.
Онъ на то оскверненіе не прельщался,
языкъ его зубами угрызался,
слюнами съ кровію въ лиц` ей плевался,
то есть шихъ трава.
За то веригами жел`зными от нея оковался,
и горькимъ мукамъ предавался,
жизни сея лишался,
то есть шихъ трава.
От скверныя сея жены сохранился,
за то въ Царство Небесное водворился,
то есть шихъ трава.¹⁹

Для сравнения со Стихом напомним вкратце искушения прп. Моисея в том порядке, в котором они описаны в его патеричном житии. 1. Предложение взаимного наслаждения красотой. 2. Выкуп из плена. 3. Освобождение от оков, многоценные одежды, кушанья, объятия. 4. Испытание голодом. 5. Поездка по владениям и предложением стать хозяином. 6. Пострижение. 7. Палочные удары. 8. Эпизод с королем Болеславом. 9. Насильственное укладывание в постель. 10. Сто ударов в день. 11. Оскопление. Как видим, автор Стиха выбрал из жития некоторые эпизоды и по-своему сформулировал суть искушений. На первое место он поставил поездку по владениям и предложение стать господином, на второе – горькие муки (без конкретизации), на третье – кушанья и питья, на четвертое – разные формы любовных искушений, на пятое – эпизод с откушенным языком (этого нет в житии), на шестое – железные оковы (нет в житии), на шестое – смерть (также отсутствует в житии). Автор довольно свободно обращается с житием прп. Моисея: он делает принципиально важные *отступления* от агиографического текста и даже *искажает идею* патеричного жития святого.²⁰ Во-первых, он не упоминает факт пострижения Моисея в монахи, эпизод с королем Болеславом и даже оскопление. Во-вторых, в Стихе женщина доводит Моисея до смерти. Нельзя ли отсюда сделать вывод, что автору Стиха не был известен текст жития прп. Моисея? Святой для автора просто широко известный по теме "злых жен" символ победы

¹⁹ Очевидно, что в этом случае рефрен – просто присказка, припев, повтор.

²⁰ Довольно свободно автор Стиха обращается с житиями и других святых.

над блудной страстью. Но, возможно, автор знал особенности кончины Моисея, и ввел мотив смерти для того, чтобы возвеличить подвиг преподобного. В-третьих, в Стих включен яркий, несколько натуралистически поданный эпизод: прп. Моисей, чтобы выдержать искушение блудной страстью, откусывает собственный язык и выплевывает его в лицо соблазнительнице. Возможно, автор Стиха заимствовал этот эпизод из поздних русских повестей XVI-XVII веков, но, может быть, из древних сирийских или египетских патериков. По своему духу этот эпизод чужд и киевской аскетике XI-XIII веков, и житию прп. Моисея, который одерживает победу, благодаря своей духовной и телесной чистоте и решимости стать иноком.

* * *

В начале XX века к патеричному житию прп. Моисея обратился В.В.Розанов. В книге "Люди лунного света" (1911 г.) он полностью перепечатал житие святого из Патерика и снабдил его своими комментариями и критическими замечаниями (Розанов 1994:343-352, 400-401). В этих заметках отразился особый интерес Розанова к проблемам пола. Мы выбрали лишь наиболее характерные его замечания²¹ в адрес жития и Патерика в целом и попытались коротко ответить на них.

1. Составитель жития²² показывает Моисея как исповедника религии девства, но ведь ясно, что автор, говорит Розанов, по ошибке принял "не могу" Моисея за его "не хочу". В ответ на это замечание писателя процитируем самого прп. Моисея: "Не думай, – говорит он женщине, – что я... не могу этого дела сделать" (Библиотека 1997:425). Итак, святой отказывается от близости с женщиной именно потому, что "не хочет": во-первых, это нарушение заповеди Божией, а во-вторых, он полон стремления стать монахом.

2. В житии есть такие слова: "Понял блаженный желание ее нечистое..." Розанов делает примечание: "Почему "нечистое"? Совершенно чистое, – как у Евы при взгляде на Адама" (Розанов 1994:344). Надо ли объяснять, что нечистым ее желание называется в житии потому, речь идет о любодеянии, которое находится под запрещением седьмой заповеди Ветхого Завета, столь близкого Розанову. Пример же с Адамом и Евой неудачен потому, что Господь создал Еву как жену для Адама; кроме того, в раю они смотрели друг на друга и не стыдились, после же грехопадения и изгнания из рая стали стыдиться (вообще же, о том, как Ева смотрела на Адама, можно только домысливать).

²¹ Некоторые из них настолько специфичны, что мы их опускаем, поскольку дискуссия увела бы нас из области литературоведения в медицину, психиатрию, физиологию и сексопатологию.

²² Слово житие Розанов заключает в кавычки, впрочем, как и слово святой.

3. Далее Розанов делает такое замечание: "Пища эта (собрание житий Печерских святых – В.Л.) вся отравлена ядом скопчества и бунтом против заповеди Господней: "Оплодотворяйтесь! Размножайтесь!" Печерских святых Розанов называет наивными и невинными богоборцами, а Патерик богоборческой книгой (см. Розанов 1994:344). Оставим в стороне неточную цитату из книги Бытия. Но как можно сводить все ветхозаветные заповеди к одной единственной? Ведь есть десять заповедей, данных на горе Синай, среди которых есть и такая: "Не прелюбодействуй", а именно это предлагала уже бывшая замужем женщина не знавшему женщин Моисею. И женщина предлагала Моисею не "плодиться и размножаться", а насладиться красотой друг друга. Отметим и буквалистское понимание писателем слов Христа о разных видах скопчества – не в духовном, а в сектантском смысле. В 19-й главе Евангелия от Матфея Христос говорит о трех видах девства: "...Есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые осклоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит" (Мф.19:12). Итак, либо врожденный недостаток, либо хирургическое вмешательство, либо духовное "скопчество" ради Царствия Небесного, т.е. безбрачие, девство – полное посвящение себя Богу, что и выбрал Моисей, вероятно, еще с отроческого возраста.²³

4. В житии женщина говорит: "Не могу я перенести, что гибнет даром твоя красота". К этим словам Розанов с восхищением делает следующее примечание: "Как основательно! Прямо – закон Божий: "Ты молод и прекрасен, и я не стара еще и не безобразна, – давай размножимся по слову Божию, зачнем прекрасных детей" (Розанов 1994:345). Здесь Розанов вычитывает из жития то, чего там нет, а точнее, приписывает женщине свои слова, мысли и пожелания, которых у нее, согласно житию, вовсе не было, – а именно, размножение и деторождение. В действиях женщины, так как они описаны в житии, бросаются в глаза несколько особенностей, которых не замечает или не хочет замечать Розанов. Во-первых, она не говорит о любви к пленнику, но только о физическом утолении страсти, о плотском

²³ Согласно всем святоотеческим толкованиям этих стихов Евангелия, речь идет именно о добровольном девстве. Это условное "скопчество" – по сути добровольное воздержание – без всякого физического вмешательства, и его не следует путать с сектантским скопчеством, т.е. физическим осклоплением. Секта скопцов возникла в России во второй половине XVIII века и совершала осклопление мужчин и женщин в двух видах: полное, называвшееся большой или царской печатью, и неполное, отнимавшее лишь способность к оплодотворению – т. наз. малая печать. Церковь всегда осуждала членовредительство, выступала против него, стремилась предотвратить любое добровольное или насильственное стремление исказить богоданное естество человека на основе неверно понятых и истолкованных слов Христа или вследствие сектантского учения.

вожделении, о наслаждении ("дай мне красотой твоей насладиться", "а ты насладишься моей красотой"). И поэтому, как выясняется позже, самое страшное наказание Моисея в ее глазах – это его оскотление. Во-вторых, она как бы хочет *купить* Моисея либо в качестве любовника, либо в качестве мужа. В-третьих, она предлагает Моисею как раз то, от чего он хочет отречься (а внутренне уже отрекся), – богатство, славу, почести; тем самым она не просто предлагает ему другой путь – брак, благословенный Богом, а косвенно призывает предать забвению христианские идеалы. Наконец, в-четвертых, желая воздействовать на Моисея, привлечь его к себе, она использует самый примитивный (и совсем не любовный) способ "кнута и пряника" и то укладывает его к себе в постель, то приказывает жестоко избивать.

5. Также основываясь на житии прп. Моисея, Розанов замечает, что Церковь пропитала народ женоненавидением (Розанов 1994:345). Это совсем несправедливое замечание. Во-первых, тема злых жен (кстати, и *добрых жен* также) встречается еще в Ветхом Завете, и не случайно именно на Ветхий Завет ссылаются все авторы, писавшие об этом. Во-вторых, на Руси эта тема разрабатывалась в основном в светской, а не церковной литературе. В-третьих, именно Церковь почитанием Богородицы и святых жен (мучениц, преподобных жен, родительниц многих святых) духовно и трезвенно прославила и возвеличила женщину.

6. В житии Моисей говорит: "Я не хочу ни власти твоей, ни богатства, ибо для меня лучше всего этого душевная чистота, а более того телесная" (Библиотека 1997:419). Это Моисей говорит после предложения взаимного наслаждения красотой друг друга. Здесь Розанов делает следующее примечание: "Видите оклеветание брака у монаха? "Брак есть нарушение *чистоты* (курсив Розанова) душевной и телесной", "брак оскверняет душу и тело", "брак есть скверна" (Розанов 1994:346). Розанов говорит здесь как бы от имени Церкви, от имени монашествующих. Но ведь нигде и никогда Церковь так не учила. Церковь освящает брак, а скверной называет не брак, а любодеяние и прелюбодеяние.

7. К словам Христа ("Всякий, кто оставит отца своего, и мать, и жену, и детей и дом, тот есть мой ученик"), которые неточно цитирует прп. Моисей,²⁴ Розанов делает такое примечание: "...Тут нужно между чем-то *выбирать*: между верностью Ветхому Завету или вот этому Новому Завету, между "Плодитесь! Множитесь!" и "Если вы станете плодиться и множиться – *не можете быть моими учениками...*" (Розанов 1994:348; курсив)

²⁴ Самые близкие к этим слова содержатся в Евангелии от Луки: "Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником. И кто не несет креста своего и идет за мною, не может быть моим учеником" (Лк.14:26-27).

вы Розанова). Это замечание писателя многое проясняет в его общей позиции и в его отношении к прп. Моисею Угрину. Розанов искусственно пытается противопоставить Ветхий и Новый Заветы, причем как тот, так и другой он опять сводит к одной заповеди. Но в Новом Завете Христос повторяет ветхозаветную заповедь о браке: "Не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть" (Мф.19:4-6). Вместе с тем близким ученикам Христос предлагает и другой путь. Розанов не слышал или не хотел слышать слов Христа: "Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить" (Лк.5:17). "Исполнить" здесь – значит сделать совершенным.

Как можно полагать, в своих оценках прп. Моисея Розанов был под сильным влиянием двух своих излюбленных идей: первая – наличие противоречий между Ветхим и Новым Заветами, вторая – неестественность девства, понимание его как самоотрицания пола и своего рода болезни, искажения человеческой природы.²⁵ Отсюда у него упор на заповедь о размножении и отрицание монашества. Отсюда также проистекает у писателя и искаженное восприятие образа прп. Моисея в Патерике. Моисей не против брака в принципе, но *лично он* выбрал другой путь. Он не отрицает физическую близость, но отказывается от любоддеяния. Он не отрицает деторождения, но чувствует в себе другое призвание и следует ему. Интересно, что Розанов ничего не сказал в своих комментариях о библейском Иосифе, а ведь прп. Моисея богослужебные тексты называют вторым или другим Иосифом, в Слове же о прп. Иоанне Многострадальном Моисей ставится даже выше Иосифа (см. Библиотека 1997:416).

²⁵ Следует отметить и влияние на Розанова специальных трудов по медицине, психологии пола и сексопатологии, на которые писатель не раз ссылается (в конце книги он даже помещает "Приложения для медиков и юристов"). Поэтому наряду с двумя указанными особенностями подхода Розанова к житию прп. Моисея Угрина следовало бы назвать и эту. Розанов видит образ прп. Моисея не сквозь призму литературы, истории религии, аскетики, представлений о святости в древнерусской литературе, а сквозь призму модной в то время в определенных кругах проблемы "третьего пола".

Литература

1. *Акафисты 1995* – Акафисты русскимъ святымъ, т.1-3. С-Пб., 1995.
2. *Барсуков 1882* – Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. С-Пб., 1882.
3. *Библиотека 1997* – Библиотека литературы Древней Руси. XII век. Т. 4. С-Пб., 1997.
4. *Булгаков 1993* – Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993.
5. *Житие 1916* – Житие преподобнаго Ефрема Новоторжскаго. – "Жития русских святых. Январь-апрель". М., 1916.
6. *Житие 1910* – Житие преподобнаго отца нашего Моисея Угрина. – "Жития святых на русском языке, изложенныя по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовскаго. Книга одиннадцатая". М., 1910.
7. *Жития 1983* – Жития святых. 1000 лет русской святости, т. 1. Джорданвиль, 1983.
8. *Иоанн 1997* – О многотерпеливом Иоанне затворнике. Слово 29. – "Библиотека литературы Древней Руси", т. 4. М., 1997.
9. *Каган 1998* – Каган М.Д. Стих о злой траве шихе. In: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Часть 3. С. 505-506.
10. *Ключевский 1871* – Ключевский В.О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871.
11. *Колосов 1913* – Колосов И. Новоторжский Борисоглебский монастырь. Тверь, 1913.
12. *Лебедев 1977* – Лебедев Лев, священник. Никитин В.А. Преподобный Аркадий Вяземский и Новоторжский. – Журнал Московской Патриархии. М., 1977, № 7.
13. *Ливотов 1911* – Ливотов Е. Ефрем. – Православная Богословская энциклопедия, т. 5. С-Пб., 1900-1911, стб. 533-535.
14. *Макарий 1995* – Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви, книга вторая (988-1240). М., 1995.
15. *Миня 1988* – Миня. Июль, часть третья. М., 1988.
16. *Миня 1983* – Миня. Январь. Часть вторая. М., 1983.
17. *Моисей 1997* – О преподобном Моисее Угрине. Слово 30. – "Библиотека литературы Древней Руси", т. 4. М., 1997.
18. *Монастыри 1909* – Монастыри и приходские церкви г. Торжка. Тверь. 1909.
19. *Память 1904* – Память преподобнаго Ефрема Новоторжскаго. – "Жития святых на русском языке, изложенныя по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовскаго. Книга пятая, часть вторая". М., 1904.
20. *Патерик 1980* – Киево-Печерский Патерик. – "Памятники литературы Древней Руси. XII век". М., 1980

21. *Плотников 2000* – Плотников Н. Георгий Угрин. М., 2000.
22. *Повесть 1978* – Повесть временных лет. – "Памятники литературы Древней Руси. XI - начало XII века". М., 1978.
23. *Подлинник 1998* – Подлинник иконописный. Изд. С.Т.Большакова. М., 1998.
24. *Полное 1965* – Полное собрание русских летописей, т. 9-10. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.
25. *Православныя 1910* – Православныя русския обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. С-Пб., 1910.
26. *Преподобный 1895* – Преподобный Ефрем, архимандрит, и Аркадий, ученик его – Новоторжские чудотворцы. In: "Тверские епархиальные ведомости". 1885, № 8.
27. *Розанов 1994* – Розанов В.В. В темных религиозных лучах. Собрание сочинений под общей редакцией А.Н.Николюкина. М., 1994. С. 343-352, 400-401.
28. *Ружа 1976* – Ружа Дьёрдь. К иконографии Георгия Угрина. – "Византийский временник", т. 37. М., 1976.
29. *Русские 1995* – Русские монастыри. Центральная часть России. М., 1995.
30. *Свешников 1988* – Свешников Вячеслав, протоиерей. В день памяти преподобного Ефрема Новоторжского. – Журнал Московской Патриархии, № 7. М., 1988.
31. *Сергий 1876* – Сергий. Полный месяцеслов Востока; Святой Восток, т. 2. М., 1876.
32. *Сказание 1985* – Сказание о Борисе и Глебе. Наборно-транскрибированный текст и перевод на современный русский язык. М., 1985.
33. *Сказание 1985a* – Сказание о Борисе и Глебе. Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV века). М., 1985.
34. *Стих 1894* – Стих о злой траве шихе. С предисловием И.А.Гольшева. In: ЧОИДР. 1894. Кн. 4. Отд. II. С. 1-12.
35. *Тверской 1991* – Тверской патерик. Тверь, 1991.
36. *Феринц 1993* – Феринц Иштван. Моисей Угрин и его братья. – *Studia Slavica Hung.* 38/1-2, Вр., 1993.
37. *Феринц 1996* – Феринц Иштван. Житие прп. Моисея Угрина. In: *Dissertationes Slavicae*, XXIV, Szeged, 1996.
38. *Филарет 1900* – Филарет (Гумилевский), архиепископ. Жития святых, чтимых Православной Церковью. Июль. С-Пб., 1900.
39. *Чтение 1916* – Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба. – "Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им". Подготовил к печати Д.И.Абрамович. Петроград, 1916.

40. *Berki 1975* – Berki Feriz. Az orthodox kereszténység. Budapest, 1975.
41. *Ferincz 1995* – Ferincz István. "Magyar Mózes és Efrém - az Orthodox Egyház szentjei". In: Az orthodoxia története Magyarországon a XVIII. századig. Szeged, 1995.
42. *Ferincz 1998* – Ferincz István. Magyar Mózes és Efrém – az orthodox egyház szentjei. – AETAS, N 1, 1998.
43. *Iglói 1962* – Iglói Endre. Magyar Mózes legendája. In: Filológiai Közlöny, 1-2. Bp. 1962.
44. *Iglói 1981* – Iglói Endre. Az orosz irodalom kistükre. Budapest : Európa Könyvkiadó, 1981.
45. *Ivancsó 1997* – Ivancsó István. Magyar Mózes liturgikus tiszteletének tükrében. Nyíregyháza, 1997.
46. *Lepahin 1995* – Lepahin Valerij. Szentéletű Magyar Mózes – a Második József. In: "Az Ortodoxia története Magyarországon a XVIII. századig". Szeged, 1995.
47. *Lepahin 1998* – Lepahin Valerij. Georgij Ugrin, azaz Magyar György – az alig ismert szent. – AETAS, 1998, N 1.
48. *Lepahin 1999* – Lepahin Valerij, Polgár Györgyi. Források Szentéletű és istenhordozó Magyar Efrém atyánk, torzsoki csodatévő Legendájához. – Órosz irodalom és ikonfestészet. Szeged, 1999.
49. *Ruzsa 1974* – Ruzsa Gy. Nouvelles données relative à l'iconographie d'un saint d'origine hongroise, oublié, de l'Eglise russe. Acta Historiae Artium, XX. (1974).
50. *Synaxaire 1988* – Le Synaxaire. Vies des Saints de l'Eglise Orthodoxe. Tome Second, décembre-janvier. Thessalonique, 1988.

VIZSGAELEMZÉS

A középfokú szóbeli vizsgák felvételére 2000. tavaszán került sor az ITK épületében. Céljuk, hogy a leendő vizsgázatok videofelvételen is láthassák, tanulmányozhassák a vizsga valamennyi momentumát.

Az alábbiakban néhány, megítélésünk szerint fontos tanulsággal szolgáló tényt, ill. a vizsga elemzését szeretnénk a tágabb értelemben vett szakma elé tárni.

A felvételeket három kamerás beállítással az intézet technikai szakemberei készítették.

Az elemzésünkben szereplő fiatalember az ELTE Természettudományi Karának hallgatója volt. Általános jellemzésként elmondható róla, hogy közlékeny, jó kapcsolatteremtő képességgel megáldott ifjú. A vizsgázatok nagy tapasztalattal rendelkező, magyarul is kiválóan értő és beszélő orosz anyanyelvű kolléganők voltak.

A vizsga időtartama 16 perc volt, tehát a középfokon elvárt 15 percet lényegében véve nem haladta meg.

A szóbeli vizsga első része az úgynevezett interjú, amikor is a vizsgázató(k) a kötetlen kommunikációs helyzetben méri a jelölt általános témakörökkel kapcsolatos nyelvi kommunikációs készségét. Ennek első része bemelegítő jellegű.

Ebben az interjúban a vizsgázatok által feltett kérdések a következők voltak:

1. Вы живете с родителями?
2. Кто он по специальности?
3. Скажите, дома вы помогаете отцу?
4. В чём вы ему помогаете?
5. Скажите, а вы далеко живете от университета?
6. Сколько времени у вас занимает дорога?
7. Какой вид транспорта вы предпочитаете?
8. Вы пользуетесь разовым билетом или месячным проездным билетом?
9. У вас льготный билет?
10. Почему?
11. Скажите, вам приходилось когда-нибудь ездить без билета?
Есть вопросы? (обращение к другому экзаменатору) (Ez nem számít kérdésnek.)

A tizenkét kérdés quantitativélegnek tűnik, különösen, ha azt is figyelembe vesszük, hogy a 4-es, a 10-es és a 11-es kérdés bővebb kifejtést igényel.

Ha pusztán a kérdések számát vizsgálnánk, akkor akár hiányérzetünk is támadhatna, ám meg kell állapítani, hogy elegendőek voltak, mivel a jelölt bőséges információval, jó szókinccsel reagált rájuk.

A szóbeli vizsga második része a képleírás. Ennek a résznek leíró, prele-gáló jellegűnek kell lenni, itt a vizsgáztatói kérdések nem kívánatosak, hiszen a feladat meghatározása: önálló témakifejtés képi stimulus alapján. Ez a gyakorlatban azt jelenti, hogy kérdések helyett a vizsgáztató inkább promptokat ad, azaz olyan rövid kérdés vagy kijelentés jellegű, segítő szándékú reagálásokat, amelyek hosszabb önálló beszédre készítetik a vizsgázót.

Jelen konkrét esetben a vizsgáztatók az alábbi promptokat adták.

1. Какое у них настроение после игры?
2. Сколько ему лет?
3. Хорошо, в какое время года был сделан этот снимок?
4. Что еще видите на этом снимке кроме мальчиков?
5. Как вам понравилась эта картинка?
6. Почему она вам понравилась?
7. Какую надпись вы сделали бы к этой картинке?

A hét kérdés látszólag ellentmond a fent leírtaknak, ám ha alaposabban megnézzük őket, akkor igazából csak a második kérdést minősíthetjük túl konkrét kérdésnek. Az 5., 6. kérdés nagyon jó, mert magyarázatra, indokolásra készíteti a vizsgázót, a hetedik pedig egyenesen telitalálat. A vizsgáztató kolléganő rendszeresen felteszi ezt a kérdést a középfokú vizsgán képleírása során, és mindig kiválóan működik. Az egyértelműen segítő szándékkal feltett harmadik és negyedik kérdés előbbre vitte a vizsgázói monológot, ezekre jó válaszok érkeztek.

A szituációban szerepjátékról van szó, igazából tehát életszerű helyzetben pergő, kérdés-felelet dialógus kialakítása a cél. Mint látjuk, itt csak két kérdés hangzott el, ami természetes ebben a szituációban, hiszen a vizsgáztató szerepe szerint információt adott a vizsgázó kérdéseire. Azért sem volt szükség több, segítő jellegű kérdésre, mert a vizsgázó magához ragadta a kezdeményezést és önálló kiselőadásba fogott - az előtte lévő magyar nyelvű szöveg ismeretében.

1. Мы организуем экскурсию за границу, хотите участвовать?
2. В какой стране вы побывали?

A következőkben vizsgáljuk meg, milyen vizsgáztatói utasítások hangzottak el. A szóbeli vizsga három részét az egyes kérdések után húzott vízszintes vonallal jelöljük.

1. Разрешите ваш паспорт
2. Представьтесь, пожалуйста
3. Он стоит дешевле, чем другие проездные
4. Не приходилось

-
1. Тогда перейдем к картинкам
 2. Возьмите, пожалуйста, две картинки, еще одну
 3. Теперь выберите, которая вам больше нравится
 4. Будьте любезны, дайте мне, пожалуйста
 5. Возьмите себе, вот эту дайте мне, пожалуйста
 6. Спасибо
 7. Опишите внешность одного из мальчиков, любого, который вам нравится

-
1. Опишите, пожалуйста, ситуацию
 2. Минуточку
 3. Прочитайте про себя, потом мы разыграем ситуацию
 4. Мы будем отдыхать на море, в Испании, проведем там недели две, по плану
 5. Сейчас посмотрите Испанию, если поедете с нами
 6. Мы нашли недорогую гостиницу, недалеко от Барселоны
 7. Мои знакомые там отдыхали в прошлом году и они рекомендовали нам
 8. Ему, эта поездка обойдется в 50.000 форинтов, приблизительно
 9. Завтракать и обедать в гостинице
 10. Завтрак и обед входит в стоимость номера, а ужинать можно где угодно
 11. Там вечером много возможностей, гулять можно, ездить на соседние курорты, так что каждый по своему...
 12. Это будут номера на двоих
 13. В августе уже жарко, на море точно, можно купаться с утра до вечера
 14. Можно не выходить из воды
 15. Так что, пожалуйста, подумайте и позвоните завтра, послезавтра, будем рады
 16. Экзамен закончен, возьмите, пожалуйста, паспорт. До свидания, всего доброго

A vizsgáztatói utasítások kivétel nélkül jól átgondoltak voltak, szervesen illeszkedtek a vizsga menetébe, tehát a spontaneitás csakúgy jellemezte őket, mint az unos-untalan hangoztatott, ám rendkívül fontos beszélgető jelleg (vö: a képleírás hetedik kérdését).

A vizsgázó által elkövetett fontosabb grammatikai és lexikai hibák:

Grammatikai hibák	Lexikai hibák
буду стать	сколько стоит весь путь
около их	чистить квартиру
будем ездить	
из южных странах	
какие номера	
надо договорить	

A fent felsorolt nyolc hiba egyike sem tartozik az információt zavaró, a megértést gátló vagy azt egyenesen megakadályozó hibák kategóriájába, ilyen szempontból tehát az összprodukciónak megítélését nem befolyásolják. Ugyanakkor, mivel az orosz flektáló nyelv, nem lehet figyelmen kívül hagyni azt a tényt sem, hogy középfokon joggal várható el olyan alapvetően fontos főnév, mint a номер = szoba plurálisának pontos ismerete (vö: номера) vagy az, hogy az összetett jövő idő a bity+folyamatos infinitivus kombinációjával képezhető.

A vizsgázó produkciója összességében megfelelt a középfok elvárásainak, jó kommunikációs, gyors reakció készséggel rendelkezik. A nem túl gazdag, ám ezen a szinten elvárható szóincset ügyesen forgatta, nem riadt vissza az ismétlésektől sem (a vizsga folyamán többször is elmondta, hogy az ELTE Természettudományi Karának a hallgatója). Fluenciája, kiejtése a közepes átlagnak megfelel.

A MAGYAR SZLAVISZTIKA TÖRTÉNETÉBŐL

ИЗ ИСТОРИИ ВЕНГЕРСКОЙ СЛАВИСТИКИ

Научная славистика достойно представлена многими именами выдающихся венгерских славистов – языковедов, историков, этнографов, литературоведов. *Studia Slavica Savariensia* открывает новую рубрику «Из истории венгерской славистики», которая будет знакомить читателей с интересными именами и фактами, с исследованиями, которые давно стали библиографической редкостью, но не утратили своей научной и познавательной ценности.

TARTALOM
СОДЕРЖАНИЕ

Elizabeta Bernjak: <i>Teorija besednih vrst v slovenskem in madžarskem jezikoslovju</i>	1
Irena Stramljič Breznik: <i>Prikaz besedne družine v besedotvornem slovarju</i>	18
Melanija Fabčič: <i>Zwischen authentizität und fiktion</i>	32
Miran Štuhec: <i>Vergleich von Prešerens Krst pri Savici und Puškins Eugen Onegin unter dem aspekt der angewandten narrativen strategie</i>	47
Péter Pátrovics: <i>Aspekt czasownika polskiego w świetle glottodydaktyki</i>	57
Мокиенко В.М.: <i>Библеизмы и фольклоризмы: генетическое родство или типологический параллелизм?</i>	65
В.Сердюченко: <i>Год 2000-ый. Литературная ситуация в России</i>	78
Владимир Моторный, Андрей Моторный: <i>Сорабистика в Украине: история и современность</i>	96
В.А. Федосов: <i>Промежуточная фонетическая система, образующаяся при изучении иностранного языка</i>	110
Анатолий Ивченко: <i>К этимологии украинского фразеологизма дати дуба 'умереть'</i>	141
Іван Лучук: <i>Слов'янський антураж української поезії</i>	149
Богдан Михайлишин: <i>Тенденції розширення української термінологічної номінації</i>	164
Валерий Лепяхин: <i>Образ прп. Моисея Угрина в произведении XVII века "Стих о злой траве шихе" и в комментариях В.В.Розанова начала XX века</i>	177
Dr. Horváth Iván: <i>Vizsgaelemzés</i>	189

A MAGYAR SZLAVISZTIKA TÖRTÉNETÉBŐL –
ИЗ ИСТОРИИ ВЕНГЕРСКОЙ СЛАВИСТИКИ

О.Ашботь (Oszkár Asbóth, 1852-1920): <i>Н`сколько зам`чаній на сочиненіе В.И.Ягича объ исторіи происхожденія церковно-славянскаго языка</i>	193
Содержание	270

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи представляются в редакцию в одном экземпляре компьютерного набора обязательно с дублированной записью на дискете.
2. Текст должен быть набран в программе **Word for Windows** - шрифт **Times New Roman (CE/Cyr)**, размер **11** через один интервал. Примеры в журнале принято давать **курсивом**, а значения их **в кавычках**.
3. Список использованной литературы даётся в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так:
 - Фамилия и инициалы автора и год выхода цитируемой работы, тире, название работы. В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражения типа «и др.» или «et al.».
 - Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например: *Taylor J.R.* 1995 – *Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory*. Oxford, 1995 или *Бошковић* 1936 – *Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници*. Београд, 1936.
 - Если это статья, то после двойного слеша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например: *Карцевский С.О.* Бессоюзие и подчинение в русском языке // ВЯ. 1961. №2 или *Corbett G.* 1987
 - *The morphology-syntax interface* // *Language*. 63. 1987.
 - Если это сборник или иное аналогичное издание, то «кодом» является фамилия и инициалы редактора (или редакторов; допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу, см. выше) с указанием «ред.» (для других языков – ed., eds., hrsg. и т.п.) и год, например: *Greenberg J. ed* 1978 – *Universals of human language*. V. 1. *Method and theory*. Stanford (California), 1978.
4. В тексте ссылки на литературу даются в квадратных скобках; фамилия и инициалы автора, год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно). Например, [*В.В.Иванов* 1992: 34] или [*Topolińska Z.* 1984]. Под этим же кодом упоминается данная работа в списке литературы.
5. Подстрочные примечания, которые сохраняются наряду со списком использованной литературы, имеют сквозную нумерацию.
6. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.

STUDIA
SLAVICA
SAVARIENSIA